

Изданія Юридическаго Книжнаго Магазина Н. К. Мартынова.

С.-Петербургъ, Садовая 15, уг. Невскаго.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

(Св. зак. т. X ч. I изд. 1900 г.), съ разъясн. Сената и алфав. указателемъ. Сост. подъ ред. А. Гаугера. Изд. 7-е, испр. и дополн., 1909 г. 3 р., въ шагр. пер. 3 р. 50 к.

Изъ ряда многихъ достоинствъ этой книги, съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ ея краткость, сжатость и точность. Много нужно опытности, знанія дѣла и труда, чтобы извлечь изъ необозримаго моря сенатскихъ рѣшеній и опредѣленій существенно важныя разъясненія закона, придать имъ краткую и понятную форму и тѣмъ сдѣлать эти разъясненія доступными для всякаго, даже мало свѣдущаго человѣка. Задача автора—дать этому сборнику характеръ справочной книги, въ которой легко можно было бы ориентироваться и, при массѣ разъясненій, быстро уловить то, что можетъ служить къ разъясненію даннаго вопроса, и, кромѣ того, облегчить читателю путь къ скорѣйшему отысканію интересующаго его предмета, посредствомъ полнаго предметнаго указателя, выполнена вполне удовлетворительно“ (Журн. Юр. Общ., Мартъ 95 г.; см. также Журн. М-ва Юст. 905 г. № 4).

ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ.

Письма, прошенія, судопроизв. бумаги, коммерч. корреспонденція, договоры, обязательства и справоч. свѣдѣнія. Сост. б. нотариусъ Н. Мартыновъ. Изд. 4. 1910 г. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ,

т. X ч. I по продолж. 1906 г. Изданіе карманн. 1907 г., въ перепл. 1 р. 30 к.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ,

его значеніе, порядокъ составленія и судебн. утвержденія, 1903 г. 30 к.
Сост. С. Г. Громачевскій.

УСТАВЪ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,

съ позднѣйш. узаконеніями, законод. мотивами, рѣш. Сената, цирк. Мин. Юст. и алф. указат. Сост. В. М. Гордонъ. Изд. 5, 1911 г. Печатается.

Сборникъ рѣшеній Общ. Собр. Сената

за 30 л. (съ 1866—1896 г.) и дополненія къ нему за 1896—1900 г. и 1900—1905 г. Сборникъ составленъ подъ ред. А. К. Гаугера и содержитъ въ себѣ указатели: по статейный, по фамиліямъ и разрѣшен. вопросамъ (въ алф. порядкѣ) и подлинный текстъ рѣшеній (въ хронол. порядкѣ), съ сокращеніемъ въ нихъ вступит. части и дословнымъ сохраненіемъ разсужденій Сената. Дополненія составлены по системѣ основнаго сборника и снабжены такими же указателями.

Цѣна сборника 5 р., въ пер. 5 р. 75 к. Цѣна дополненія:—перваго 1 р., втораго—1 р. 50 к., въ общемъ переплетѣ 8 р. 50 к.

УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

(Св. Зак. т. XVI п. I, изд. 1892 г. и по прод. 1906 г. съ позднѣйш. узак. по 15 окт. 908 г.) съ алфав. и хронол. указат. законовъ; изд. карманное. 1909 г., въ перепл. 1 р. 50 к.

УЧРЕЖДЕНІЯ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ

съ позднѣйш. узакон., указат. алфав. и хронол. Изданіе карманное. 1910 г., въ перепл. 1 р.

УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

съ позднѣйш. узаконеніями, законодат. мотивами, разъяснен. Сената и циркулярами Мин. Юст. Составленъ членомъ Харьковской судебной палаты М. Шрамченко и юрисконсультъ Министерства Юстиціи В. Ширновымъ. Изданіе 5. 1911 г. Печатается.

Юридическая энциклопедія.

Д-ра А. Меркеля. 1902 г. 1 р. 50 к.

5114
80

М. Ажамъ.
на отъ

801-18
26

ИСКУССТВО ГОВОРИТЬ ПУБЛИЧНО.

(La parole en public).

Психо-физиологическая теорія краснорѣчія.

Переводъ со 2-го французскаго изданія

Ю. В.

Изданіе второе.

[1910]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина **Н. К. Мартынова.**

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА.

Въ наши дни древняя риторика совершенно потеряла кредитъ. Уже давно цicerоновскія дѣленія вышли изъ моды. Новѣйшая рѣчь утратила большую часть свойствъ, отличавшихъ ее не только въ древнія времена, но даже въ послѣднемъ столѣтіи и, быть-можетъ, именно краснорѣчіе наиболѣе усвоило себѣ въ настоящее время тотъ видъ непринужденности, который стараются охарактеризовать несноснымъ выраженіемъ «fin de siècle».

Написать эту книгу меня собственно побудило убѣжденіе, что въ числѣ приемовъ, совѣтуемыхъ деюбантамъ, со временъ «De Oratore», чтобъ не восходить дальше, имѣются такіе, которые болѣе предпочтительны, чѣмъ другіе,—которые лучше приспособлены къ нервной организации оратора, прямѣе ведутъ къ цѣли и болѣе соответствуютъ физиологическимъ даннымъ современной науки. У меня нѣтъ смѣшной претензіи думать, что я приношу міру откровеніе. Я просто лишь утверждаю, что чтеніе этого небольшого сочиненія можетъ быть не бесполезно для труженниковъ, знающихъ, что безпрестанное усиліе является условіемъ всякаго умственнаго прогресса.

Съ моей стороны было бы неблагодарностью не выразить здѣсь признательности доктору А. Брето, который любезно согласился просмотрѣть этотъ трудъ, въ его физиологической части, и доктору Луи Саломону, который взялся нарисовать для меня схематическія фигуры, иллюстрирующія первую главу.

2013041534

ГЛАВА I.

Психо-физиологія рѣчи.

I.

Что такое рѣчь?

Писатели находили удовольствіе въ томъ, чтобы размножать опредѣленія рѣчи, и въ этомъ отношеніи насъ затрудняетъ лишь выборъ. На высокопарномъ стилѣ даръ слова называется «отличительнымъ признакомъ» и «священной принадлежностью» человѣческаго рода; юмористы же утверждаютъ, что онъ данъ человѣку, чтобы скрывать свои мысли. Наиболѣе предпочтительно физиологическое опредѣленіе: оно яснѣе и не можетъ служить поводомъ къ какой бы то ни было критикѣ. Рѣчь—это издаваніе звуковъ, съ помощью струи воздуха, выдыхаемаго человѣкомъ черезъ гортанно-губной аппаратъ. Чтобы не сбиться съ пути, нужно исходить именно изъ этого положенія.

Кажется, очевидно, что ребенокъ научается говорить при посредствѣ чего-то вродѣ «механическаго отраженія». Поясню это на примѣрѣ. Однимъ изъ первыхъ выраженій рѣчи, въ которомъ нуждается ребенокъ, безъ сомнѣнія, является то, которое означаетъ для него ощущеніе голода. Родители или мамка обладаютъ естественной склонностью выражать эту идею слогомъ, подражающимъ движенію готовящагося глотать рта, а именно звукомъ «амъ». Ребенокъ слышитъ слогъ «амъ», и этотъ звукъ, повторяясь часто, вѣдряется въ уголокъ его маленькаго мозга, но не такъ, какъ предметъ, запираемый въ сундукъ (да простятъ мнѣ это выраженіе, предназначенное для того, чтобы моя мысль была яснѣе понята), а, по прекрасному и сильному выраженію одного писателя, въ «напряженномъ состояніи». Онъ не будетъ спокойно лежать въ маленькой головкѣ,—нѣтъ, онъ долженъ оттуда выйти! Онъ долженъ выразиться во снѣ, съ помощью той струи воздуха, о которой я только что говорилъ. Онъ кажется одареннымъ жизнью. На современномъ психологическомъ языкѣ звукъ «амъ», такимъ путемъ занесенный въ мозгъ, становится образомъ, представляющимъ звукъ: «слуховымъ образомъ».

Располагаются ли воспринятые ухомъ ребенка образы, какъ буквы, въ рядъ оттиснутые телеграфнымъ аппаратомъ, или же накаплиются, какъ листы бумагъ, складываемыхъ въ грудѣ,—пребываютъ ли они

въ мозгу фосфоросвѣтными, какъ думаетъ докторъ Люисъ ¹⁾, или же, какъ учить Рибо ²⁾, они вызываютъ динамическія измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ,—во всякомъ случаѣ, я считаю несомнѣннымъ то, что они запечатлѣваются въ такъ называемомъ «умѣ», сохраняя склонность къ оживанію.

Ребенокъ говоритъ лишь потому, что онъ представляетъ собой удивительный фонографъ, передающій сообщаемые ему звуки, безъ нажатія какой-нибудь пружины. Такъ объясняется болтливость юнаго возраста,—вотъ почему ребенокъ безпрестанно лепечетъ.

II.

Но недостаточно выставить положеніе, что слуховой образъ естественно стремится выразиться во внѣ, для того, чтобы можно считать загадку рѣчи разъясненной. Если бы новѣйшая опытная психологія ограничилась лишь такимъ открытіемъ, то это было бы незначительнымъ приобрѣтеніемъ. Нужно еще показать механизмъ образованія идей. Какимъ образомъ, приобрѣвъ слово, ребенокъ пользуется имъ?

Я постараюсь изложить вкратцѣ и съ возможно большей ясностью прекрасное изслѣдованіе о процессѣ образованія идей проф. Балла, ученика Шарко ³⁾.

Нынѣ каждому извѣстно, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія, достигающія поверхности нашего организма, передаются мозгу черезъ систему нервныхъ волоконъ, весьма похожихъ, если не по строенію, то по отправленію, на проволоки телефоннаго кабеля. Такимъ же образомъ, приказанія, ежеминутно отдаваемые нашимъ мозгомъ мускуламъ и членамъ, передаются другими нервными волокнами, не совпадающими съ первыми и приводящими въ сношеніе мозговой центръ съ периферіей. Волокна, переносящія ощущенія, естественно принимаютъ названіе центростремительныхъ или приносящихъ волоконъ, такъ какъ они направляются къ центру. Это—чувствительныя волокна. Волокна, передающія движеніе, носятъ имя центробѣжныхъ или относящихъ, ибо они удаляются отъ центра. Это—двигательныя волокна ⁴⁾.

Возьмемъ теперь для примѣра прохожденіе звука вдоль нервныхъ волоконъ. Пусть этимъ звукомъ, проникающимъ въ ухо, будетъ звонъ колокола. Назовемъ его «дзинь». Этотъ звукъ проникаетъ въ ушное отверстіе А, затѣмъ, онъ раздражаетъ нервныя волокна, которымъ поручено препроводить его въ особенный мозговой центръ, въ литературѣ называемый «центромъ воспріятія слуховыхъ образовъ» (В). Изъ этого центра воспріятія звукъ не переходитъ немедленно, съ помощью двигательныхъ волоконъ, къ периферіи. Онъ направляется, при посредствѣ особенныхъ связующихъ, *спяивающихъ* волоконъ, въ другой центръ, который находится въ прямомъ сообщеніи съ двигательными волокнами и управляетъ ими. Это *двигательный* сусав-

ный центръ (D). Въ этой-то мастерской звукъ приобрѣтаетъ двигательныя свойства, здѣсь онъ придетъ въ сношеніе съ волокнами, направляющимися отъ центра къ периферіи, и отсюда уже будетъ переданъ мускуламъ гортани, пищевода и языка ¹⁾.

Но приобрѣтеніе ребенкомъ образа «дзинь», какъ бы хорошо онъ ни запечатлѣлся въ клѣткахъ приемнаго центра, не представляетъ еще для него особенной важности. Въ концѣ-концовъ, это не болѣе, какъ звукъ, еле различимый въ массѣ внѣшняго шума. Различеніе станетъ полнымъ для него лишь тогда, когда онъ услышитъ слово «колоколъ». Этотъ второй звукъ, въ свою очередь, заносится въ другой мозговой отдѣлъ, сосѣдній со слуховымъ центромъ, называемый «спеціальнымъ центромъ словесныхъ образовъ» и включающій одни только слова и ничего болѣе (С). Эти два центра, тѣсно связанные между собою нервными волокнами, находятся такъ же въ сношеніи съ областью мозга, гдѣ соединяются образы различныхъ центровъ,—съ центромъ образованія идей (I). Здѣсь звукъ «дзинь» тѣсно облизится со словомъ «колоколъ», здѣсь они соединятся до такой степени неразрывно, что одинъ не можетъ быть вызванъ безъ другого.

Теперь представляется возможнымъ понять, какимъ образомъ въ мозгу ребенка окончательно слагается «идея колокола».

Чувство слуха, съ помощью разобраннаго нами процесса, доставило ему уже двѣ идеи: 1) идею колокольнаго звука «дзинь», 2) идею слова, представляющаго уму идею колокола: «колоколъ».

Чувство зрѣнія, путемъ подобнаго же процесса, снабдитъ его: 1) идеей формы колокола, 2) идеей написаннаго слова «колоколъ», являющагося зрительнымъ знакомъ, воспроизводящимъ идею колокола (см. правую сторону рисунка).

Чувство осязанія дастъ ему ощущеніе металла.

Словомъ, нѣтъ ни одного чувства, которое не было бы способно принести мозгу свою лепту для познанія предмета.

Слѣдовательно, въ обозначенномъ выше центрѣ, которому Шарко такъ вѣрно далъ названіе центра образованія идей ²⁾, соединяются и сочетаются всѣ образы предмета, доставленные центростремительными нервными волокнами. Это перекрестокъ, гдѣ сходятся всѣ ощущенія, и гдѣ ихъ встрѣча порождаетъ *идею*, происходящую отъ сочетанія всѣхъ вкладовъ различныхъ чувствъ.

Предлагаемая мной здѣсь схема, иллюстрирующая это описаніе мозгового механизма, представляетъ собой *почти точное* воспроизведеніе той, которую Шарко пользовался въ своихъ лекціяхъ въ Сальпетриерѣ. Докторъ Луи Соломонъ, согласившійся мнѣ ее нарисовать, нѣсколько уклонился отъ модели, представленной докторомъ Балле въ его изслѣдованіи о «Внутренней рѣчи». Нужно было по возможности сдѣлать еще болѣе разительнымъ столь ясное раздѣленіе

¹⁾ Въ новѣйшемъ трудѣ Раймона и Арто установлено, что начало подъязычнаго нерва находится внизу восходящаго лобнаго изгиба между язычными мускулами. *Brissaud, Maladies de l'Encéphale, вѣ Traité de Médecine Charcot-Bouchard, p. 13, t. V.*

²⁾ Этотъ центръ соответствуетъ нервнымъ клѣткамъ мозговой коры. См. *Brissaud, op. cit., p. 8.*

¹⁾ *Luys. Le Cerveau.*

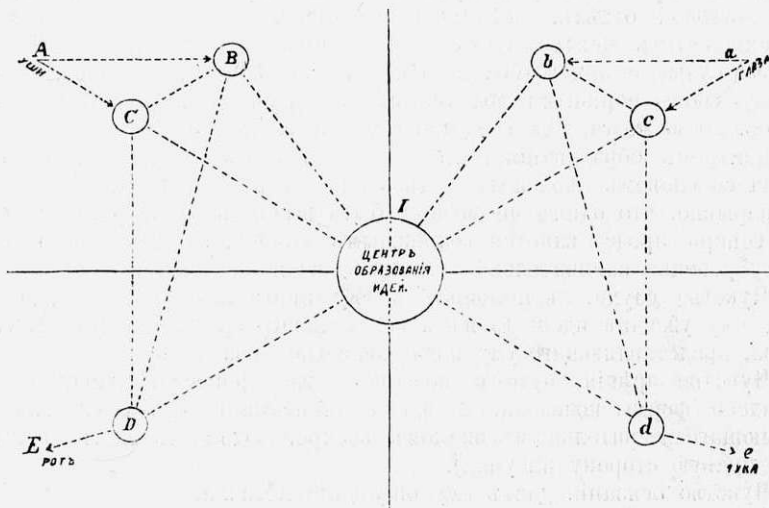
²⁾ *Рибо. «Болѣзни памяти».*

³⁾ *G. Ballet. Le langage intérieur.*

⁴⁾ *Herbert Spencer. Principes de psychologie. t. I, p. 27 et suiv.*

слова на четыре образа: слуховой, зрительный, двигательно-артикуляционный, двигательно-графический.

Достаточно рассмотреть этот рисунок, чтобы увидеть, что только два чувства имеют значение для рѣчи,—во-первыхъ, слухъ и, во-вторыхъ, зрѣніе. Вообще услышанныя и увидѣнные слова сосредоточиваются въ мозгу, при помощи аналогичныхъ механизмовъ, и выражаются во внѣ, путемъ сходныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, обычный путь *услышанного слова* по нервнымъ волокнамъ будетъ А, С, I, D, Е; путь же прочитанного слова будетъ а, с, I, d, е.

- В—центръ воспріятія слуховыхъ образовъ (звуковъ).
 С—центръ воспріятія словесныхъ образовъ (произнесенныхъ словъ).
 D—центръ храненія словесно-двигательныхъ образовъ; двигательно-суставный центръ; „мастерская“ Кюссмауля.
 b—центръ воспріятія зрительныхъ образовъ.
 с—центръ воспріятія зрительно-словесныхъ образовъ (написанныхъ словъ).
 d—двигательно-графическій центръ; центръ храненія образовъ, требующихъ графическихъ движеній.
 I—центръ образованія идей; мѣсто ассоціаціи образовъ, доставляемыхъ разными чувствами; перекрестокъ Шарко.

Я долженъ прибавить, что рѣчь идетъ о полномъ пути, при участіи *сознанія*. Но онъ можетъ быть не полонъ. Онъ можетъ обойти центръ идей I. Тогда у насъ получаются сокращенныя дороги А, С, D, Е и а, с, d, е, которыя, какъ вѣрно замѣтилъ Кюссмауль, служатъ для подражательной рѣчи дѣтей и попугаевъ или для безсознательныхъ графическихъ движеній. Когда не затронутъ центръ I, сознание отсутствуетъ ¹⁾.

¹⁾ «Когда возбужденіе лишь проходитъ по чувствительнымъ нервамъ, чтобы сейчасъ же отразиться въ двигательныхъ, оно не бываетъ сознано». Debierré, «La moelle épinière et l'Encéphale», стр. 397.

III.

Теперь мы можемъ ясно понять механизмъ рѣчи. Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ актовъ, которые дѣлятся на четыре фазы: слуховое или зрительное ощущеніе, воспріятіе, координація, выраженіе.

Хорошо извѣстно, что умѣнь говорить приобѣщается ребенкомъ съ крайнимъ трудомъ. Лишь путемъ продолжительныхъ усилій онъ достигаетъ возможности произнести, даже несовершеннымъ образомъ, услышанное слово. Вначалѣ онъ долженъ постоянно пускать въ ходъ свое вниманіе и свою волю. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, рѣчь, бывшая сперва актомъ воли, становится настоящимъ рефлексомъ. Она дѣлается тѣмъ, что справедливо названо *вторичнымъ автоматическимъ движеніемъ*, въ противоположность первичнымъ автоматическимъ движеніямъ, или инстинктивнымъ актамъ.

«Слѣдствіемъ упражненія являются два важныхъ результата. Оно не только учитъ насъ выбирать мускулы, соответствующіе нашей цѣли,—оно также замѣняетъ вначалѣ бесполезное и беспорядочное расточительство нашихъ силъ, столько же экономическимъ, сколь и преднамѣреннымъ примѣненіемъ двигательныхъ силъ. Возбужденіе дѣлающаго усилія ребенка приводитъ мало-по-малу къ тому, что онъ схватываетъ предметъ, ходитъ; щелканіе, шипѣніе, лепетъ становятся раздѣльными словами. Одни только готтенты и кафры сохранили въ своемъ алфавитѣ звукъ щелканія» ¹⁾.

Нужно запомнить изъ этихъ предварительныхъ замѣчаній, что чувство слуха представляетъ громадное значеніе для разговорной рѣчи. Необходимо сдѣлать очевиднымъ положеніе, что безъ слухового органа не существуетъ нормального строенія ума. Первый и наиболѣе важный вкладъ въ содержимое мозга состоитъ изъ звуковъ, изъ слуховыхъ образовъ, и эти звуки, задержанные нервными центрами, становятся зародышами словъ, въ которыхъ выражаются идеи. Физиологически, слышать значитъ говорить.

Эта истина давно уже была понята философами эмпирической школы, которые въ изобиліи представили доказательства того, что въ умѣ нѣтъ ничего, что не было бы доставлено чувствами. Но лишь немногіе выяснили безусловное преобладаніе чувства слуха. Примѣры глухонѣмыхъ, которые, по исключенію, представляютъ нѣкоторую остроту ума, недостаточны, чтобы служить доказательствомъ преимущественнаго значенія чувства зрѣнія, равнымъ образомъ, какъ и столь избитый примѣръ слѣпо-глухонѣмой Лауры Бриджмэнъ не доказываетъ превосходства чувства осязанія ²⁾. Если съ эволюціонной точки зрѣнія осязаніе было единственнымъ первоначальнымъ чувствомъ, то слѣдуетъ признаться, что его спеціальныя развитія приобѣли иное

¹⁾ Küssmaul, op. cit. p. 41.

²⁾ Лаура Бриджмэнъ (изъ Бостона, въ Соед. Штат.), ослѣпнувшая и оглохнувшая въ двухлѣтнемъ возрастѣ, владѣла лишь чувствомъ осязанія; обоняніе у нея было нѣсколько притуплено, а вкусъ отсутствовалъ; несмотря на это, она достигла высокой степени умственного развитія, могла усвоить отвѣченные идеи и, въслѣдствіе, была учительницей. (Küssmaul, op. cit., p. 22).

значение въ жизни организмовъ. Нѣтъ наблюдателя, который въ общемъ не распозналъ бы высокаго умственного и нравственного превосходства слѣпыхъ надъ глухонѣмыми. Мозговая слабость глухонѣмыхъ настолько очевидна, что нѣкоторые криминалисты задаются вопросомъ, не должны ли эти недоразвитыя существа быть избавлены отъ уголовной отвѣтственности? Пусть удастся научить ихъ говорить,—но не слѣдуетъ забывать той огромной роли, которую играетъ во всемъ живущемъ видовая память. Говорить собственно не глухонѣмой, а потомокъ поколѣнія говорящихъ. Только въ такомъ смыслѣ современная философія позволяетъ понимать врожденные идеи.

Даже самъ Бональдъ, въ одномъ мѣстѣ, высказалъ, что истиннымъ чувствомъ разума является слухъ. Но онъ сказалъ правду по наитію. Послѣ цѣлаго ряда опытовъ, проф. Кюссмауль, сначала колебавшійся въ опредѣленіи истинной роли чувства слуха, увидѣлъ себя, такъ сказать, принужденнымъ отречься отъ прежняго заблужденія и провозгласить, что слухъ единственное чувство, побуждающее человѣка подражать звуковой рѣчи. При отсутствіи слуха, зрѣнія недостаточно, чтобъ заставить нѣмыхъ говорить, подражая мимикѣ звуковъ ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя, Штрикеръ подтвердилъ эту доктрину, допустивъ, что въ нормальномъ состояніи слуховой образъ связанъ со словесно-двигательнымъ представленіемъ ²⁾. Онъ привелъ, кромѣ того, наблюдение Гуда, по которому въ одной школѣ глухонѣмыхъ не было ни одного ученика, который научился бы, съ помощью одного лишь зрѣнія, произносить звуки, и заключилъ, что «акустическіе, словесные образы сами собою вызываютъ раздѣльные звуки».

Такимъ образомъ, механическое подражаніе звукамъ является первымъ условіемъ развитія рѣчи и вообще умственныхъ способностей ребенка. Онъ все слышитъ и все повторяетъ. Я прибавлю еще, что въ немъ замѣчается склонность, при повтореніи, самымъ точнымъ образомъ перенимать интонацію словъ, коснувшихся его уха ³⁾. Мы все могли замѣтить подобнаго рода явленіе у взрослыхъ. Въ лабораторіи экспериментальной психологіи въ Сорбоннѣ, Альфредъ Бинэ показалъ, что существованіе такого стремленія къ точному повторенію можно провѣрить и на взрослыхъ ⁴⁾. Цѣлымъ рядомъ опытовъ онъ установилъ, что, повторяя слово немедленно послѣ его воспріятія, человѣкъ склоненъ воспроизводить звуки съ тѣми же удареніями, съ тѣми же паузами, которыя употреблялъ экспериментаторъ. Не замѣчали ли и мы, что парижанинъ, находясь въ провинціи, съ теченіемъ времени, пріобрѣтаетъ мѣстный акцентъ?

Такимъ образомъ, устное воспитаніе ребенка для него самое главное,—оно наиболѣе естественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе логично.

Я бы вызвалъ протесты педагоговъ, прежде всего выдвигающихъ зрительное обученіе въ раннемъ дѣтствѣ, еслибъ не отводилъ зрѣнію,

¹⁾ Op. cit., p. 68.

²⁾ Stricker. Le Langage et la Musique, p. 73.

³⁾ Эта истина не нова. Говоря о воспитаніи оратора, Квинтиліанъ даже советовалъ выбирать для дѣтей нянекъ съ чистымъ языкомъ. Ne sit vitiosus sermo nutricibus.

⁴⁾ Revue philosophique, июнь, 1894 г.

какъ, впрочемъ, и осязанію, замѣтнаго мѣста въ начальномъ развитіи сознанія. Но роль другихъ чувствъ, въ силу законовъ, установленныхъ новѣйшей психологіей, является лишь второстепенной. Здѣсь открывается новый путь для педагогич., и меня не удивитъ, если въ близкомъ будущемъ отважные умы смѣло вступятъ на него.

Я закончу положеніемъ, что запасъ сначала *услышанныхъ* и затѣмъ *прочитанныхъ* словъ необходимъ для полнаго проявленія мысленія. Можно, разумѣется, допустить, что идея существуетъ безъ словъ, такъ какъ Лаура Бриджмэнъ думала съ помощью осязательныхъ образовъ и многіе великіе писатели преимущественно мыслятъ зрительными, а не словесными образами. Но безъ словъ, этихъ замѣстителей образовъ, обыкновенно не бываетъ мыслящаго мозга. Говорить—значитъ не только давать возможность другимъ понимать себя, но и самому понимать себя. Я всѣми силами настаиваю на этомъ послѣднемъ соображеніи. Дѣйствительно, какъ только въ ребенкѣ, болѣе или менѣе совершенно, разовьются его словесныя способности, какъ только рѣчь станетъ для него настоящимъ рефлексомъ, какъ только содѣйствіе находящихся въ полномъ согласіи и порядкѣ чувствительныхъ и двигательныхъ центровъ мозга положить конецъ тому, что Кюссмауль называлъ первоначальнымъ расточеніемъ словъ, что тогда ребенокъ едѣлаетъ съ пріобрѣтенными сокровищами, какъ онъ будетъ расходовать ихъ? Сообщаясь съ другими? Да, безъ сомнѣнія, но также и *сообщаясь съ самимъ собой*. Думать—значитъ мысленно говорить. Вопросъ о внутренней рѣчи до такой степени важенъ для подобнаго рода сочиненія, что я принужденъ посвятить ему отдѣльную главу.

ГЛАВА II.

Внутренняя рѣчь, разсматриваемая въ ея связи съ внѣшнимъ словомъ.

I.

Я преклоняюсь передъ новѣйшей психологіей; однако, было бы несправедливо допустить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, слишкомъ мятежными умами, что она выбросила за бортъ всю старую психологію. Безъ сомнѣнія, старая психологія блуждала въ туманныхъ высотахъ метафизики. Подъ конецъ, она стала вращаться на одномъ мѣстѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, и была обречена на безсиліе. Тѣмъ не менѣе, самонаблюденія писателей старой школы остаются зачастую образцами внутреннего анализа. Исторія показываетъ, что важный вопросъ о внутренней рѣчи, взволновавшій психологію, былъ поставленъ именно философамъ, систематически подчинявшимся спиритуалистическимъ взглядамъ, Викторомъ Эггеромъ ¹⁾. Не существуетъ, насколько мнѣ извѣстно, спеціальнаго труда, въ которомъ излагалось бы происхожденіе этой любопытной фазы психологической эволюціи. Я постараюсь, по мѣрѣ силъ, представить вѣрную картину ея.

¹⁾ Victor-Egger. La parole intérieure, 1881.

Уже очень давно было обращено вниманіе на важное значеніе рѣчи для человѣческаго мышленія. Если одни изъ мыслителей называли слова жалкими ярлыками, то другіе, напротивъ того, окрестили ихъ именемъ «монеты всѣхъ умственныхъ сношеній». Въ сущности, слова, дѣйствительно, представляютъ собой квинтэссенцію послѣдовательныхъ приобрѣтеній человѣчества. По выраженію Кюссаули, мысль не можетъ приобрѣсти полной ясности и точности раньше, чѣмъ не найдетъ въ словѣ своего вѣрнаго выраженія. Слѣдовательно, если и нельзя утверждать, что невозможно думать безъ помощи словъ, то слѣдуетъ, однако, засвидѣтельствовать, что въ настоящей степени своего развитія родъ человѣчскій думаетъ при помощи словъ.

Мысль существуетъ настоящимъ образомъ лишь съ момента, когда человѣкъ приобрѣтетъ матеріалы, позволяющіе ему слушать самого себя. Съ того дня, когда составленъ мысленный словарь, человѣчскій мозгъ превращается въ громадную, никогда не знающую покоя, фабрику. Клѣтки, запечатлѣвшія слова, это—тѣ же работницы, къ которымъ непримѣнимъ восьмичасовой срокъ, такъ какъ невозможно утверждать, чтобы умъ, хотя одну минуту, днемъ или ночью, внутренне не слушалъ, не говорилъ или не видѣлъ словъ.

Этотъ столь жгучій вопросъ о мысленной рѣчи въ сущности началъ занимать психологію лишь лѣтъ 15 тому назадъ. Французской наукѣ принадлежитъ честь постановки этой трудной задачи. Эгжеръ, съ психологической точки зрѣнія, и Шарко, съ точки зрѣнія патологической, были первыми пионерами, начавшими разрабатывать эту обширную область.

Вотъ что писалъ Эгжеръ въ 1881 г. ¹⁾.

«Душа каждое мгновеніе внутренне произноситъ свою мысль... Когда мы говоримъ громко, наша внутренняя рѣчь не прекращается; она умолкаетъ лишь на половину и промежутками; когда мы переводимъ духъ, когда мы короткимъ молчаніемъ отмѣчаемъ въ нашихъ фразахъ точки и запятые,—мы слышимъ ее; она напоминаетъ намъ нить нашей рѣчи, она диктуетъ намъ слова, которые должны слѣдовать. Она служитъ руководителемъ, или лучше,—суфлеромъ для внѣшней рѣчи. Она служитъ посредникомъ между мыслью, стремящейся проявиться во внѣ, и слышимымъ словомъ, распространяющимъ ее. Она часто подготавливаетъ это слово и всегда повторяетъ его; часто, безъ нашего вѣдома, она набрасываетъ канву нашей будущей рѣчи, и всегда является эхомъ, *отдаленнымъ и произвольно измѣненнымъ эхомъ прежнихъ словъ* нашихъ или чужихъ... Она всегда необходимо связана съ прошлыми словами, своею первою моделью и источникомъ своего происхожденія».

И въ подтвержденіе своего тезиса, Эгжеръ съ удовольствіемъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ Ривароля ²⁾:

«Въ самомъ абсолютномъ уединеніи и безмолвіи, предаваясь размышленію о предметахъ, наиболѣе лишенныхъ тѣлесности, человѣкъ

всегда услышитъ, въ глубинѣ своей груди, тайный голосъ, который будетъ называть предметы, по мѣрѣ ихъ появленія въ мысли».

II.

Послѣ столь добросовѣстнаго труда, какимъ былъ трудъ Эгжера, казалось, что больше ничего не остается сдѣлать. Можно было думать, что онъ сразу исчерпалъ весь вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе, даже среди наиболѣе выдающихся людей, одарены способностью внутренняго самонаблюденія. Изслѣдованіе психологическаго сознанія, говоря языкомъ классиковъ, еще труднѣе, чѣмъ изслѣдованіе сознанія моральнаго. Казалось очевиднымъ, что ученіе Эгжера, такъ красиво опирающееся на массу прекрасно выбранныхъ примѣровъ, будетъ принято на вѣру. Да и при томъ же, не было ли лестно для всего человѣчества услышать отъ авторитетнаго ученаго, что внутренній демонъ Сократа не былъ особенностью немногихъ необыкновенныхъ умовъ, и что въ умѣ каждаго человѣка живетъ эта таинственная личность, порой брызжащая, но по временамъ также внушающая прекрасныя мысли?

При томъ же, почтенный профессоръ настаивалъ на своихъ выводахъ съ необыкновенной энергіей, можно даже сказать—съ упрямствомъ. Онъ настойчиво заявлялъ, что всѣ безъ исключенія люди разговариваютъ такимъ образомъ съ внутренней личностью и даже довольно строго журилъ философа Бэна, который не соглашался съ этимъ мнѣніемъ.

Книга Эгжера возбудила толки. Каро написалъ о ней весьма благосклонный отзывъ въ «Журналѣ ученыхъ», отзывъ, который былъ воспроизведенъ въ «Политическомъ и литературномъ обозрѣніи» ¹⁾. Странно, что, несмотря на свое философское чутье, Каро, привѣтствуя въ лицѣ писателя психолога будущаго, не замѣтилъ всего значенія выдвинутой имъ важной проблемы. Тѣмъ не менѣе, объ одномъ изъ критическихъ сужденій, проскальзывающихъ у знаменитаго академика среди похвалъ, стоитъ упомянуть.

— Но,—заявляетъ Каро, «вы слишкомъ односторонни. Вы утверждаете, что внутренняя рѣчь слышится, между тѣмъ это не всегда вѣрно. Образомъ звука является эхо, но другіе зрительные образы не походятъ на звукъ, а они *наиболѣе часты въ интеллектуальной жизни*».

Если бы Каро замѣтилъ важность вопроса, поставленнаго такимъ образомъ, онъ долѣе остановился бы на немъ. Въ сущности, критика Каро клонилась не къ чему иному, какъ къ полному и не допускающему компромисса опроверженію всѣхъ выводовъ бордоскаго профессора.

Эгжеръ утверждалъ: всѣ люди слышатъ свою мысль.

Каро заявляетъ: нѣтъ, они ее видятъ.

Въ то время, какъ этотъ любопытный споръ разгорался между двумя французскими философами, одинъ иностранный ученый С. Штри-

¹⁾ Revue politique et littéraire, 22 juillet 1882.

¹⁾ Egger, op. cit., p. 1.

²⁾ Rivarol. De l'universalité de la langue française.

керъ, профессоръ вѣнскаго университета, издалъ рядъ изслѣдованій о рѣчи ¹⁾, результатъ которыхъ, будь они тогда извѣстны, повергъ бы ихъ въ изумленіе.

Штрикеръ тоже стремился проникнуть въ тайны внутренней рѣчи. Но онъ не пришелъ ни къ точному выводу Эгжера, ни къ неопредѣленному заключенію Каро. Вотъ его теорія:

«Когда, сидя спокойно, съ закрытыми глазами и ртомъ, я вызываю въ памяти какой-нибудь, хорошо мнѣ извѣстный стихъ, мнѣ кажется, если я обращаю вниманіе на мои артикуляціонные органы рѣчи, что я *мысленно говорю*. Мои губы сжаты,—это правда. А между тѣмъ, мнѣ кажется, что я *произношу* тотъ стихъ, о которомъ я думаю ²⁾. Съ представленіемъ всякаго звука, издаваемого устами, неразлучно связано ощущеніе (болѣе или менѣе опредѣленное) въ органахъ рѣчи. Когда я думаю словами, *слуховые образы* не принимаютъ въ этомъ никакого участія» ³⁾.

По этимъ краткимъ выдержкамъ, легко понять тотъ внутренній процессъ, посредствомъ котораго Штрикеръ думаетъ. Обыкновенно, онъ не пользуется ни слуховыми, ни зрительными образами, — онъ пользуется *двигательными образами*.

Словомъ, для его организма, *говорить* и *думать*—одно и то же. Онъ открыто держитъ сторону Бана противъ Эгжера. Для него *думать* значитъ *удерживаться отъ устной рѣчи*. Внутренняя личность не подсказываетъ ему фразъ, составляющихъ его мысль. Онъ не видитъ также необходимыхъ ему словъ *написанными въ его мысли*. Онъ очень отчетливо чувствуетъ, что это онъ, что это его мускулы говорятъ и дѣйствуютъ.

Несомнѣнное превосходство Штрикера надъ французскими философами заключается въ томъ, что онъ не одностороненъ. Предлагаемое имъ публикѣ внутреннее наблюденіе онъ откровенно выдаетъ за частное наблюденіе. Онъ не имѣетъ притязанія отнести его ко всему роду человѣческому и провозгласить свой умственный механизмъ—неизмѣннымъ мозговымъ процессомъ.

III.

Честь установленія порядка въ этомъ психологическомъ хаосѣ принадлежитъ Шарко.

Любезности моего друга, доктора Поля Блока, руководившаго анатомо-патологическими работами въ Сальпетриерѣ, я обязанъ тѣмъ, что могу съ точностью отвѣтить на интересный вопросъ, въ какую эпоху и какимъ образомъ знаменитый профессоръ создалъ свою замѣчательную теорію процессовъ человѣческаго ума.

При изученіи формъ афазіи, въ курсѣ 1883 года, Шарко пришлось критиковать высказанныя психологами мнѣнія о механизмѣ внутренней рѣчи. Эти подлинныя лекціи были впервые изданы лишь

¹⁾ Изданы на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Du langage et de la musique*, 1885.

²⁾ *Op. cit.* Introduction.

³⁾ *Op. cit.*, p. 21—26.

Милиотти, на итальянскомъ языкѣ (*Differenti formi d'afasia*, Миланъ 1884 г.) ¹⁾.

Я позволю себѣ представить самое простое и краткое изложеніе мыслей Шарко, дополняя ихъ, насколько это въ моихъ силахъ, съ помощью работъ его учениковъ.

На приведенной мной выше схемѣ можно легко провѣрить фактъ, что, съ точки зрѣнія рѣчи, мозговая система раздѣляется на *чувствительную и двигательную части*. Теперь можно понять, что у нѣкоторыхъ людей чувствительная сторона болѣе совершенна, лучше развита, болѣе тонко организована, чѣмъ сторона двигательная. Можно даже, по всей справедливости, допустить, что существуетъ почти исключительно *чувствительный* типъ людей.

Этотъ послѣдній раздѣляется на двѣ различныя формы: съ одной стороны, на *слуховую*, а съ другой—на *зрительную*.

Вслѣдствіе ли врожденнаго расположенія, или по привычкѣ, люди слухового типа думаютъ лишь при посредствѣ слуховыхъ образовъ. Чтобы упростить вопросъ, въ виду того, что я предполагаю не распространяться много о рѣчи, я скажу, что они думаютъ *словесными образами*. Они подходятъ подъ такъ прекрасно описанный Эгжеромъ типъ. Это—дѣйствительно слышащіе, исключительно слышащіе: они слышатъ, какъ внутренній демонъ произноситъ ихъ мысль.

Совсѣмъ не такова другая форма чувствительнаго типа—*зрительная*. Представители послѣдняго, думая слова, видятъ ихъ начертанными передъ своими глазами. Иногда слова являются передъ ними написанными ихъ собственной рукой, а иногда отпечатанными. Каро, написанными ихъ собственною рукой, а иногда отпечатанными. Каро, судя по его описанію, скорѣе долженъ быть причисленъ къ этой категоріи. Но наиболѣе олицетворяющимъ этотъ типъ писателемъ, безъ сомнѣнія, является Шарма, который говорилъ: «Мы такъ же думаемъ то, что пишемъ, какъ пишемъ то, что думаемъ» ²⁾.

За чувствительнымъ типомъ слѣдуетъ двигательный. Онъ, въ свою очередь, дѣлится на двѣ формы: *двигательно-артикуляционную* и *двигательно-графическую*.

Люди, принадлежащіе къ двигательнo-артикуляціонному типу, вполне осуществляютъ собой типъ Штрикера. Они могутъ думать, лишь употребляя мускульные образы. Ихъ мысль—это задержанная рѣчь. Въ каждый моментъ ихъ внутреннее слово готово превратиться во внѣшнее. Какъ ни прекрасно объясненіе Бана, все же Шарко далъ самое лучшее описаніе умственного механизма этого типа. «Они играютъ»,—говоритъ онъ: «на глухомъ піанино, клавиши котораго дѣйствуютъ, но не заставляютъ вибрировать струны» ³⁾. Саторога дѣйствуютъ, но не заставляютъ вибрировать струны» ³⁾. Саторога знаменитымъ представителемъ двигательнo-артикуляціоннаго типа былъ, безъ сомнѣнія, Мишель Монтанъ, который писалъ: «Противоположные нами слова мы должны сначала сказать самимъ себѣ и

¹⁾ *Paul Blocq.* De l'aphasie, 1893.—*Marie.* De l'aphasie, Revue de médecine, 1883.—*Bernard.* De l'aphasie, 1885.—*Gilbert Ballet.* De langage intérieur, 1886.—*Dr. G. Saint-Paul.* Essais sur le langage intérieur, 1892.

²⁾ *Charma* (Antoine). Essai sur le langage. Цит. въ вопросномъ листѣ доктора Лакассаня, въ Archives d'anthropologie criminelle (15 mars 1892).

³⁾ *Paul Blocq.*, *op. cit.*

заставить ихъ прозвучать въ собственныхъ ушахъ раньше, чѣмъ передадимъ ихъ ушамъ постороннимъ»¹⁾).

На ряду съ двигательно-артикуляціоннымъ стоитъ двигательно-графическій типъ, который составляетъ немногочисленную категорію лицъ. Это—люди, которые мыслятъ свободно лишь съ перомъ въ рукѣ. Самое лучшее изъ встрѣтившихся мнѣ наблюденій надъ послѣдними находится въ интересномъ трудѣ доктора Жоржа Сень-Поля²⁾. «Когда я хочу формулировать разсужденіе», пишетъ одинъ профессоръ университета въ Лиллѣ: «я долженъ *приблизиться къ бумагѣ и перу*, я долженъ видѣть свою фразу; я долженъ также прибавить, что, говоря съ самимъ собой, я *вижу* каждое слово, буквы котораго я также внутренне произношу».

IV.

Было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что описанные здѣсь типы встрѣчаются въ столь же простомъ видѣ въ дѣйствительности. Къ несчастію для науки, человѣческій мозгъ не выдаетъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ тайнъ, и нѣтъ сомнѣнія, что типы Шарко прежде всего схематичны. Нѣтъ возможности даже утверждать, чтобы какой-либо человѣкъ принадлежалъ исключительно къ слуховому или исключительно къ зрительному типу. Въ мозгу могутъ быть пущены въ ходъ всѣ механизмы мысли,—только очень рѣдко случается, чтобы всѣ они примѣнялись однимъ и тѣмъ же индивидуомъ. Мои личныя наблюденія на этотъ счетъ позволяютъ мнѣ открыто принять сторону доктора Сень-Поля противъ профессора Балле. Этотъ послѣдній объявляетъ, что «безразличный» типъ долженъ быть наиболее свойственнымъ человѣческому роду. Я же, напротивъ, заодно съ докторомъ Сень-Полемъ, полагаю, что онъ «представляетъ собой рѣдкій образецъ» и что въ мозгу всегда имѣется привычная склонность примѣнять въ умственной работѣ способъ, который кажется наиболее удобнымъ. Я надѣюсь дальше вывести нѣкоторыя заключенія изъ этого принципа. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ усиленно настаивать на томъ, что въ психологій нужно относиться съ недоверіемъ къ простымъ формуламъ: сложность и запутанность являются правиломъ для организма. Слѣдовало бы разъ навсегда понять, что раздѣленія и категоріи установлены лишь для ясности мысли. Докторъ Поль Блокъ³⁾, опредѣляя послѣ Шарко анатомическія вмѣстилища образовъ, даетъ примѣръ научной добросовѣстности, когда заявляетъ, что «эти локализации указываютъ только на мѣсто, черезъ которое проходятъ зрительные и слуховые элементы, составляющіе, если угодно, *наибольше важную часть этихъ образовъ*»,—проходить, чтобы возбудить впечатлѣніе въ другихъ центрахъ». Такъ слѣдуетъ выражаться для опредѣленія мысленной рѣчи. Нужно говорить только, что слуховые образы представляютъ собою *главнѣйшій* багажъ слухового типа, и такъ же выражаться и о другихъ типахъ.

¹⁾ Цит. въ вопросномъ листѣ профессора Лакассаня.

²⁾ *Georges Saint-Paul. Essais sur le langage intérieur* (p. 88).

³⁾ *P. Blocq.*, op. cit.

Можно, однако, утверждать, не рискуя впасть въ заблужденіе, что одни «типы» лучше будутъ сочетаться между собой, чѣмъ другіе. Такъ, двигательный артикуляціонный и слуховой иногда до такой степени соединены между собой, что ихъ можно было бы назвать неразлучными. Прочтите еще разъ приведенное выше описаніе Монтеня и скажите мнѣ, не проявляются ли въ немъ отчасти признаки слухового типа? Докторъ Сень-Поль назвалъ этотъ типъ слухо-двигательно-словеснымъ¹⁾. Если вспомнить то, что было сказано въ первой главѣ, легко понять, что во многихъ случаяхъ между этими двумя категоріями существуетъ родство.

Слухъ является главнымъ условіемъ рѣчи; слѣдовательно, двигательно-артикуляціонный и слуховой типы зависятъ оба отъ одного и того же чувства. Оба находятся въ схемѣ (фиг. 1) на одной и той же половинѣ рисунка. Не будетъ ли возможно утверждать, что зрительный и двигательно-графическій типы легко могутъ совмѣститься въ одномъ лицѣ? Сень-Поль представилъ не менѣе двѣнадцати наблюденій подобнаго типа²⁾. Развѣ нельзя объяснить эту внутреннюю связь сдѣланными мной замѣчаніями относительно слухо-двигательнаго типа?

V.

Теперь уже не нужно длинныхъ разсужденій для того, чтобы установить, что изъ всѣхъ вышеописанныхъ типовъ находится въ наилучшихъ условіяхъ для перехода отъ внутренней рѣчи къ внѣшней—двигательный типъ, и что наименѣе приспособленъ къ внѣшней рѣчи, говоря теоретически,—зрительный.

Всѣ писатели, болѣе или менѣе, согласны съ Эгжеромъ, что внутренняя рѣчь является непосредственнымъ приготовленіемъ къ звуковой рѣчи. Много ли нужно представителю двигательнаго типа, чтобы говорить? Мы сказали, что онъ удерживается отъ рѣчи; когда же онъ говоритъ, кажется, что онъ находится въ своей природной стихіи, что онъ повинуется своей потребности.

Какой трудъ можетъ представить внѣшняя рѣчь для человѣка, у котораго внутренняя рѣчь вызываетъ напряженіе мускуловъ языка до такой степени, что Штрикеръ могъ сослаться для примѣра на лицъ, которые получали хрипоту, думая!

Въ другой части настоящаго труда мы увидимъ, что нѣкоторые ораторы выказывали глубокое отвращеніе къ писанію. Можно почти утверждать, что существуетъ безусловная противоположность между артикуляціей и графизмомъ³⁾.

Слухо-двигательному типу не только нѣтъ надобности прибѣгать къ зрительнымъ образамъ для того, чтобы думать, но порой его двигательный артикулятивный центръ находится въ состояніи крайняго

¹⁾ Op. cit. p. 62.

²⁾ Op. cit. p. 84.

³⁾ Поврежденіе центра рѣчи никогда не отражается на зрѣніи. Послѣднія развѣтвленія зрительныхъ нервовъ примыкаютъ къ части мозговой поверхности, которая—это не подлежитъ сомнѣнію—находится внѣ центра рѣчи. Stricker, op. cit. p. 66.

напряжения. Случается, что онъ понимаетъ произносимыя слова, лишь произнеши ихъ. О нѣкоторыхъ лицахъ можно сказать, что виѣшняя рѣчь у нихъ *предшествуетъ мысли*. Они въ точности осуществляютъ собой типъ *Нумы Руместана*. Я приведу цѣликомъ отрывокъ изъ романа Альфонса Додэ. Вы увидите, до какой степени знаменитый романистъ обладалъ даромъ наблюдательности.

«Когда я не говорю, я не думаю», наивно заявлялъ Нума. Это была правда. Рѣчь не вызывалась у него силой мысли, напротивъ, она предшествовала послѣдней, пробуждала ее своимъ машинальнымъ шумомъ. Онъ самъ бывалъ удивленъ, забавлялся этимъ столкновениемъ словъ, идей, затерявшихся гдѣ-нибудь въ уголкѣ его памяти и вновь отысканныхъ рѣчью, собранныхъ и связанныхъ въ рядъ аргументовъ. Говоря, онъ открывалъ въ себѣ чувствительность, которой не зналъ за собой, трогался дрожаніемъ своего собственнаго голоса, нѣкоторыми интонаціями, которыя хватали его за сердце, наполняли его глаза слезами. Безъ сомнѣнія, это были свойства оратора, но они ему были неизвѣстны».

Но не всегда словесно-двигательный типъ доходитъ до такой, можно сказать, крайности. Въ очень многихъ случаяхъ, артикуляционная подвижность уменьшается до нормальной степени. Тогда ее должна болѣе или менѣе уравнивать слуховая впечатлительность. Тогда получается описанный докторомъ Сень-Полемъ слухо-двигательно-словесный типъ.

Я думаю даже, что самому совершенному слуховому типу не особенно трудно сдѣлаться двигательно-словеснымъ. Я склоненъ почти утверждать, что въ послѣднемъ всегда скрытъ первый.

Развѣ Викторъ Эгжеръ, самый упрямый, самый послѣдовательный представитель слухового типа, не былъ вынужденъ признать, что когда человѣкъ (а мы знаемъ, что по его теоріи всѣ люди неизбѣжно принадлежатъ къ слуховому типу) возбужденъ или озабоченъ, онъ легко переходитъ отъ внутреннего монолога къ устному. Онъ называетъ это явленіе «живой формой внутренней рѣчи»¹⁾. Не значитъ ли это, что, по его мнѣнію, слуховой и словесно-двигательный типы *разнятся лишь степенью возбужденія*?

Итакъ, я прихожу къ тому выводу, что какъ двигательный, такъ и слуховой типы, первый въ замѣчательной, а второй въ достаточной степени, снабжены отъ природы свойствами, требуемыми для ораторовъ. Я утверждаю, что эти двѣ категоріи должны доставлять замѣчательныхъ ораторовъ. Мы сейчасъ увидимъ, оправдывается ли это положеніе наблюденіемъ.

¹⁾ Эгжеръ. 104. Не думайте, что послѣдующія открытія Шарко могли отклонить Эгжера отъ его теоріи. Иронія Жильберта Балле тоже не была въ состояніи его совратить. Вотъ дословная копія письма, отправленнаго имъ доктору Сень-Полу въ 1892 г.,—девять лѣтъ спустя послѣ критики Шарко:

«Шарко учить, что я принадлежу къ слуховому типу,—г. Балле печатно заявилъ объ этомъ. Да, я принадлежу къ нему такъ же, какъ и Шарко, Балле, Лакассанъ,—какъ всѣ. Я протестую противъ трехъ типовъ... зрительный встрѣчается лишь среди профессиональных типографовъ,—да и то еще! Двигательный типъ встрѣчается лишь среди глухонѣмыхъ...»

Не былъ ли я правъ, назвавъ Эгжера упрямымъ?

Что же касается зрительнаго и, въ особенности, двигательно-графическаго типовъ, то я думаю, что ихъ умственный механизмъ дѣлается для нихъ недоступнымъ ораторское искусство. Я не позволю себѣ утверждать, что ни одинъ талантливый ораторъ не принадлежитъ къ зрительному типу¹⁾, такъ какъ исторія могла бы меня опровергнуть. Я говорю лишь, что зрительный и графическій типы плохо приспособлены къ краснорѣчію. Если мозговая организація графическаго типа позволяетъ ему случайно сочетаться, въ нѣкоторой степени, со словеснымъ типомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что продуктомъ подобнаго строенія можетъ быть выдающийся ораторъ; но такой случай, разумеется, будетъ исключеніемъ.

Среди данныхъ, которыя могутъ страннымъ образомъ вліять на свойства «ораторскаго мозга», имѣется одна, играющая громадную роль, это—память. Чтобы имѣть возможность продолжать это изслѣдованіе, и закончить его практическими выводами, я долженъ приступить теперь къ разсмотрѣнію памяти, въ ея отношеніи къ предмету настоящаго труда.

ГЛАВА III.

Рѣчь и память.

I.

Теорія памяти, разсматриваемой, какъ «душевная способность», какъ психологическая «сущность», въ настоящее время не находитъ защитниковъ. На память нельзя уже болѣе смотрѣть, какъ на самостоятельную существующую функцію. Она представляетъ собой биологическое явленіе, жизненный фактъ, свойство, присущее органической матеріи²⁾. Можно сказать даже, что жизнь и память,—одно и то же, что жизнь не существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ памяти. Развѣ существованіе памяти у растений не доказывается тѣмъ, что каждый видъ ихъ произрастаетъ всегда одинаковымъ образомъ и воспроизводитъ постоянно одни и тѣ же явленія?

«Въ животномъ царствѣ мускульная ткань представляетъ намъ первый опытъ приобрѣтенія новыхъ свойствъ, *сохраненія ихъ* и автоматическаго воспроизведенія». Чѣмъ болѣе мускулъ работаетъ, тѣмъ онъ становится сильнѣй... «Самая совершенная ткань въ организмѣ, ткань нервная, въ наивысшей степени обладаетъ этимъ двойнымъ свойствомъ сохраненія и воспроизведенія»³⁾. Эту способность живой

¹⁾ Быть можетъ, будетъ небезполезно, во избѣжаніе недоразумѣній, объяснить еще разъ, что здѣсь рѣчь идетъ только о *словесныхъ образахъ*. Число представителей зрительнаго типа, думающихъ образами несловесными, довольно значительно. Я не могу, впрочемъ, повѣрить, чтобы нѣкоторымъ изъ нихъ угодно утверждать, что такую преобладающую роль, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ угодно утверждать, что «когда онъ думаетъ о интервьюированномъ Сень-Полемъ, серьезно заявляетъ, что „солнечномъ лучѣ, онъ быдаетъ имъ ослѣпленъ“». Ясно, что Золя—уроженецъ юга. Очевидно, что мои замѣчанія по поводу словесно-зрительнаго типа примѣняются а fortiori къ зрительному, не словесному, такъ какъ слѣдуетъ предполагать, что мозгъ, въ которомъ образъ *исключаетъ слово*, никогда не будетъ мозгомъ оратора.

²⁾ Ribot. Les Maladies de la mémoire.—Sollier. Les troubles de la mémoire, p. 21.—Küssmaul, op. cit. p. 45.—Julien Pioger. La Vie et la Pensée, p. 165.

³⁾ Ribot, op. cit., p. 4.

матеріи сохранять, воспроизводить, воскрешать нѣкоторыя состоянія, обыкновенно называютъ *біологической или органической памятью*.

У животныхъ и, особенно, у человѣка память прежде всего обнаруживается въ томъ, что физиологи называли *первоначальными*, или *врожденными автоматическими движеніями*, изъ которыхъ самымъ характернымъ является дыханіе. Эти движенія, по словамъ эволюционистовъ, утвердились въ мозгу, благодаря повторенію у длиннаго ряда предковъ. Они составляютъ наследственную, *родовую память*. Это—наслѣдіе, завѣщанное умершими поколѣніями живымъ.

Память обнаруживается далѣе въ *приобрѣтенныхъ* движеніяхъ, которыя, благодаря постоянному упражненію, становятся для индивида въ такой же мѣрѣ автоматическими, какъ и первичныя движенія. Таковы: хожденіе, плаваніе, пляска. Это—автоматическія движенія, называемыя *вторичными*. Вначалѣ они могутъ быть приводимы въ исполненіе лишь съ помощью воли, путемъ постоянныхъ и тяжелыхъ усилій, и подъ конецъ становятся *рефлективными* движеніями, выполняемыми безъ участія сознанія. «Спинной мозгъ хорошо выполняетъ простыя и сложныя дѣйствія, если они врождены, но лишь только отъ него требуется произвести новыя движенія, онъ обнаруживаетъ свою неспособность, и ему необходимо извѣстное время, чтобы научиться, усвоить и какъ слѣдуетъ выполнить эти новыя движенія» ¹⁾.

Рѣчь, по преимуществу, является типомъ вторичнаго мускульнаго движенія; она стремится сдѣлаться рефлексомъ. Всѣ эти дѣйствія входятъ въ *органическую память*, память, еще лишенную сознанія.

Но что такое, въ сущности, сознаніе?

Его очень удачно называли придаточнымъ явленіемъ. Съ точки зрѣнія современной науки, человѣкъ является громаднымъ скопленіемъ клѣтокъ (не Тэнъ ли сравнилъ его съ гнѣздомъ полиповъ?), изъ которыхъ каждая работаетъ особо, на пользу массы. Каждая клѣтка одарена памятью. «Всякій органъ представляетъ собой память; глаза—это память свѣтовыхъ волнъ, ухо—звуковыхъ волнъ... Всякій нервъ—память, гдѣ сохраняется извѣстное количество колебаній, готовыхъ воспроизвестись; каждый *мускулъ, каждая нервная клѣтка являются памятью*» ²⁾.

Эта громадная работа порождаетъ множество результатовъ, полное знаніе которыхъ произвело бы въ умѣ безвыходный хаосъ, густую массу фактовъ, въ которыхъ нѣтъ возможности разобраться. Нашъ внутренній механизмъ созданъ такимъ образомъ, что, къ счастью для насъ, позволяетъ нашему «я» замѣчать лишь незначительную часть органической дѣятельности. «Сознаніе», писалъ Рибо, «это—узкое оконце, черезъ которое намъ видна маленькая частица этой работы». Слѣдовательно, самая полная сознательная *психологическая память* примѣняется лишь къ незначительному количеству внутреннихъ процессовъ. Память, въ настоящемъ смыслѣ слова, это свойство каждой клѣтки сохранять, даже безъ вѣдома такъ называемаго «я», сообщен-

¹⁾ *Debierre*. La moelle épinière et l'encéphale. Op. cit., p. 404.

²⁾ *A. Fouillée*. La Survivance et la sélection des idées dans la mémoire, въ *Revue des Deux-Mondes* (15 mai 1885).

ныя ей движенія и воспроизводить ихъ. Она существуетъ и безъ сознанія, ибо безъ сознанія происходитъ сохраненіе и воспроизведеніе. Вмѣстительство сознанія, однако, играетъ громадную роль въ памяти; оно прибавляетъ къ послѣдней очень важную вещь: *отнесеніе воспоминанія къ прошедшему*. «Память (психическая) содержитъ въ себѣ сужденіе, благодаря которому сознаешь, что имѣешь дѣло съ воспоминаніемъ» ¹⁾.

II.

Слѣдовательно, память, если она совершенна, исполняетъ тройную роль: она *сохраняетъ, воспроизводитъ и создаетъ*.

Что касается механизма памяти, то о немъ можно составить себѣ понятіе лишь съ помощью гипотезъ, болѣе или менѣе подтверждаемыхъ фактами. По мнѣнію однихъ, воспоминаніе—это, попросту, устойчивая вибрація въ мозгу, нѣчто въ родѣ *фосфоресценціи* образовъ (теорія д-ра Люиса); по мнѣнію другихъ, воспоминаніе представляетъ собой настоящій осадокъ (Тэнъ, Спенсеръ). Наконецъ, въ настоящее время, общепринята теорія Рибо, поддерживаемая также Вундтомъ, теорія, по которой память является «не коллекціей *отпечатковъ, а собраніемъ очень устойчивыхъ и очень быстро пробуждающихся динамическихъ ассоціацій*» ²⁾. Безъ сомнѣнія, что послѣднюю гипотезу легче допустить, чѣмъ предыдущія, такъ какъ, если исходить изъ той точки зрѣнія, что воспоминаніе оставляетъ какой-нибудь осадокъ въ нервной клѣткѣ, то невозможно объяснить, какимъ образомъ осадокъ можетъ сохраниться, когда исчезнетъ клѣтка.

Впрочемъ, что касается трактуемаго мной предмета, то я долженъ заявить, что ни одна изъ представленныхъ гипотезъ о механизмѣ воспоминанія не можетъ стѣснить высказаннаго мной положенія. Слѣдуя какой угодно системѣ, необходимо признать, вмѣстѣ съ Маудсли, что всякое внѣшнее дѣйствіе доставляетъ организму «нѣчто», что задерживается въ немъ и предрасполагаетъ его снова функционировать такимъ же образомъ.

Примѣнимъ теперь эти теоріи къ добытымъ нами свѣдѣніямъ о рѣчи. Не трудно уразумѣть фактъ, что каждый изъ перечисленныхъ въ предыдущихъ главахъ нервныхъ центровъ обладаетъ своей памятью. У всякаго индивида, владѣющаго анатомически хорошо устроеннымъ «центромъ словесныхъ образовъ», будетъ прекрасная память словъ, такъ какъ память является результатомъ здороваго состоянія органовъ. У каждого индивида, обладающаго хорошимъ «центромъ двигательныхъ образовъ», будетъ превосходная память движеній. У всякаго представителя зрительнаго типа—хорошая зрительная память. Словомъ, когда человѣкъ *предпочтительно* пользуется однимъ изъ вышеописанныхъ умственныхъ приемовъ, это значитъ, что примѣняемый имъ наиболѣе охотно мозговой центръ обладаетъ лучшей памятью, чѣмъ другіе.

Я, къ сожалѣнію, не схожусь на этотъ счетъ съ докторомъ Сень-

¹⁾ *Binet*. Introduction à la psychologie expérimentale, 1894.

²⁾ *Ribot*, op. cit., p. 20.

Полемъ, который тщательно различаетъ зрительность отъ *зрительной памяти*. Сказать, что данное лицо принадлежит къ зрительному типу, что у него — *привычка, думая, видѣть слова мысленно написанными*, — значитъ, допустить въ немъ «даръ» памяти видѣнныхъ словъ, такъ какъ, не обладая тотъ нервный центръ, къ которому онъ прибѣгаетъ по преимуществу, памятью видѣнныхъ словъ, этотъ человекъ не принадлежалъ бы къ зрительному типу. Точно такъ же, еслибъ мозговой центръ, свойственный лицу двигательнаго типа, не сохранялъ удивительнымъ образомъ *предрасполагающихъ слѣдовъ* двигательныхъ образовъ, мы бы не имѣли дѣла съ двигательнымъ типомъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если Шарко, какъ и Балле, смѣшиваетъ слуховую чувствительность со слуховой памятью словъ и «зрительность» съ зрительною памятью, такъ какъ фраза «зрительный типъ обладаетъ зрительною памятью», является настоящимъ плеоназмомъ.

Выводы Рибо доказываютъ, что въ каждомъ изъ мозговыхъ центровъ рѣчи словесныя ассоціаціи образуются группами и, въ нѣкоторомъ родѣ, *последовательными слоями* ¹⁾.

Слишкомъ хорошо извѣстенъ знаменитый законъ регрессіи ²⁾, формулированный въ аксіомѣ: «что приобрѣтено послѣднимъ, теряется первымъ», чтобы мнѣ еще нужно настаивать на немъ. Я ограничиваюсь лишь напоминаніемъ, что словами, составляющими самую устойчивую часть словеснаго багажа, являются тѣ, которые выражаютъ качества, — глаголы и прилагательныя. Не нужно быть большимъ языковѣдомъ, чтобы знать, что образование языковъ всегда начиналось съ прилагательныхъ, и что теперь еще прилагательныя даютъ основаніе дикимъ нарѣчіямъ ³⁾.

Быть можетъ, нѣтъ необходимости добираться до народовъ Океаніи, чтобы осязательно убѣдиться во всемогуществѣ прилагательнаго. Какой ораторъ не замѣчалъ легкости, съ какою, въ плохо подготовленной рѣчи, въ памяти встаютъ прилагательныя, тогда какъ существительныя, имена собственныя, настолько не повинуются импровизатору, что онъ запнулся бы, еслибъ не прибѣгъ немедленно къ какому-нибудь, порой весьма скверному «приблизительному» выраженію.

Въ древности говорили: ораторъ долженъ обладать хорошей памятью. Теперь мы говоримъ: совершенный ораторъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи, въ своемъ организмѣ, четыре специальныхъ, хорошо устроенныхъ механизма. Если четыре части, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся въ хорошемъ состояніи, если онъ совершенно здоровъ, онъ всѣ будутъ обладать *памятью*.

Нужны: 1) хороший органъ внѣшняго воспріятія звуковъ (слухъ); 2) хороший внутренній механизмъ сохраненія звуковъ (центръ сло-

¹⁾ «Ассоціація идей — не что иное, какъ развитіе простой памяти. Разъ какое-нибудь одно впечатлѣніе представилось уму въ сочетаніи съ другими, — не только оба эти впечатлѣнія, но и фактъ ихъ сочетанія будутъ занесены въ память, такъ что одно безъ другого не можетъ быть вызвано въ ней». *Debierré*, стр. 393.

²⁾ *Sollier*, op. cit., p. 127 et ss.

³⁾ Вотъ, по Рибо, точный порядокъ исчезновенія *знаковъ*: 1) существительное; 2) прилагательное и глаголы; 3) междометія (взволнованная рѣчь); 4) жестъ (ук. соч., стр. 132 и слѣд.).

весно-слуховой памяти, свободной отъ всякихъ поврежденій); 3) хороший внутренній двигательный механизмъ (двигательная память); 4) хороший органъ рѣчи.

Понятно, что если нашъ ораторъ ко всѣмъ этимъ функциональнымъ качествамъ можетъ присоединить еще превосходную зрительную память, то это нисколько не повредитъ дѣлу.

Такимъ образомъ, ораторомъ можно быть лишь при двоякомъ условіи: если въ нервныхъ клѣткахъ запечатлѣно громадное количество словесныхъ образовъ, и если, сверхъ того, имѣется хорошая двигательно-словесная иннервация. (Q^{em})

III.

Накопленіе образовъ, какъ это весьма ясно показалъ Бинэ ¹⁾, производится двумя различными способами: съ помощью *естественной памяти* и при посредствѣ *искусственной памяти*. Эта двойная функція памяти послужила поводомъ къ глубокому изслѣдованію Дюга ²⁾, который, чтобы охарактеризовать эти двѣ различныя стороны одного и того же предмета, пользовался выраженіями *сырая и организованная память*.

При посредствѣ естественной, или сырой памяти умъ насыщается безъ всякаго умственного усилія. Это, такъ сказать, чисто пассивная память, примѣръ которой представилъ молодой мясникъ, «произносившій наизусть, въ бреду, тирады изъ «Федры», которую онъ одинъ разъ видѣлъ и ничего въ ней не понималъ».

При посредствѣ организованной или искусственной памяти, умъ насыщается съ усиліемъ, онъ усваиваетъ себѣ происшедшее, истолковывая его, дѣлая извлеченіе, обдуманый выборъ изъ впечатлѣній.

Какъ ни велико превосходство этой второй памяти надъ первой, нѣтъ, однако, сомнѣнія, что у самыхъ утонченныхъ мыслителей сырая, бессознательная память порой играетъ громадную роль, именно, она, въ большинствѣ случаевъ, доставляетъ *вызыванію словесныхъ образовъ* ³⁾ массу воспоминаній, накопленіе, соединеніе и распредѣленіе которыхъ создаетъ то, что древніе метафизики называли *вдохновеніемъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, вдохновеніе, насколько оно является *извлеченіемъ изъ ничего*, представляетъ собой безсмыслицу. Въ мозгу, если онъ даже принадлежитъ *Беррье*, ничего не создается, — существуютъ лишь новыя комбинаціи образовъ.

Вдохновеніе — не что иное, какъ память, возбуждаемая вниманіемъ, которое сосредоточиваетъ на одномъ пунктѣ всѣ силы мозга. Что касается импровизаціи, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, то ее тоже слѣдуетъ похоронить въ старыхъ психологическихъ трактатахъ. Люди, которые по чистой совѣсти могли утверждать, что они произносили рѣчь, никогда передъ тѣмъ не думая о томъ, что имъ предстоитъ

¹⁾ *Introduction à la Psychologie*, p. 70.

²⁾ *Dugas*. La mémoire brute et la mémoire organisée (en *Revue philosophique*, nov. 1894).

³⁾ Это выраженіе принадлежитъ доктору Сентъ-Полю (op. cit.).

сказать, были введены въ заблужденіе умственнымъ процессомъ, дѣйствіе котораго, вслѣдъ за нѣкоторыми другими авторами, описалъ Дюга. Здѣсь дѣло идетъ о такъ называемомъ «бессознательномъ мозговомъ процессѣ», аналогичномъ сырой памяти. Нашъ мозгъ часто работаетъ безъ нашего вѣдома. Какому математику не случалось заснуть вечеромъ надъ трудной задачей и, при пробужденіи, легко найти ея разрѣшеніе? Паула Ломброзо, въ трудѣ «О бессознательномъ мозговомъ процессѣ въ искусствѣ», далъ намъ формулу этой внутренней разработки, быть можетъ, нѣсколько странную. «Мозговой зародышъ развивается и перерабатывается безъ всякаго усилія съ нашей стороны; когда же онъ созрѣетъ, достаточно малѣйшаго толчка, самой нечаянной случайности, чтобы онъ прорвался наружу».

Почти всегда импровизаторы были великіе мыслители, одаренные быстрой памятью. Эти люди такъ же ненамѣренно примѣняли правила новѣйшей психо-физиологіи, какъ Журдэнъ говорилъ прозой. Они культивировали свойственную имъ память. Оставляя въ сторонѣ зрительную и графическую память, часто составляющую для оратора если не бесполезную, то обременительную поклажу, они примѣняли лишь тѣ части своего мозгового аппарата, которыя имъ были непосредственно пригодны. И, въ силу принципа, что отравленіе создаетъ органъ, они, въ громадной степени и, быть можетъ, въ ущербъ другимъ нервнымъ центрамъ, развивали тѣ центры, въ которыхъ нуждались.

Мы увидимъ позже, какъ во время рѣчи прокурора, Лашо, въ какіе-нибудь полтора часа, не написавъ ни одной строчки, приготовлялъ свои самыя потрясающія рѣчи. Кому извѣстна головокружительная быстрота мысли, тому подобные результаты не покажутся сверхчеловѣческими.

Описывая свои сны, Мори даетъ намъ понятіе о томъ, какова можетъ быть скорость мысленной работы.

— «Я лежу въ моей комнатѣ», говоритъ онъ, «въ то время какъ матушка находится у моего изголовья. Мнѣ снится терроръ: я присутствую при сценахъ убійствъ, я стою предъ революціоннымъ трибуналомъ, я вижу Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвилля,—всѣхъ наиболѣе отталкивающихъ лицъ этой ужасной эпохи, я спорю съ ними, наконецъ, *послѣ многихъ событій, которыя я слабо припоминаю*, меня судятъ, приговариваютъ къ смерти, везутъ на колесницѣ, среди громаднаго стеченія народа, на площади Революціи, я взбираюсь на эшафотъ... я чувствую, какъ моя голова отдѣляется отъ туловища; я просыпаюсь въ сильномъ страхѣ и чувствую у себя на шеѣ перекладину моей кровати, внезапно сорвавшуюся и упавшую на мои шейные позвонки, подобно ножу гильотины. Все это произошло въ одно мгновеніе, какъ утверждаетъ моя матушка» ¹⁾. Такимъ образомъ, эта громадная смѣна двигательныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ образовъ, вмѣщающихъ содержаніе добрыхъ 300 страницъ, длилась въ мозгу Мори въ продолженіе одной секунды. Теперь возможно понять, почему настоящіе импровизаторы, въ дѣйствительно-

¹⁾ Alfred Maury, Le Sommiel et les Rêves, chapitre VI.

сти, хоть и скрытно, одарены превосходной памятью. Съ психологической точки зрѣнія, нѣтъ, какъ это хотѣлось бы думать, пропасти между ними и тѣми, которые заучиваютъ наизусть свои рѣчи. Дѣлаемые этими послѣдними пріобрѣтенія лишь болѣе недавни и болѣе искусственны. Въ другой части настоящихъ очерковъ мы удостовѣримся, что существуетъ цѣлый классъ индивидовъ, для которыхъ «фотографическая» память является невозможностью; которые, даже при всемъ желаніи, не могли бы произнести заученной рѣчи. Память у нихъ должна долго перерабатывать образы, чтобы усвоить себѣ ихъ. Они съ важностью увѣряютъ, что не обладаютъ памятью, а между тѣмъ, при случаѣ, выказываютъ себя удивительными импровизаторами.

Я долженъ ограничиться этимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ несовершеннымъ очеркомъ,—но надѣюсь, при помощи послѣдующихъ замѣчаній, сдѣлать его болѣе яснымъ. Я рѣшаюсь, впрочемъ, заявить, что самая неблагоприятная часть моей задачи теперь исполнена.

Раньше, чѣмъ закончить эту главу, быть можетъ, было бы небезполезно резюмировать ее.

Существуютъ разные виды «памяти», а не одна память. Память является лишь жизненнымъ свойствомъ, естественнымъ слѣдствіемъ полной законченности органа, который ею обладаетъ.

Двигательно-артикулятивная и словесно-слуховая память необходимы для того, кто хочетъ владѣть словомъ.

Всѣ ораторы пользуются въ рѣчи капиталомъ, состоящимъ изъ словъ, формулъ, оборотовъ, съ большимъ или меньшимъ трудомъ пріобрѣтаемыхъ и сохраняемыхъ въ специальныхъ нервныхъ центрахъ.

Вдохновеніе, импровизація, воображеніе представляютъ собой виды памяти, а гений-вдохновитель краснорѣчія—не болѣе, какъ «поднимающийся приливъ ассоціаціи, въ которомъ всѣ нервныя волны, подъ вліяніемъ притяженія общей (силы, вздымаются и несутся въ трепещущую массу мозга» ¹⁾).

ГЛАВА IV.

Исторія ораторскихъ приемовъ.

I.

Древніе занимались риторикой до излишества. Однако въ древнихъ сочиненіяхъ, касающихся специально этого вопроса, трудно найти точно е описание процесса ораторской рѣчи. Во всѣхъ дидактическихъ произведеніяхъ господствуетъ продолжающееся до нашихъ дней смѣшеніе искусства писать съ искусствомъ говорить. Для древнихъ риторика, собственно говоря, не была искусствомъ рѣчи,—она была, прежде всего, искусствомъ выказать стиль и украсить его. Тому, кто, вмѣстѣ съ Жоржемъ Перро ²⁾, изучитъ греческое краснорѣчіе, это смѣшеніе не представитъ ничего удивительнаго. Греческій

¹⁾ A. Fouillée, loc. cit.

²⁾ Georges Perrot. Les précurseurs de Démosthènes, 1-er volume de l'Eloquence politique et judiciaire à Athènes.

ораторъ употреблялъ лишь одинъ способъ подготовки рѣчи,—письменный. Его проза, безъ сомнѣнія, яснѣе всякой другой, но она въ то же время и наиболѣе дѣланная, наиболѣе ученая. Откройте риторику Аристотеля: быть можетъ, вы въ ней не найдете ни одной фразы, которая позволила бы думать, что хотя бы одинъ греческій ораторъ произнесъ рѣчь, не подготовившись къ ней письменно. Правда, вслѣдствіе того, что древніе риторы изобилуютъ подраздѣленіями, Аристотель съ большей заботливостью объявляетъ намъ, что не слѣдуетъ смѣшивать стили писательскаго—съ «боевымъ»¹⁾. Тѣмъ не менѣе, рѣчь всегда идетъ о «стилѣ». Греки, слѣдовательно, въ сущности принадлежали къ «графическому» типу. Извѣстно, впрочемъ, что ихъ адвокатамъ было трудно не принадлежать къ нему, такъ какъ въ Афинахъ адвокаты никогда не имѣли права устно защищать чужое дѣло²⁾. Прекраснѣйшія изъ рѣчей Лизія и Демосфена были написаны не для того, чтобы быть произнесенными авторами, простыми логографами, а для того, чтобы самъ кліентъ выучилъ ихъ наизусть и произнесъ передъ судьями. Слѣдуетъ ли отсюда, что и политическіе ораторы никогда ничего не импровизировали? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, такой выводъ былъ бы слишкомъ смѣлъ. Аристотель говоритъ даже о преніяхъ, которыя могутъ возникнуть экспромптомъ³⁾, но онъ совѣтуетъ оратору, въ этихъ случаяхъ, дѣлать *предварительный* выборъ аргументовъ, которые онъ можетъ употребить,—это наводитъ на мысль, что Аристотель никогда не вѣрилъ въ истинную импровизацію.

Изъ этого я заключаю, что если въ Греціи и существовали импровизаторы, то они должны были встрѣчаться рѣдко.

Я читалъ гдѣ то, что, не будъ письменной подготовки, не сохранилось бы слѣда ни отъ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ древности, такъ какъ древнимъ была незнакома стенографія. Противъ этого довода имѣется возраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ рѣчей латинскихъ ораторовъ были произнесены ихъ авторами безо всякой графической подготовки. Было довольно обычнымъ явленіемъ, что ораторъ записывалъ свою рѣчь послѣ произнесенія ея, какъ это сдѣлалъ Цицеронъ съ рѣчью Pro Milone. Истина состоитъ въ томъ, что въ Греціи, какъ и въ Римѣ, писаніе, по общему правилу, рассматривалось какъ единственный способъ приготовленія рѣчей. Слѣдуетъ отмѣтить, что афинскій ораторъ, какъ бы онъ ни былъ въ себѣ увѣренъ, настолько сознавалъ, что имѣетъ дѣло съ прихотливой аудиторіей, что никогда не рѣшился бы взойти на трибуну, не отдѣлавъ до мелочей форму своей рѣчи.

Можно утверждать, не рискуя впасть въ заблужденіе, что находящіеся въ нашемъ обладаніи рѣчи греческихъ ораторовъ не вполне тождественны ни съ тѣми, которыя заранѣе готовились ораторами, ни съ тѣми, какія произносились въ народномъ собраніи. Это

¹⁾ Aristote, Rhétorique, liv. III, chap. XII, § 1.

²⁾ Quintilien. Liv. II.

³⁾ Aristote. Liv. II, ch. XXII, § 13.

литературныя произведенія, которыя, послѣ произнесенія, были значительно исправлены авторами—для потомства.

Цицеронъ пространно объясняетъ всякій разъ, какъ найдеть къ этому предлогъ, почему онъ смотритъ на привычку писать, какъ на самый лучший методъ воспитанія оратора. Дѣло въ томъ, что онъ не знаетъ другого способа къ достиженію сжатости и точности выраженій. Я могу сказать, что онъ никогда не упускаетъ случая, чтобы заявить объ этомъ. «Нужно воспитать себя», говоритъ онъ въ «De Oratore» (lib. III, cap. XLIX), «посредствомъ привычки писать, весьма пригодной для нашего усовершенствованія во всѣхъ способахъ изложенія». Въ другомъ мѣстѣ (lib. II, cap. XXIII) Сульпицій подвергается живому осужденію за то, что упорно отказывается усвоить себѣ привычку писать. «Обиліе его рѣчей напоминаетъ плодотворную землю, на которой произрастаетъ слишкомъ много травы. Нужно ее подчистить стилетомъ». Самъ Цицеронъ не отступаетъ ни передъ какимъ трудомъ, когда ему предстоитъ говорить публично. Онъ корпитъ надъ своими рѣчами и посвящаетъ имъ столько безсонныхъ ночей, что друзья часто опасаются за его здоровье. Онъ пишетъ и декламируетъ. Онъ придавалъ даже столько значенія поддержанію своихъ голосовыхъ связокъ, что декламировалъ ежедневно. Будучи 60-ти лѣтнимъ старикомъ, наканунѣ дня своей смерти, онъ все еще предавался упражненіямъ въ декламации.

Быть можетъ, будетъ небезполезно обратить вниманіе на эти декламаторскія упражненія, которыя были такъ высоко цѣнимы древними. Я говорю здѣсь не о школьной декламации, зародышѣ нашихъ адвокатскихъ конференцій,—а о «комнатной» декламации, примѣняемой исключительно съ цѣлью придать гибкость органу рѣчи. Древній ораторъ понималъ, какъ для него важно было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи и наготовѣ центръ своей двигательной памяти.

Изъ ораторскихъ приемовъ, примѣнявшихся Цицерономъ, въ особенности слѣдуетъ остановиться на заботливой письменной подготовкѣ. Онъ простиралъ свои старанія слишкомъ далеко, такъ какъ дошелъ до ложнаго заключенія, будто ораторская рѣчь требуетъ утонченныхъ и особенно изысканныхъ выраженій. «Письмо,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, «не можетъ походить на защитительную или политическую рѣчь. Въ немъ употребляются обыденныя выраженія»¹⁾. Въ этомъ отношеніи римскіе ораторы отличаются отъ древне-греческихъ тѣмъ, что, несмотря на мнѣніе Цицерона, нѣкоторые изъ первыхъ обнаруживали недостаточно усердія къ письменной подготовкѣ. Извѣстно, что Гортензій, соперникъ, если не учитель Цицерона, нисколько не раздѣлялъ теорій своего знаменитаго современника. Правда, Гортензій былъ одаренъ удивительной памятью²⁾, которая позволяла ему мысленно сочинять рѣчи и мысленно читать ихъ, произнося передъ судьями. Но для него было достаточно думать и онъ не прибѣгалъ къ графической подготовкѣ. Это мысленное сочиненіе не было новостью даже во время великаго

¹⁾ Ad. fam. IX, 21. Цит. въ „Cicéron et ses amis“, par Gaston Boisour.

²⁾ Brutus. Cap. LXXXVIII.

римскаго оратора, такъ какъ Цицеронъ въ «De Oratore» приводилъ уже примѣры встрѣченныхъ имъ въ Аѳинахъ греческихъ ораторовъ, Хармада и Метродора, «которые писали въ своемъ умѣ знаками, подобно тому, какъ пишется по воску таблицъ» (lib. II, cap. LXXXVIII). Еще раньше, Гальба не пользовался никакимъ графическимъ приѣмомъ. Но нужно признаться, что употреблявшіеся имъ средства были нѣсколько странны. Наканунѣ дня, когда ему предстояло произнести защитительную рѣчь, онъ запирался со своими рабами и подготавлился, декламируя ее передъ ними. На слѣдующій день онъ выходилъ въ необыкновенно возбужденномъ состояніи, со сверкающими глазами, разгоряченный, взволнованный, и отправлялся въ форумъ, въ сопровожденіи своихъ несчастныхъ секретарей, почти изувѣченныхъ (*male mulcatis*, говоритъ текстъ) отъ ударовъ, которыми онъ ихъ надѣлялъ во время своей усердной жестикуляціи. Нѣтъ сомнѣнія, что Гальба принадлежалъ къ двигательному типу!

Все же, Цицеронъ никогда не могъ примириться съ мыслью о сочиненіи безъ помощи писанія. Ораторы, ничего не писавшіе раньше, чѣмъ выступить публично, представлялись ему лѣнивцами или (оригинальное обвиненіе) людьми, полагающими, что ихъ слава будетъ больше, если потомство будетъ лишено возможности судить о нихъ по ихъ произведеніямъ¹⁾.

II.

Послѣ Цицерона, молодые ораторы, повидимому, не пренебрегали графическимъ методомъ. Одно мѣсто Квинтиліана показываетъ намъ даже, что у нѣкоторыхъ адвокатовъ вошло въ привычку приносить въ аудиторію свои рѣчи написанными. Вотъ анекдотъ, не лишенный нѣкоторой соли. Противникомъ знаменитаго Кассія былъ однажды адвокатъ, читавшій свою рѣчь по тетради. Въ извѣстный моментъ онъ воскликнулъ, все еще продолжая читать: «почему, Кассій, ты такъ сурово глядишь на меня»? «Клянусь Геркулесомъ», прервалъ его Кассій, — «я не смотрю на тебя, но если это такъ слѣдуетъ по твоей тетради, то получай!» И онъ ему бросилъ самый ужасный взглядъ.

Однако, въ промежуткѣ между Цицерономъ и Квинтиліаномъ, ораторское искусство претерпѣло то, что мы теперь назвали бы эволюціей. Періоды Цицероновской эпохи утратили свою обширность и величавость. Дѣла въ Форумѣ сдѣлались многочисленнѣе и требованія торопившихся судей оказали вліяніе на это укорачиваніе фразъ. Произошло нѣчто подобное тому, что имѣло мѣсто между XVII вѣкомъ и современной эпохой. «Нѣкогда», говоритъ Аперъ въ «Диалогѣ ораторовъ», — «выслушивались тяжеловѣсныя, безконечныя рѣчи; считалось заслугой продлить рѣчь до наступленія ночи; теперь судьи не такъ терпѣливы и больше заняты; они указываютъ ораторамъ границы и не позволяютъ уклоняться отъ вопроса»²⁾.

Адвокаты того времени смотрѣли съ нѣкотораго рода презрѣніемъ на тѣхъ изъ своей среды, которые еще примѣняли старыя цicerоновскія правила.

¹⁾ *Brutus*. Cap. XXIV.

²⁾ Цит. въ „Histoire de l'éloquence romaine“, par Cucheval, t. I.

новскія правила. Самъ Плиніи младшій, культивировавшій древнее искусство, не избѣжалъ ихъ критики и однажды былъ слѣдующимъ образомъ задѣтъ однимъ изъ ораторовъ новой школы: «ты считаешь себя обязаннымъ развивать всѣ доводы, которые имѣются въ дѣлѣ, — я же съ одного взгляда усматриваю центръ, — на него-то я и налегаю»¹⁾. Его *jugulum* гремо. Знаменитый Полліонъ, который тоже вначалѣ буквально слѣдовалъ цicerоновскимъ предписаніямъ и такъ старательно писалъ всѣ свои защитительныя рѣчи, что его находили слишкомъ мелочнымъ, — въ концѣ подчинился болѣе быстрымъ методамъ. «Я произносилъ хорошія судебныя рѣчи», говоритъ онъ съ нѣкоторой грустью, «и потому долженъ былъ произносить ихъ часто; когда же я сталъ говорить часто, — онѣ стали хуже»²⁾.

Тѣмъ не менѣе, Квинтиліанъ упорно стремился стать алостоломъ графизма. Онъ ежеминутно возвращается къ необходимости писанія для кандидата въ ораторы. Въ X книгѣ, главѣ I, онъ заявляетъ, что краснорѣчіе не будетъ обладать ни основательностью, ни силой, если оно не изощрится съ помощью стили. Дальше онъ, вслѣдъ за Цицерономъ, повторяетъ, что «стиль лучшій мастеръ рѣчи». Въ III-й главѣ онъ возвращается къ этой мысли, утверждая, что «для оратора главное — писать какъ можно лучше». По его мнѣнію, ораторъ — это человекъ, для котораго самое необходимое писать «*cui saepius scribere necesse est*». Въ концѣ концовъ онъ провозглашаетъ слѣдующую аксіому: «Лишь съ помощью писанія можно достигнуть легкости рѣчи». Робко, съ тысячью предосторожностей онъ говоритъ въ особой главѣ о подготовкѣ съ помощью простого обдумыванія (*cogitatio*) и допускаетъ даже, что можно импровизировать. Но, по его мнѣнію, способность импровизировать является наградой оратору, которой онъ добивается въ концѣ своей карьеры, благодаря трудамъ, посвященнымъ имъ письменной подготовкѣ.

Однако, Квинтиліану были безъизвѣстны нѣкоторыя замѣчательныя исключенія изъ предписываемаго имъ правила. Кромѣ хорошо извѣстнаго Гортензія, въ его время называли еще, по меньшей мѣрѣ, двухъ знаменитыхъ ораторовъ, которые никогда не прибѣгали къ графическимъ приѣмамъ: это были Порцій Латронъ, который, по образцу Хармада, «писалъ только въ умѣ», и пылкій Кассій, о которомъ была рѣчь выше³⁾.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, всѣ писали. Въ школахъ декламации, гдѣ воспитывались молодые ораторы съ тринадцатилѣтняго возраста, всегда обращались къ зрительной памяти учениковъ. Ихъ заставляли письменно сочинять рѣчи, которыя они произносили, заучивъ наизусть.

III.

Предпочтеніе, всегда отдававшееся въ древности графическому методу, породило мнѣніе, что древніе, для произнесенія своихъ оратор-

¹⁾ Цит. въ «L'Eloquence judiciaire au XVII siècle, par O. de Vallée.

²⁾ *Victor Cucheval*, op. cit.

³⁾ «Кассій», говоритъ Монтанъ (кн. I, гл. IX), «лучше говорилъ, когда не думалъ объ этомъ. Онъ больше обязанъ своему счастью, чѣмъ своему прилежанію».

скихъ произведеній, прибѣгали лишь къ искусственной памяти и что они говорили свои рѣчи такъ же, какъ актеры произносятъ свои роли въ театрѣ. Противъ этого заблужденія выступилъ, со свойственной ему ясностью, Фенелонъ въ «Диалогахъ о краснорѣчїи». Стоить привести этотъ отрывокъ ¹⁾: «У Цицерона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рѣчей встрѣчаются вещи, которыя онъ никакъ не могъ написать заранее. Но обратимся по этому поводу къ нему самому. Онъ требуетъ, чтобъ у оратора была обширная память. Онъ говоритъ даже объ искусственной памяти, какъ о полезномъ приобрѣтеніи, но все, что онъ говоритъ на этотъ счетъ, нисколько не значитъ, что рѣчь нужно заучивать наизусть слово въ слово; напротивъ, онъ, повидимому, ограничивается требованіемъ, чтобы ораторъ въ умѣ точно распредѣлялъ всѣ части своей рѣчи, и чтобы онъ заранее обдумывалъ обороты и главнѣйшія выраженія, которыя долженъ употребить». Мнѣніе Фенелона тѣмъ замѣчательнѣе, что въ XVIII вѣкѣ никто не раздѣлялъ его. Оно было смѣлымъ нововведеніемъ даже для адвокатовъ парижскаго парламента, которые покраснѣли бы отъ стыда, явившись въ судъ безъ рукописей своихъ объемистыхъ рѣчей.

У меня есть небольшое, довольно рѣдкое сочиненіе о риторикѣ, изданное безъ имени автора въ 1675 г. ²⁾, сочиненіе, въ которомъ искусство говорить ни на минуту не отличается отъ искусства писать. А между тѣмъ, неизвѣстный авторъ, обнаруживающій большую остроту ума, разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ.

Какимъ другимъ способомъ, кромѣ письменнаго, могъ готовить свои рѣчи тотъ Gautier-la-Gueule, который, защищая въ февралѣ 1646 г. графа де Шабо, началъ свою рѣчь слѣдующими словами: «М. г., изъ шести различныхъ разрядовъ, на которые платонники распредѣлили злыхъ духовъ, духи послѣдняго разряда называются ими *блгуцими свѣта* и, по ихъ словамъ, обладаютъ большею ловкостью и зловредностью, чѣмъ другіе: *Omniformibus imaginibus abundans*», говоритъ Порфирій, въ книгѣ *De Sacrificiis*, «*prodigiorumque machinis maxime fallunt*»... Свѣтъ, котораго бѣжитъ (демонъ обмана) это тотъ, который насъ освѣщаетъ *διης οὐρανοῦ*, болѣе яркій, чѣмъ солнечные лучи, иногда преломляющіеся въ представляемыхъ землей препятствіяхъ...» ³⁾.

По этой простой выдержкѣ изъ рѣчи одного изъ самыхъ знаменитыхъ адвокатовъ той эпохи легко видѣть, что если Расинъ злословилъ по поводу адвокатскаго сословія, то онъ не оклеветалъ его въ своихъ «*Plaideurs*».

Въ XVII в. защитительныя и проповѣдническія рѣчи, нисколько не походя на крылатія импровизаціи, скорѣй имѣли видъ массивныхъ, тяжеловѣсныхъ, всегда трудолюбиво воздвигнутыхъ сооруженій. Онѣ сочинялись со знаніемъ дѣла и произносились торжественно или, согласно наиболѣе распространенному обычаю, попросту читались въ аудиторіи по замѣткамъ.

По свидѣтельству Фенелона, проповѣдники говорили, заучивъ на-

¹⁾ Dialogues sur l'éloquence. D. II.

²⁾ «De l'Art de parler», 1675.

³⁾ Цит. въ Les Époques de l'éloquence judiciaire en France, par Munier-Jolain. См. еще «Histoire du barreau de Paris», t. II, par. Gaudry.

изусть, какъ настоящіе актеры. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ Фенелонъ не всегда примѣнялъ принципы, развиваемые имъ въ діалогахъ: его ораторскія произведенія слишкомъ тщательно отдѣланы для того, чтобы не возникало подозрѣнія, что они были произнесены на память. Извѣстно, съ какимъ трудолюбіемъ приготовлялся Бурдалу, до безконечности дѣлившій, подраздѣлявшій и передѣлывающій свои проповѣди. Массильонъ тоже долженъ былъ съ большимъ искусствомъ раздроблять свои идеи. Что же касается Флешье, то это былъ первостатейный риторъ и актеръ. Одинъ только, кажется, Боссюэтъ лучше понималъ ораторскую композицію. «Онъ набрасывалъ на бумагу», говоритъ Ле Брекье, — «планъ своихъ рѣчей и дожидался вдохновенія каюэдри, чтобы сообщить движеніе и жизнь своимъ мыслямъ» ¹⁾.

XVIII вѣкъ не внесъ большой перемѣны въ ораторскіе методы. Защитительныя рѣчи продолжали быть чтеніями за адвокатскимъ пюпитромъ, и мы видимъ, что адвокаты добивались недѣльной отсрочки, чтобы произнести свое возраженіе. Величайшіе адвокаты, между прочимъ, Кошэнъ, никогда не покидали этого способа подготовленія и произнесенія своихъ произведеній. По ихъ мнѣнію, поступать инымъ образомъ значило бы выказать недостатокъ уваженія къ судьямъ.

Однако, съ знаменитаго Жербе начинается, въ этомъ направленіи, эволюція. Разумѣется, тягостная графическая подготовка продолжаетъ служить основой ораторскихъ приемовъ, но можно сказать, что съ этого времени ораторъ приобрѣтаетъ больше довѣрія къ собственнымъ силамъ. Съ этого времени между рѣчью и письмомъ устанавливается весьма опредѣленная разграничительная межа, начинаютъ замѣчать, что качества, создающія писателя, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыя создаютъ оратора, что дѣло не сводится къ различію стилей, что перо противится слову и что ораторскаго стиля, быть можетъ, не существуетъ.

Разумѣется, даже на зарѣ XIX в., въ судахъ встрѣчались адвокаты съ рукописью защитительной рѣчи въ рукахъ. Нѣкоторые адвокатскія коллегіи, вродѣ бордосской, еще долго и упорно смотрѣли на чтеніе рѣчей, какъ на нерушимый обычай. Но скоро уже молодые ораторы признали эту привычку недостаткомъ и послѣдніе подражатели Кошэна сдѣлались лишь почтенными остатками другого вѣка.

Революція ускорила разрушеніе старыхъ методовъ, управлявшихъ искусствомъ краснорѣчія. Политическое краснорѣчіе этой безпокойной эпохи совсѣмъ не допускало медленныхъ письменныхъ подготовленій, и адвокаты, воспитанные въ старой школѣ, сдѣлавшись политиками, увидѣли себя принужденными, противъ своей воли, превратиться въ «импровизаторовъ». Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ любопытные примѣры смятенія, внесеннаго въ ораторскіе умы рушеніемъ методовъ. Было бы, однако, ошибочно утверждать, что это превращеніе произошло внезапно. Во второй половинѣ XVIII в. вліяніе Жербе уже сильно давало себя чувствовать, и многіе адвокаты, задолго передъ Дантономъ, начали говорить по простымъ замѣткамъ. Это настроеніе умовъ отзывалось даже на дидактическихъ трактатахъ. Одинъ парла-

¹⁾ Le Berquier. Le Barreau moderne, p. 93.

ментскій адвокатъ, оставшійся неизвѣстнымъ, выпустилъ въ свѣтъ въ 1776 г. очеркъ «адвокатскаго краснорѣчія», гдѣ высказываетъ очень интересные взгляды. Авторъ возстаетъ противъ слишкомъ употребительнаго обычая читать ораторскія произведенія. Онъ доказываетъ, что этотъ обычай лишаетъ дѣйствіе оратора естественности. «Несообразно въ немъ еще то,—пишетъ авторъ,—что онъ подчиняетъ оратора его произведенію и лишаетъ его находчивости и силы, необходимыхъ для того, чтобы принаравливаясь къ замѣчаемому имъ впечатлѣнію судей и немедленно отвѣчать или возражать на замѣчанія, которыя онъ можетъ получить отъ противника. Съ другой стороны, заучивать рѣчь на память, слѣдующаго обычая проповѣдниковъ,—тоже нехорошо. Молодой ораторъ сначала долженъ цѣликомъ написать свою рѣчь, затѣмъ обдумать ее, чтобы овладѣть планомъ, потомъ неоднократно упражняться въ кабинетѣ, не повторяя въ точности того, что онъ написалъ, а говоря такъ, какъ еслибъ онъ былъ въ судѣ, стремясь лишь сохранить планъ и строй своей рѣчи, не заботясь объ измѣненіи выраженій, разъ только они вѣрно и ясно передаютъ его мысли. Этотъ методъ послужитъ къ укрѣпленію въ его умѣ памяти предметной, единственной, къ которой долженъ стремиться ораторъ».

Въ настоящее время эти совѣты могутъ показаться банальными; въ XVIII в.—они были революціонными. Сверхъ того, точность употребленныхъ здѣсь выраженій обнаруживаетъ въ авторѣ выдающагося писателя.

IV.

Въ наши дни небывалое преобразование, которому подверглось публичное краснорѣчіе во всѣхъ своихъ родахъ, не осталось безъ вліянія и на нѣкоторыхъ неориторовъ. Въ одной книгѣ, читать которую теперь нелѣпо, Корманенъ, болѣе извѣстный въ 1840 г. подъ угрюмымъ именемъ Тимона¹⁾, попытался обрисовать психологію оратора. Я рѣшаюсь утверждать, что это ему не совсѣмъ удалось. Онъ дѣлитъ ораторовъ на три категоріи: 1) читающихъ то, что они написали, 2) говорящихъ то, что они выучили, 3) импровизирующихъ. Затѣмъ, онъ называетъ импровизаторомъ того, «кто не знаетъ, что онъ скажетъ и какъ будетъ говорить». Очевидно, что писатель, который бы въ настоящее время снова взялъ на себя неблагоприятный трудъ составленія «руководства для ораторовъ», прежде всего вычеркнулъ бы изъ списка какъ читающихъ, такъ и говорящихъ заученное. Что же касается опредѣленія импровизаціи, даннаго Тимономъ, то мы сейчасъ увидимъ, что оно невѣрно во многихъ пунктахъ. Импровизаторъ, точъ въ точъ соотвѣтствующій выставленной Корманеномъ формулѣ, едва обладалъ бы талантомъ краснорѣчія, необходимымъ винному маклеру для сбыта товара.

Изъ всѣхъ писателей, пытавшихся воскресить древнюю риторику, самымъ счастливымъ и во всякомъ случаѣ наиболее близкимъ въ своихъ теоріяхъ къ истинѣ мнѣ представляется Евгеній Пэньонъ, первая статья котораго, появившаяся въ 1846 г., недавно, въ 1888 г.,

¹⁾ *Timon. Le Livre des orateurs, 1840.*

вышла новымъ изданіемъ¹⁾. Единственнымъ недостаткомъ этого труда является фразеологія, дѣлающая чтеніе его почти невыносимымъ. Никогда, быть можетъ, столь оригинальныя идеи не были облечены въ такой скучный слогъ.

Громадная заслуга Пэньона заключается въ его заявленіи, что всякій ораторскій методъ, основанный на письменной подготовкѣ, обманчивъ, и что импровизація—не даръ небесъ, а *привычка, приобретаемая повтореніемъ*.

Такимъ образомъ, въ 1846 г. у Пэньона хватило проникающейности возстать противъ метода, который, несмотря на его старанія, продолжаетъ быть въ почетѣ у насъ, какъ въ судахъ, такъ и въ университетахъ. Разумѣется, графическая подготовка рѣчей не мѣшала великимъ ораторамъ волновать толпу и достигать возвышеннаго. Но что ни говорите, она, все же, для обучающагося—самый отвратительный приемъ. Она не отвѣчаетъ болѣе потребностямъ нашей эпохи, она—наслѣдіе прежнихъ вѣковъ, слишкомъ поддерживаемое среди насъ воспитаніемъ, которое стремится, во что бы то ни стало, присоединить насъ къ словесно-зрительному типу. Благодаря ей-то, многіе молодые люди, въ сущности обладающіе даромъ слова, въ отчаяніи оставались на полпути. Быть можетъ, ей слѣдуетъ приписать отвращеніе, внушаемое теперь прежней риторикой. Сколько добрыхъ стремленій было уничтожено чтеніемъ этихъ трактатовъ о «дарѣ краснорѣчія» и «божественномъ вдохновеніи», о «свойствахъ, получаемыхъ при рожденіи», о «могущественной импровизаціи»!

Да будетъ извѣстно разъ навсегда, что нѣтъ вещи, болѣе противорѣчившей ораторскому развитію, чѣмъ письменная подготовка! Если величайшіе ораторы достигали высшаго краснорѣчія, то это происходило безъ ея помощи или, лучше, помимо нея!

Новѣйшія научныя данныя подтверждаютъ открытія Пэньона. Можно набросать очеркъ рациональнаго метода, и я постараюсь сдѣлать это. Если кто-нибудь упрекнетъ скромнѣйшаго изъ адвокатовъ въ томъ, что онъ взялъ на себя задачу не по силамъ,—я отвѣчу ему примѣненіемъ къ себѣ насмѣшливаго изреченія Квинтиліана: «тѣ, которые наиболѣе разсуждали объ ораторскомъ искусствѣ, часто были посредственными ораторами».

ГЛАВА V.

Очеркъ рациональнаго метода.

I.

Рациональный методъ подготовки рѣчей долженъ основываться на двухъ положеніяхъ: 1) графическая подготовка подвергаетъ мозгъ оратора ряду бесполезныхъ работъ; она требуетъ излишней траты силъ; 2) чисто мысленная подготовка является самой быстрой, самой логичной, наиболѣе достигающей цѣли.

¹⁾ «Eloquence et Improvisation» par Eugène Paignon.

Постараемся представить психологический анализ труда, затрачиваемого графическим оратором:

1) прежде всего, он должен приняться за умственный труд обдумывания речи, без которого могут обойтись одни лишь представители чисто графического типа (т. е. которыми мысли приходят в голову в то время, как они их пишут, а известно, что этот тип довольно редок). Если он принадлежит к чисто слуховому типу, ему нужно вызвать внутренний голос, заставить его говорить. Нужно, чтобы мысль предварительно выразилась внутренней речью.

2) Посредством второго умственного акта внутренняя речь должна быть переведена на внешнюю письменную. Что же обыкновенно происходит? Это выражение во внешнем графическом образе попросту облегчает центр двигательной графической памяти и уменьшает силу напряжения образов. Можно сказать, что память *разряжается* писанием. И это настолько верно, что многие писатели утверждают, что при чтении только что написанного им кажется, что они читают нечто новое. Сколько раз во время моих исследований мне приходилось слышать следующее заявление: «я впервые читаю мое произведение, когда вижу его напечатанным». С точки зрения внешней речи, писание не только ни к чему не служит, но еще ведет к *бесплодной* трате умственной энергии.

3) После этой двойной операции оратор, если он не хочет лишиться ее преимуществ, должен выполнить третью, т. е. снабдить свою словесно-зрительную память только-что выраженной им графической речью. Оратор льстит себя при этом, что он не учит наизусть. Он говорит это искренно, но несчастный не подозревает, что в действительности он обращается к своей естественной словесно-зрительной памяти. Если его естественная память слаба, он применяет систему Жюль Фавра, т. е. переписывает свою речь два, три и более раз, и тогда важно заявлять, что этой системой он обязан более точным формулам и изысканным выражениями. Это совершенно верно. Я даже прибавлю, что если он принадлежит к «чисто-графическому» типу, он мог бы таким образом пополнить новыми идеями свой первоначальный план. Но все это ведет к развитию в нем не ораторских, а писательских свойств и к возбуждению его зрительных центров. Несколько раз переписывать значит учить наизусть, при посредстве врожденной графической памяти, подобно ленивому ребенку, при заучивании урока шевелящему губами и таким образом укрепляющему его в своей естественной словесно-двигательной памяти.

4) Когда речь, смутно или точно, запечатлена в зрительной памяти, оратор должен установить соответствие между зрительной памятью и двигательным артикуляционным центром. Это новая, часто трудная работа. В ней заключались утомительные декламации Цицерона и упражнения Демосфена в его подвалы. В мозговом отношении эта работа делится на две части: первая заключается в смягчении нервных волокон, которые ведут от зрительных центров к двигательным артикуляционным центрам, вторая состоит в упражнении центральных артикуляционных центров.

Таким образом, прием, употребляемый оратором для того, чтобы перевести свою внутреннюю речь на внешнюю, можно вполне правильно назвать ученическим.

Перейдем теперь к методической работе обдумывающего оратора, который заслуживает название «импровизатора».

У него должна быть одна только цель: заставить действовать свою двигательную артикуляционную память. Если он от рождения обладает преимуществом принадлежать к двигательному артикуляционному типу, то его задача очень легка. Слова большей частью представляются в виде образов движений, необходимых для произнесения их. Я достаточно ясно обрисовал во II-й главе счастливейшее положение этого «типа», с точки зрения ораторского искусства. Единственный недостаток, которого ему следует остерегаться, это — крайняя бégлость речи, почти всегда переходящая в бормотание. Ему следует, значит, развить, распределить, привести в порядок свой слишком послушный словесный материал. Его декламационные упражнения должны стремиться к тому, чтобы произносить медленно и явственно. Он должен научиться *слушать себя* даже в обыкновенном разговоре. Т. е. многочисленные операции, к которым принужден прибегать графический тип, у него сводятся к одной.

Метод слухового типа, желающего обладать речью, не очень сложен, так, согласно выраженному уже мной убеждению, представителю самого чистого слухового типа нужно очень немного, чтобы перейти к словесно-двигательному, если только в его двигательной нервной системе нет серьезных недостатков, в самом деле, следует помнить, что, как говорил Лихтейм: слуховой центр управляет центром Брока ¹⁾, равно как изложенный в самом начале этого исследования принцип, что «слышанные слова образуют запас, находящийся в состоянии напряжения».

Воспитание представителя такого типа, если он хочет сделаться оратором, должно преимущественно состоять в установлении согласия между центром слышанных слов и центром артикуляционных образов. Для этого он должен строго устранять всякое вмешательство зрительной памяти. Ознакомившись с предметом в главных чертах, он должен стремиться развивать его сначала путем простого размышления, а затем посредством громкой речи. Каждое утро нужно хотя бы в течение четверти часа громко импровизировать на какую бы то ни было тему, нужно возбуждать свои голосовые связи, никогда не упуская из виду аксиому Пэньюна: «повторение учит импровизации». Разв. так трудно приучиться ежедневно, в течение короткого промежутка времени развивать какое-нибудь пошлейшее общее место? Во всяком случае, ничего не стоит попытаться делать это в продолжение двух или трех месяцев.

Что касается словесно-зрительного или, в особенности, чистого графически-двигательного типа, то нет сомнений, что его представителей трудно обучить искусству публичного оратора. Я предлагаю

¹⁾ Цит. у П. Блока, op. cit. 14.

имъ, во всякомъ случаѣ, не отступать передъ трудностью задачи. Прежде всего, чтобы достигнуть успѣха, они должны оставить зрительные приемы и стремиться къ *слуходвигательнымъ*. Читать себѣ вслухъ, стараться запоминать кое-что изъ этихъ чтеній и повторять ихъ съ приблизительной точностью, прибѣгая лишь къ слуховой памяти. Не слѣдуетъ ничего писать, не попытавшись раньше сочинять вслухъ. Развѣ же такъ трудно взять себѣ за правило не писать никогда письма, не рассказавъ себѣ раньше его содержанія, съ приблизительною точностью? Нужно научиться *произносить* свою мысль: отъ этого зависитъ успѣхъ.

Въ общемъ, мыслящій человѣкъ пользуется двумя капиталами: капиталомъ *слышанныхъ* и капиталомъ *видѣнныхъ* словъ. Тотъ, кто хочетъ сдѣлаться профессиональнымъ ораторомъ, долженъ стремиться пополнить капиталъ *слышанныхъ* словъ. Желающій преуспѣть въ какомъ-либо искусствѣ индивидъ, если онъ только не принадлежитъ къ рѣдкимъ чудесамъ природы, одареннымъ всеми высшими достоинствами, долженъ специализировать отправленія своего ума, которые допускаютъ занятіе этимъ искусствомъ. Это—слѣдствіе принципа раздѣленія труда.

Сент-Поль, выражаясь скорѣй какъ врачъ, чѣмъ какъ художникъ, говорить, что нормальный, законченный и уравновѣшенный человѣкъ является *безразличнымъ*, всѣ нервныя центры котораго находятся одинаково въ дѣйстви. Да, но, можетъ быть, эта уравновѣшенность будетъ посредственностью. Жильберъ Балле прежде писалъ, что такимъ долженъ быть идеальный типъ, наиболѣе приспособленный къ борьбѣ за существованіе, такъ какъ при потерѣ одного центра онъ могъ бы замѣстить его другими. Совсѣмъ нѣтъ!

Какъ съ точки зрѣнія эгоистической борьбы за существованіе, такъ и съ точки зрѣнія альтруистической гуманитарности, слѣдуетъ заявить, что и для личной выгоды и для общаго блага человѣкъ долженъ постоянно стремиться совершенствовать особенныя свойства своего мозга. Въ этомъ условіи кроется прогрессъ.

Необходимо, такимъ образомъ, чтобы въ воспитаніи современной молодежи, въ моментъ, когда обнаруживается призваніе, выдѣлять въ особую группу, какъ это уже дѣлалось у древнихъ, тѣхъ, специальнымъ занятіемъ которыхъ будетъ публичное краснорѣчіе.

Было бы даже полезно, чтобы молодые люди, призванные получить общее образованіе, были, въ нѣкоторой степени, съ самаго начала привлекаемы къ публичному краснорѣчію. Это уже съ большимъ успѣхомъ примѣняли американцы и англичане.

Къ несчастію, у насъ воспитаніе остается зрительнымъ. Оно стремится, въ возможно большей степени, привести всѣхъ насъ къ графическому типу. Въ нашихъ классахъ риторики французскія рѣчи допускаются лишь въ письменной формѣ. По большей части устная передача ихъ производится «слово въ слово».

Слѣдовало бы рѣшиться учить юношей «импровизаціи». Эта мысль, быть можетъ, вызоветъ улыбку у тѣхъ, которымъ нравятся лишь проторенные пути. Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что если импро-

визація не является природнымъ даромъ у большинства людей, если ей надо учиться, то, начиная съ извѣстнаго возраста, ей нельзя уже научиться. Жозефъ Рейнакъ недавно писалъ, вслѣдъ за Кармэненомъ, что импровизація нельзя научиться, переступивъ сорокалѣтній возрастъ¹⁾. Увы, я полагаю, что года слѣдуетъ еще убавить. Желая примѣнять послѣ 30, а у нѣкоторыхъ даже послѣ 25 лѣтъ, тѣ правила, краткій очеркъ которыхъ я старался дать выше, встрѣчаешься съ непреодолимыми препятствіями. Усилія во всякомъ случаѣ становятся тягостнѣе, чѣмъ въ то время, когда мозгъ обладаетъ гибкостью двадцати лѣтъ. Эту мысль прекрасно выразилъ римскій риторъ, говоря, что «каждый предпочитаетъ придерживаться того, что онъ знаетъ, чѣмъ учиться новому, и начатый путь всегда кажется самымъ лучшимъ»²⁾.

Такимъ образомъ, лучше всего съ ранней молодости приучаться искусству говорить. Вотъ почему настоящіе очерки предназначены мною прежде всего для молодыхъ людей.

II.

Я позволю себѣ прибавить для нихъ нѣсколько совѣтовъ, резюмируя по возможности рельефно рекомендуемый мной методъ.

При подготовкѣ къ рѣчи, я рѣшительно отвергаю всѣ письменныя приемы. *Предварительное словесно-двигательное обдумываніе* мнѣ кажется единственнымъ, могущимъ создать оратора. Я обращаю, главнымъ образомъ, вниманіе на приемы, употребляемые Францискомъ Сарса, которые я опишу въ слѣдующей главѣ. *Что касается* этого предварительнаго обдумыванія, то я требую, чтобы оно производилось возможно старательнѣе. Произведенное неопредѣленнымъ и не точнымъ образомъ, оно немногаго стоитъ. Имѣя въ виду вялое и лѣнивое обдумываніе, представители графизма небезосновательно возражали, что только одно писаніе можетъ придать рѣчи точную и законченную форму. Ничто не мѣшаетъ при мысленной подготовкѣ заботиться о сжатости выражений. Не слѣдуетъ довольствоваться составленіемъ бѣглыхъ образовъ, ссылаясь на то, что: «э, да это выяснится потомъ!» Нужно, чтобы обрисовались контуры каждой мысли. Нужно стремиться къ тому, чтобы слова будущей рѣчи произносились въ мозгу столь же совершеннымъ образомъ, какъ и передъ самой публикой. Довольствоваться при обдумываніи «приблизительностью»—плохой методъ. Опредѣленность образовъ предстоящей рѣчи будетъ пропорціональна настойчивости усилія ихъ опредѣлить. Въ особенности никогда не надѣйтесь, что форма создается сама собой. Разумѣется, суть рѣчи—вещь важная: въ мысляхъ, а не въ словахъ слѣдуетъ искать рациональную послѣдовательность, связность ораторскаго произведенія. Ихъ естественному сцепленію ораторъ обязанъ той логикой «пушечнаго ядра», которая завоевываетъ убѣжденія. Но и форма представляетъ собой неизмѣримую цѣнность, и тотъ, кто не

¹⁾ J. Reinach. «Conciones français». Introduction.

²⁾ Квинтиліанъ.

обдумать формы речи за одно съ ея сущью, рискует остаться въ числѣ посредственностей.

Составляйте замѣтки, только обдумавши рѣчь. Замѣтки весьма полезны въ томъ отношеніи, что онѣ обезпечиваютъ переходы. Лучше, разумеется, было бы принадлежать къ тѣмъ привилегированнымъ лицамъ, которыя могутъ обходиться безъ нихъ; но въ такомъ случаѣ съ безпечнымъ ораторомъ могло бы приключиться то же, что такъ забавно разсказалъ Сарсэ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не имѣя никакихъ письменныхъ замѣтокъ, онъ могъ бы позабыть третью того, что долженъ былъ сказать. Риторы всегда указывали на переходъ отъ одной мысли къ другой, какъ на камень преткновенія для новичковъ въ искусствѣ краснорѣчія. Надо себя «нагипнотизировать» на переходахъ.

Въ особенности, — будьте смѣлы! Горе тому, у кого нѣтъ смѣлости встрѣчаться лицомъ къ лицу съ аудиторіей, которая часто тѣмъ грознѣй, чѣмъ болѣе она спокойна и молчалива! /Нужно, если хотите, съ грустью признать, что скромность для оратора пагубная добродѣтель, равнымъ образомъ, какъ самомнѣніе самый драгоценный порокъ для него. На сторонѣ смѣльчаковъ — всѣ шансы, — такъ какъ многіе раньше, чѣмъ быть произведенными въ превосходные ораторы, выводили изъ терпѣнія не одну аудиторію. Всякій, кто имѣлъ возможность видѣть за работой и наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ молодыхъ ораторовъ, мало одаренныхъ, но настойчивыхъ и пренебрегающихъ графическими методами, поражался ихъ удивительными успѣхами. Что касается графистовъ, то они сразу достигаютъ апогея и останавливаются на точкѣ замерзанія.

Забойтесь о дикціи. Забойтесь о ней тѣмъ болѣе, чѣмъ легче вамъ будетъ даваться рѣчь. Если вы походите на описаннаго Монтанемъ оратора, со слишкомъ свободно привѣшеннымъ языкомъ, оратора, у котораго слова льются, «подобно водѣ, которая, благодаря своей стремительности, силѣ и изобилію, не можетъ излиться въ открытый узкій каналъ»¹⁾, то упражняйтесь въ такомъ случаѣ въ отчетливомъ произношеніи, стараясь не спотыкаться на слогахъ. Лучше всего для дебютанта было бы позаботиться о присутствіи при первыхъ выходахъ какого-нибудь искренняго, преданнаго друга, который могъ бы указывать недостатки и сдерживать уклоненія. «Молодымъ ораторамъ», отвѣчалъ судья Beltjens на запросъ молодыхъ брюссельскихъ адвокатовъ, «недостаетъ патрона, который, отъ времени до времени, давалъ бы имъ урокъ краснорѣчія и позволилъ бы имъ въ своемъ присутствіи читать вслухъ, останавливая ихъ по желанію, чтобы исправить интонацію, произношеніе, выговоръ»²⁾. Съ такой же точки зрѣнія я всячески совѣтовалъ бы дебютантамъ, хотя этотъ совѣтъ и сдѣлался банальнымъ, ежедневно слушать хорошихъ ораторовъ. Среди молодежи наблюдается излишняя склонность пренебрегать этой превосходной привычкой. Этому правилу учила старыхъ ораторовъ рутина; теперь же наиболѣе достовѣрная психологи-

ческая наука провозглашаетъ, что «слухъ создаетъ оратора». Итакъ, насыщайте вашъ слухъ прекрасными, звучными періодами, обогащайте вашу словесную память избранными выраженіями, краткими формулами, запасными словами, которыми вы воспользуетесь въ вашихъ будущихъ рѣчахъ. Помните, что «человѣческій умъ питается подражаніемъ», и что громадное могущество этой «соціальной силы» только что разительнымъ образомъ выставлено гениемъ Тарда¹⁾. Съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ вы будете слѣдовать за хорошими ораторами, избѣгайте плохихъ: чужіе недостатки, кажется, еще заразительнѣе чужихъ достоинствъ. Кому не случалось заикаться послѣ часового разговора съ заикой, бормотать вслѣдъ за страдающимъ этимъ недостаткомъ²⁾? Вотъ почему большіе города, гдѣ встрѣчаются рѣчистые докладчики, краснорѣчивые политики и талантливые адвокаты, по преимуществу составляютъ мѣсто культивированія ораторскаго искусства.

Но въ особенности не довѣряйте тому, что можетъ въ рѣчи напомнить стиль писателя. Всѣ украшенія древней риторики являются ветхошью для современнаго оратора. Публичная рѣчь можетъ имѣть лишь одну логическую цѣль: заставить умъ слушателя схватить мысль оратора и то схватить ее *на лету*. Будьте увѣрены, что это уже гигантскій подвигъ. Вообще всѣ усилія оратора должны клониться къ тому, чтобы не выходить изъ формулъ, ставшихъ обычными у его современниковъ. Вопреки всѣмъ своимъ притязаніямъ на «стиль», выдающиеся ораторы прошлыхъ вѣковъ могли лишь слѣдовать по пятамъ писателей. Собственно говоря, они всегда бывали въ этомъ отношеніи отсталыми и посредственностями. Такимъ путемъ они заставляли себя слушать. Банальность является почти однимъ изъ условій краснорѣчія³⁾, и Эджеръ, разумеется, хотѣлъ высказать именно это, когда писалъ, что: «чѣмъ пошлѣе мысль, тѣмъ легче она выражается».

Я былъ пораженъ упорствомъ, съ которымъ самый проникательный критикъ нашего времени настаивалъ на этой неизмѣнно слабой сторонѣ ораторскаго искусства. Будемъ скромны. Покоримся его приговору. Да, всѣ роды краснорѣчія не только терпятъ посредственность, но охотно допускаютъ ее и даже, можно сказать, живутъ ею! Да, одной изъ причинъ, которыя, безъ сомнѣнія, содѣйствовали упадку адвокатуры во Франціи, было притязаніе говорить краснорѣчиво⁴⁾!

Итакъ, старайтесь въ вашихъ рѣчахъ соблюдать простоту и не употреблять ни одного слова, ни одного выраженія, которое не входило бы въ обыденную рѣчь. Всякое ораторское произведеніе должно сводиться къ одному качеству, достаточно трудно осуществимому для того, чтобы можно было не стремиться къ другимъ: ясности. Предоставьте рѣдкія выраженія поэтамъ, а глубокія — философамъ. О, въ особенности остерегайтесь глубины: сказать объ ораторѣ, что онъ

¹⁾ Тардъ. Законы подражанія.

²⁾ Ballet. Op. cit. p. 25.

³⁾ См. прекрасныя замѣчанія по этому поводу у Тэна (Французская философія XIX в. 1896, стр. 66—62, 89—90 и др.).

⁴⁾ Brunetière въ Revue des 2 Mondes, 1 mai 1888.

¹⁾ Montaigne. Liv. I, chap. IX.

²⁾ Enquête sur la plaidoirie, 1891, Brux.

глубокъ, значить ненести ему страшное оскорбленіе. Наконецъ, при всякихъ обстоятельствахъ, не упускайте изъ виду замѣчательнаго наблюденія Тьера: «я провелъ жизнь среди общественныхъ собраній и былъ пораженъ одной вещью: какъ только ораторъ прибѣгалъ къ тому, что называется «фразой», аудиторія улыбалась съ невыразимымъ презрѣніемъ и переставала слушать»¹⁾).

Послѣдній совѣтъ: если вы думаете, что для того, чтобы сдѣлаться ораторомъ, достаточно прочесть книгу, трактующую о краснорѣчій, — бросьте скорѣй ее въ печь.

А теперь, молодые люди, собирайтесь съ духомъ, — и желаю вамъ успѣха!

ГЛАВА VI.

Исслѣдованіе приѣмовъ нѣкоторыхъ ораторовъ.

Боссюэтъ.

Нужно предположить, что крупныя произведенія этого могучаго проповѣдника были создаваемы по цicerоновскому способу. Они писались, быть-можетъ, даже неоднократно и, несомнѣнно, во время произнесенія, пополнялись настоящими ораторскими экспромтами. Кажется, однако, установлено, что въ своихъ неторжественныхъ рѣчахъ Боссюэтъ былъ почти импровизаторомъ. Я привелъ выше мнѣніе Ле-Беркье. Вотъ, какъ онъ его дополняетъ²⁾:

«Я просмотрѣлъ», говоритъ онъ, «въ Луврской библіотекѣ пять томовъ проповѣдей, въ видѣ простыхъ замѣтокъ, на лету занесенныхъ рукой Боссюэта, на листахъ бумаги различныхъ размѣровъ и на оборотной сторонѣ епархіальныхъ циркуляровъ. Ни одинъ сюжетъ здѣсь не былъ обработанъ вполне такъ, чтобы дать понятіе о формѣ рѣчи... Проповѣди Флешье и Фенелона, писанныя заранѣе съ неизмѣннымъ изяществомъ и заученныя на память, не отличались такой живостью и такимъ блескомъ». Нужно прибавить, что здравый методъ, употребляемый Боссюэтомъ, является исключеніемъ въ XVII в., равнымъ образомъ, какъ и въ первой половинѣ XVIII в. Безспорно, что всѣ проповѣдники слово въ слово читали свои рѣчи.

Кошэнъ.

«Никогда», говорятъ Клэръ и Клаппье, «онъ не являлся передъ судомъ, не написавъ того, что долженъ былъ сказать. Этотъ трудъ, прибавляютъ они: — выполнявшійся имъ въ продолженіе долгаго времени, доставилъ ему такую легкость рѣчи, что подъ конецъ своей жизни онъ счелъ возможнымъ попытаться счастья въ импровизаціи». Если бы Кошэнъ, съ этого времени, сдѣлался замѣчательнымъ импровизаторомъ, это послужило бы доводомъ въ пользу цicerоновскаго

¹⁾ *Ludovic Halévy. «Notes et souvenirs». Цит. въ «Memoire et Imagination» par Arréat.*

²⁾ *Le Barreau moderne, loc. cit.*

метода. Но біографы заканчиваютъ такъ: «Все же дѣлаемые имъ замѣтки были такъ пространны, что могли сойти за настоящія рѣчи»¹⁾).

Достаточно прочесть одну изъ рѣчей Кошэна, чтобы убѣдиться въ томъ, что языкъ знаменитаго адвоката нисколько не походитъ на разговорный.

Жербье.

Его окрестили «царемъ французской адвокатуры», и это прозвище не преувеличено, если вѣрить Клэру и Клаппье, рассказывающимъ о впечатлѣніи, которое производило его краснорѣчіемъ²⁾. Въ наши дни, одинъ только Лашо извѣдалъ такіе громкіе триумфы. На первый взглядъ Жербье можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которыхъ Цицеронъ обвинялъ, что они ничего не написали съ цѣлью упрочить за собой непоколебимую славу въ потомствѣ. Дѣйствительно, послѣ него почти ничего не осталось. Тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ заключать, что у него не было привычки писать. «Онъ подготовлялся медленно», говорятъ его біографы, «онъ покрывалъ замѣтками большіе листы бумаги и изъ всего написаннаго ничего не произносилъ; съ такою же медленностью онъ почти все зачеркивалъ; оставалось не болѣе 20 строчекъ, да и то не столько въ видѣ фразъ, сколько въ видѣ геометрическихъ формулъ». Жербье старательно скрывалъ свои приѣмы (такъ же, впрочемъ, какъ теперь дѣлаютъ многіе ораторы) и увѣрялъ, что онъ всегда отдавался своей природной фантазіи. Но до пожара судейской библіотеки, Леберкье видѣлъ наброски рѣчей Жербье, весьма подробные, со вступленіемъ и заключеніемъ³⁾. Нѣкоторыя вступленія возобновлялись по три раза и подготовлялись подъ тремя различными формами.

Таржэ.

Воспитанный въ школѣ Кошэна, онъ писалъ свои рѣчи цѣликомъ и читалъ ихъ⁴⁾. Таржэ былъ первымъ изъ многочисленныхъ адвокатовъ, разбившихъ свой талантъ о подводные камни политики. «Будучи депутатомъ Парижа въ народномъ собраніи, онъ вначалѣ возбуждалъ живой интересъ. Но ожиданія обманулись: его находили педантичнымъ, высокопарнымъ. Робеспьеръ заявилъ, что онъ съ напыщенностью говорилъ обыкновенныя вещи и, съ перваго же дебюта Таржэ, не безъ удовольствія убѣдился, что это ему былъ неопасный соперникъ... Говорили тоже, вслѣдъ за Этьенномъ Дюмономъ, что Таржэ потонулъ въ своемъ талантѣ»⁵⁾.

Мирабо.

Я сказалъ выше, что Революція принудила политическихъ ораторовъ волей-неволей импровизировать. Это замѣчаніе поразительно

¹⁾ *Clair et Olappier. Barreau français ancien, tome II, p. 175.*

²⁾ *Ibid. Barreau français ancien, t. VI, p. 351.*

³⁾ *Op. cit.*

⁴⁾ *Pinard. Le Barreau, p. 38.*

⁵⁾ *Aulard. Revue polit. et litt. (26 août 1893):*

вѣрно въ примѣненіи къ Мирабо. Вначалѣ онъ, какъ и всѣ ораторы его эпохи, былъ настоящимъ *графистомъ*. Разъ попавъ въ водоворотъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ простому обдумыванію. Онъ съ трудомъ усвоилъ этотъ методъ, такъ какъ, по словамъ Рейнака, «этотъ гигантъ слова долго трепеталъ передъ импровизацией и часто избѣгалъ ея, рискуя проиграть рѣшительную битву» ¹⁾. Но въ тотъ день, когда онъ смѣло примѣнилъ этотъ методъ, онъ нашелъ свое призваніе. Что касается его писанныхъ рѣчей, то онѣ въ общемъ были слабы; онъ спасалъ ихъ лишь «удивительнымъ мастерствомъ своей дикціи»; одна и та же рѣчь, прочитанная въ клубѣ якобинцевъ имъ самимъ, а въ учредительномъ собраніи Талейраномъ, показалась великолѣпной въ клубѣ и посредственной въ собраніи ²⁾.

Разъ избавившись отъ своего графизма, онъ явился тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, т. е. представителемъ словесно-двигательнаго типа въ самой высокой степени. «Онъ не умѣетъ писать», говоритъ Оларъ ³⁾: «въ спокойномъ настроеніи, перо у него выпадаетъ изъ рукъ. Когда онъ не увлеченъ страстнымъ порывомъ, онъ беретъ за перо лишь для того, чтобы съ трудомъ начертить строки, *которыя не выражаютъ его мысли*».

Онъ говорилъ внушительно, вначалѣ очень медленно, мало по малу воодушевляясь. Онъ всегда заранее обдумывалъ свои самые блестящіе пассажи ⁴⁾.

Вернио.

Я ограничусь краткимъ изложеніемъ того, что говорится объ ораторскихъ приемахъ «орла» Жиронды въ прекрасномъ изслѣдованіи Олара о Вернио ⁵⁾. «Онъ отъ природы казался безстрастнымъ и лѣнивымъ, хотя историкъ могъ бы утверждать, что подъ его внѣшней сонливостью скрывается постоянная и сознательная внутренняя работа мысли. Онъ работалъ лишь порывами, когда грубая необходимость разсѣивала его грезы, когда онъ чувствовалъ себя задѣтымъ за живое несправедливостью или былъ подстрекаемъ опасностью. Тогда замѣчательныя дарованія, дремавшія въ немъ, внезапно пробуждались; его оцѣпенѣлость, страхивалась сама собой; онъ думалъ лихорадочно и быстро, онъ совершалъ многое въ короткое время. Это походило на кризисъ, который разрѣшался на трибунѣ. Будучи адвокатомъ въ Бордо, онъ писалъ и читалъ свои рѣчи (таковъ былъ обычай); на трибунѣ онъ никогда не читалъ. Онъ усиленно подготовлялся къ своимъ большимъ рѣчамъ, *произнося ихъ предварительно передъ своими друзьями*. Это именно та система, которая позднѣе съ такимъ успѣхомъ примѣнялась Тьеромъ и которая должна быть необыкновенно полезна для представителей зрительнаго типа, желаю-

щихъ избавиться отъ этой своей особенности. Онъ обыкновенно приносилъ съ собой на трибуну написанный планъ, отдѣлы и подраздѣленія котораго были ясно обозначены, а аргументы распределены въ строгой послѣдовательности. Въ общемъ, онъ многое предоставлялъ случайности. Нѣтъ, впрочемъ, сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ случаяхъ онъ говорилъ безъ малѣйшей письменной подготовки, на примѣръ: 10 апрѣля 1793 года, когда отвѣчалъ на обвиненія Робеспьера. Слѣдуетъ указать еще на одинъ фактъ: онъ не любилъ писать и въ засѣданіи 3 апрѣля 1793 года, когда ему ставили въ обвиненіе его корреспонденціи, онъ публично заявилъ, *что никогда не писалъ писемъ*. Многие знаменитые ораторы обнаруживали такое же отвращеніе къ письму.

Гюадэ.

Если вѣрить Шово ¹⁾, Гюадэ писалъ всѣ свои рѣчи, пока былъ адвокатомъ. Но, сдѣлавшись политическимъ ораторомъ, онъ сталъ импровизировать.

Гаспаренъ ясно говоритъ объ этомъ въ трибунѣ 3 января 1793 года; г-жа Роланъ, въ своей біографіи Вернио, упоминаетъ объ этомъ, какъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, и Ж. Гюадэ, подтверждая всѣ эти свидѣтельства, пишетъ, что его дядя всегда импровизировалъ. «Гюадэ», говоритъ одинъ изъ его коллегъ, «въ тѣхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, когда ораторы бросались къ трибунѣ, въ смятеніи теряли и вновь обрѣтали даръ слова, оставался спокойнымъ и вполне владѣлъ собой» ²⁾.

Инаръ.

Несмотря на импровизаторскіе приемы, онъ былъ чистымъ графистомъ. «Одинъ изъ его коллегъ, Рабюссонъ-Ламоть указываетъ, что онъ пропустилъ одну страницу изъ своей рѣчи 20 января 1792 г., и самъ онъ, когда его рѣчь, 15 мая того же года, была прервана, выражается о ней такъ, какъ еслибы она была написана: «окончивъ свою рѣчь, я положу ее на столъ». Но, несмотря на то, что онъ читалъ или училъ на память, въ немъ все же есть что-то импровизаторское. Видно, что онъ писалъ, отдаваясь на волю своего пера» ³⁾.

Дантонъ.

Вотъ чистѣйшій представитель словесно-двигательнаго типа. Отъ него не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ, словно вылитыхъ изъ бронзы, афоризмовъ. Все остальное погубило. Его самые непримиримые враги иногда вполне чистосердечно признавали его молниеносное краснорѣчіе, которое, быть можетъ, превышало краснорѣчіе Мирабо. Дантонъ даетъ особый поводъ сожалѣть о неизбежной судьбѣ всѣхъ ораторовъ. Сохраняется ли ораторское произведеніе или исчезаетъ, ораторъ, тѣмъ не менѣе, всецѣло умираетъ. Въ концѣ-концовъ,

¹⁾ I. Reinach. Conciones français. Introduction.

²⁾ Id. Loc. cit.

³⁾ «Les Orateurs de l'Assemblée constituante.

⁴⁾ Cormenin. Le Livre des Orateurs, p. 198.

⁵⁾ Aulard. Les Orateurs de la Législative et de la Convention, t. I, pages 291—346 et passim.

¹⁾ Histoire du Barreau de Bordeaux.

²⁾ Aulard. Op. cit. p. 451, tome I.

³⁾ Aulard. Op. cit. p. 64, tome II.

лучшее, что онъ можетъ желать, это только жить въ воспоминаніи своихъ триумфовъ. «Писаніе замораживаетъ рѣчь».

— «Дантонъ» заключаетъ Оларъ, «былъ самымъ совершеннымъ ораторомъ республики, наиболѣе соответствующимъ генію нашей расы» ¹⁾.

Геро де Сешелль.

Хотя онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся ораторовъ революціи, его ораторскій методъ настолько любопытенъ съ психологической точки зрѣнія, что на немъ стоитъ остановиться на мгновение. Онъ самъ, съ рѣдкимъ чистосердечіемъ, открылъ намъ свои интимные приемы. «Нужно учить на память», говоритъ онъ намъ, «писать: въ памяти лучше удерживается то, что она видѣла написаннымъ. Нужно изъ этого составить себѣ какъ бы таблицу и нѣкоторымъ образомъ читать ее во время произнесенія рѣчи... Весьма полезный и удобный приемъ, къ которому слѣдуетъ привыкнуть, съ цѣлью придать уму быстроту и zarazъ вспоминать множество идей, заключается въ томъ, чтобы, обладая этими идеями, удерживать въ своей памяти лишь основное слово, вспомнивъ которое можно возстановить всю фразу. Вольтеръ гдѣ-то сказалъ, что «слова вѣстники мыслей». Употребляя здѣсь это выраженіе въ другомъ смыслѣ, я сказалъ бы, что нужно приучить свой умъ нуждаться лишь въ главныхъ словахъ, во всемъ протяженіи самаго продолжительнаго разсужденія» ²⁾. Геро де Сешелль является, такимъ образомъ, олицетвореніемъ настоящаго словесно-зрительнаго типа, и понятно, что большинству авторовъ, писавшихъ о внутренней рѣчи, онъ служилъ любопытнымъ примѣромъ. Разумѣется, онъ не составляетъ исключенія. Я лично знакомъ съ нѣсколькими ораторами, которые принадлежатъ къ этой категоріи. Въ одномъ новѣйшемъ трудѣ, только что появившемся мнѣ на глаза, говорится, что Гальтонъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій упоминаетъ о нѣкомъ членѣ англійскаго парламента, читавшемъ на трибунѣ свои рѣчи по отсутствующей рукописи и даже запинаясь въ мѣстахъ помарокъ ³⁾.

Робеспьеръ.

«Мишле», говоритъ Оларъ, «изобразилъ намъ его сторбленнымъ надъ столомъ при свѣтѣ лампы Дюпле и испешряющимъ бумагу помарками, помарками безъ конца, подобно старательному школьнику, трудолюбивое воображеніе котораго не въ силахъ ни достичь цѣли, ни удовлетвориться. Большая часть рѣчей Робеспьера была такимъ образомъ задумана и составлена заранее, до момента произнесенія. Затѣмъ, въ его памяти или на бумагѣ, эти рѣчи, въ ожиданіи случая появиться, наконецъ, на свѣтъ, начинали развиваться. Ихъ подвижныя рамки, безпрестанно расширяемыя, разрушаемыя и переѣлываемыя, постоянно пополнялись неожиданными доводами» ⁴⁾.

Бенжаменъ Констанъ.

Подобно большинству великихъ ораторовъ эпохи реставраціи, онъ писалъ всѣ свои рѣчи. Это былъ чистый графистъ, весьма близкій къ типу Инара. Когда онъ держалъ перо въ рукѣ, мысли тѣснились въ его мозгу въ такомъ обиліи, что графизмъ нисколько не нарушалъ быстроты и мѣткости его выраженій. Слушая рѣчь противника, онъ набрасывалъ возраженіе, которое затѣмъ читалъ на трибунѣ ¹⁾.

Оларъ рассказываетъ намъ нѣчто подобное о знаменитомъ конвенціоналистѣ Барерѣ. Этотъ послѣдній, непостоянство котораго сдѣлалось историческимъ, въ продолженіе рѣчи своего предшественника, письменно подготовлялъ два различныхъ возраженія. Онъ произносилъ одно или другое, сообразно съ оборотомъ, который принимало дѣло въ собраніи.

Можно сказать, что ораторскій методъ Бенжамена Констана только нѣкоторыми отгѣнками отличался отъ метода генерала Фoa, Лаффита, Дюпона и Роайе-Колляра.

Манюэль.

Онъ принадлежалъ къ словесно-двигательному типу и подготовлялся къ рѣчи путемъ одного лишь обдумыванія. Его импровизаторская способность поражала современниковъ. «Быть-можетъ, онъ былъ нѣсколько пространенъ, нѣсколько многословенъ, не теряя, впрочемъ, своей ясности, но постоянно возвращаясь къ сказанному уже и повторяясь, какъ всѣ, кому рѣчь крайне легко дается». Онъ прибѣгалъ къ графической подготовкѣ лишь въ своихъ рѣчахъ о финансахъ. Его написанныя рѣчи не отличались, впрочемъ, ни широтой взгляда, ни стилемъ ²⁾.

Де Мартиньякъ.

Ставъ адвокатомъ въ Бордо, гдѣ его отецъ занималъ видный постъ, онъ однимъ изъ первыхъ «нарушилъ почтеніе къ должностнымъ лицамъ», пренебрегши обычаемъ читать свои рѣчи ³⁾. Однако онъ не оставилъ графическаго метода. Шово сообщаетъ намъ, что, несмотря на легкость, съ какою ему давалась импровизація, онъ писалъ большую часть своихъ рѣчей. Тѣ, кому пришлось бы его слышать, утверждали бы, что онъ говоритъ экспромтомъ. Изгибы этого симпатичнаго голоса, приостановки, паузы, измѣненія интонаціи, все, казалось, свидѣтельствовало объ импровизаціи ⁴⁾.

Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ выказалъ себя посредственнымъ писателемъ. «Фразы въ нихъ всегда разговорны, нѣсколько длинны, растянуты, облечены въ эпитеты и обнаруживаютъ на каждомъ шагу нѣкоторыя ораторскія привычки; слова не приобретаютъ подъ его перомъ точнаго, необходимаго значенія». Этотъ по-

¹⁾ Op. cit., p. 223.

²⁾ Цит. у Бернара. (De l'Aphasie, op. cit.) и у Олара, op. cit.

³⁾ Arréat. Mémoire et Imagination, p. 64.

⁴⁾ Aulard, op. cit.

¹⁾ De Cermenin. Op. cit., p. 337.

²⁾ Ibid., p. 296.

³⁾ Pinard. Op. cit., p. 115.

⁴⁾ Chauvot. Le Barreau de Bordeaux, p. 469.

слѣдній отзывъ Пинара, весьма, впрочемъ, справедливый, обнаруживаетъ тщетность возраженій упрямыхъ «графистовъ», утверждающихъ, что ихъ методъ снабжаетъ оратора точностью и вѣрностью выраженій. Тридцать лѣтъ постоянного примѣненія этого метода не могли привести даровитаго человѣка къ восхваленному ими результату.

Ленэ.

Независимо отъ роли, которую Ленэ игралъ въ послѣдніе годы первой имперіи, онъ былъ вмѣстѣ съ Гюаде, Равэ и Ферреромъ однимъ изъ свѣтилъ бордосской адвокатуры. У него почти исключительно были развиты ораторскія способности; стараясь съ ранней молодости какъ можно искуснѣе и удачнѣе выражать въ словахъ свои мысли, онъ отвелъ способности писать лишь второстепенное мѣсто ¹⁾.

Ферреръ.

Онъ былъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ адвокатовъ, какіе когда-либо существовали. «На слѣдующій день, по назначеніи дѣла, онъ открывалъ dossier и дѣлалъ замѣтки. Затѣмъ онъ собиралъ литературу: послѣ того начинался главный трудъ: обдумываніе. Его расположеніе духа омрачалось, а рѣчь съ нами, окружающими его, становилась отрывиста и суха; наши бесѣды, поддерживаемыя имъ во всякое другое время, прекращались. Мы говорили про себя: Филиппъ защищаетъ дѣло. Одинъ или два дня спустя, чело этого прекраснаго человѣка разглаживалось, онъ снова дѣлался веселъ и общителенъ, запирался въ своей спальнѣ, — второмъ кабинетѣ, наполненномъ книгами, — и тамъ, въ тишинѣ, писалъ свои великолѣпныя рѣчи» ²⁾.

Такимъ образомъ, Ферреръ не былъ чистымъ графистомъ. Его ораторское произведение было сочинено раньше, чѣмъ писалось, и онъ былъ обязанъ всѣмъ — одному лишь продолжительному обдумыванію.

Геннеканъ.

Въ своемъ нѣсколько ироническомъ трудѣ, Мюнье Жоланъ выразился, что классическая школа адвокатуры началась Кошаномъ, продолжалась Геннеканомъ и Аллу и закончилась Барбу. — Геннеканъ былъ, безъ сомнѣнія, признаннымъ представителемъ величественнаго жанра. Онъ всю свою жизнь придерживался «медленной и прилежной подготовки, которой не пренебрегалъ Кошанъ», и являлся въ судѣ не иначе, какъ съ замѣтками, полными подробностей, которымъ «почти всецѣло посвящалъ свои труды и свои мысли» ³⁾.

Беррье.

Великими ораторами всегда являются тѣ, которые наименѣе сообщали намъ о сокровенныхъ приемахъ своей композиціи, такъ какъ

¹⁾ Pinard. Op. cit., p. 89.

²⁾ Chauvot. Op. cit., p. 366.

³⁾ Pinard. Op. cit., p. 168.

почти всѣ они питали къ писанію отвращеніе, о которомъ я столько уже говорилъ. У Беррье это отвращеніе характерно. Не смотря на всѣ мольбы своихъ друзей, онъ всегда отказывался писать мемуары. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что причиной этому была не одна только скромность, такъ какъ онъ изъявлялъ готовность диктовать ихъ ¹⁾. Всѣ, слышавшіе его, единодушно заявляютъ, что невозможно представить себѣ по «холоднымъ строкамъ, которыя остались намъ», чѣмъ была произнесенная имъ рѣчь. Никто не сообщаетъ намъ, какимъ способомъ онъ подготовлялся. Говорилъ ли онъ свои рѣчи друзьямъ наканунѣ, какъ Верніо и Тьеръ, обдумывалъ ли онъ ихъ подобно Ферреру, или же писалъ ихъ въ умѣ, какъ Гортензій? Это никому неизвѣстно. Все, что мы можемъ предположить, это, что онъ былъ по преимуществу представителемъ словесно-двигательнаго типа, и что у него зачастую слова, дѣйствительно, предшествовали мысли ²⁾. Его молниеносныя отвѣты, какъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, такъ и въ политическихъ собраніяхъ, служатъ этому доказательствомъ. Однако, онъ не всегда могъ обойтись безъ предварительнаго обдумыванія. Невѣроятная неровность его дарованія, о которой свидѣлствуютъ современники, подтверждаетъ это. Бывали дни, когда наиболѣе свойственныя ему качества, казалось, покидали его. «Онъ ли это? Его рѣчь безжизненна; его, обыкновенно столь живая, одушевленная логика колеблется на каждомъ шагѣ; онъ беретъ факты, бросаетъ ихъ и снова беретъ, не рѣшаясь приступить къ дѣлу; приступивъ къ нему, все еще колеблется, — онъ самъ удивляется внушаемому имъ удивленію» ³⁾.

Что же касается неправоподобностей его стиля, то, быть можетъ, лучше было бы для его славы, еслибы многія изъ его рѣчей не были стенографированы. По выраженію одного изъ критиковъ, его краснорѣчіе нельзя разсматривать въ увеличительное стекло. Вотъ одна фраза Беррье, взятая изъ сотни подобныхъ же: «Допустимъ, что все съ ея стороны было произведено добросовѣстно, все же еще есть опасность, что могло случиться, что, возлѣ нея, члены административнаго совѣта, зная о громадныхъ предпріятіяхъ, производимыхъ отъ имени компаніи, дѣйствовали въ свою собственную пользу и пользовались выгодами повышенія и пониженія, могущими быть вызванными на биржѣ путемъ операцій, тайна которыхъ имъ неизвѣстна» ⁴⁾.

Рѣшительно, Жеррье, быть-можетъ, былъ правъ, не позволивъ печатать свои рѣчи.

Дюпанъ.

Дюпанъ старшій защищался, по крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, весьма энергично отъ упрека въ примѣненіи письменной подготовки къ своимъ рѣчамъ; онъ прямо зачислялъ себя въ категорію тѣхъ,

¹⁾ Charles de Lacombe. «La Jeunesse de Berryer».

²⁾ По свидѣтельству г-жи Жуберъ, его слуховая память была крайне развита и онъ стремился къ наслажденіямъ, которыя можетъ доставить слухъ. Онъ страстно любилъ музыку и ничего не понималъ въ живописи. (Цит. у Arréat, op. cit., p. 65).

³⁾ Pinard. Op. cit., p. 81.

⁴⁾ Berryer. «Plaidoyers», tome II, p. 410.

которые «мчатся въ бой, не теряя времени на то, чтобы отполировать свое оружіе», и о чьихъ рѣчахъ говорятъ, что онѣ плохо написаны, потому что никогда не были написаны ¹⁾. Корменанъ признаетъ въ немъ качества замѣчательнаго импровизатора, болѣе содержательнаго, чѣмъ Беррье ²⁾. Но слѣдуетъ прибавить, что никогда ни одинъ импровизаторъ не посвящалъ столько нощей обдумыванію своихъ ораторскихъ произведеній. Онъ являлся въ засѣданіе или на кафедру, «настолько уже владѣя предметомъ, что не опасался болѣе ничего». Равнымъ образомъ, когда онъ берется говорить, не обработавъ въ достаточной мѣрѣ своей темы,—какое разочарованіе для слушающихъ его! Онъ становится такъ же неровенъ, какъ Беррье: «слова застрѣваютъ въ пути. Какъ-онъ ни топаешь ногой о землю,—ничего не выходитъ» ³⁾. Какой урокъ для молодыхъ ораторовъ, воображающихъ, что можно разсчитывать на проблематическія выгоды божественнаго ораторскаго вдохновенія!

Филиппъ Дюпэнъ обладалъ тѣми же свойствами дарованія, какъ и его братъ. Тѣ же трудолюбивыя приготовленія и та же наружная легкость рѣчи на кафедрѣ. Онъ такъ же не разъ сожалѣлъ, что недостатокъ времени не позволяетъ ему на свободѣ обдумывать всѣ свои рѣчи, и онъ же, примѣняя въ другой формѣ изреченіе Полліона, выразился, что «еслибъ Цицерону и Демосфену приходилось такъ же часто говорить, какъ намъ, они не были бы ни Цицерономъ, ни Демосфеномъ» ⁴⁾.

Тьеръ.

Типъ словесно-двигательный. Въ большинствѣ случаевъ онъ подготавливался къ своимъ самымъ важнымъ рѣчамъ, не написавъ изъ нихъ ни слова; но раньше, чѣмъ показаться на кафедрѣ, онъ ихъ уже произносилъ три или четыре раза. Онъ предавался этому занятію въ своемъ салонѣ. Онъ завладѣвалъ однимъ изъ своихъ гостей и выпускалъ его, лишь выпаливъ весь свой фейерверкъ, заготовленный къ завтрашнему дню.

Корменанъ высказываетъ видимое удивленіе передъ этимъ бѣсовскимъ человѣкомъ, обдумывающимъ безъ усилія и творящимъ безъ усталости. «Мысль»,—говоритъ онъ, «такъ быстро зарождается въ этомъ мозгу, такъ быстро, что можно подумать, будто она является на свѣтъ раньше, чѣмъ была зачата. Его слова летятъ, какъ крылья колибри» ⁵⁾.

Викторъ Гюго.

Великій поэтъ не былъ ораторомъ, но, къ своему несчастью, никогда не хотѣлъ допустить этого. Принужденный писать свои рѣчи и учить ихъ наизусть, онъ, безъ сомнѣнія, находилъ это утомительнымъ и прекрасно сознавалъ громадное преимущество импровизаторовъ. Съ

¹⁾ Pinard. Op. cit., p. 332.

²⁾ De Cormenin. Op. cit.

³⁾ Pinard. Op. cit., p. 309.

⁴⁾ Le Berquier. Op. cit., p. 95.

⁵⁾ Le Livre des Orateurs, p. 536.

большой проникающей способностью постигъ онъ сущность импровизаціи. «Импровизація», писалъ онъ, «заключаетъ въ себѣ предварительное обдумываніе. Слѣдствіемъ обдумыванія является то, что, во время рѣчи, слова не являются произвольно—продолжительная работа мысли облегчаетъ непосредственное созрѣваніе выраженія. Импровизація не что иное, какъ внезапное и произвольное открытіе резервуара, называемаго мозгомъ; но нужно, чтобы этотъ резервуаръ былъ полонъ. Отъ полноты мысли зависитъ богатство рѣчи. Въ сущности, то, что вы импровизируете, кажется новымъ для слушателей, но старо для васъ. Говорить хорошо тотъ, кто расточаетъ размышленія цѣлаго дня, недѣли, мѣсяца, а иногда и цѣлой своей жизни въ рѣчи, которая длится часъ» ¹⁾!

Вы, быть можетъ, думаете, что великій писатель легко заключить изъ предыдущаго о необходимости для рѣчи мысленной подготовки и что, послѣ такой аргументаціи, ему остается лишь съ презрѣніемъ отвергнуть ораторскій графизмъ. Ничуть не бывало. Гюго, будучи самымъ необыкновеннымъ графистомъ, не могъ рѣшиться констатировать непригодность своихъ приемовъ для публичнаго краснорѣчія. Въ заключеніе, онъ приходитъ къ слѣдующему парадоксу: «Истиннымъ ораторомъ можетъ быть лишь тотъ, кто пишетъ свои рѣчи!» Слѣдуютъ примѣры Демосфена, Цицерона, Роайе-Колляра, Мирабо, Робеспьера и даже Дантона, котораго Викторъ Гюго довольно смѣло причисляетъ къ графистамъ. Затѣмъ, онъ ставитъ въ упрекъ импровизаціи то, что она слишкомъ захватываетъ оратора и побуждаетъ его къ полемическимъ крайностямъ, къ «кулачному бою» на трибунѣ. Къ довершенію всего, великій писатель очень внушительно и серьезно заявляетъ относительно себя самого, что онъ произносилъ въ собраніяхъ лишь импровизированныя рѣчи, если не считать предварительнаго обдумыванія! Разумѣется, мнѣ тяжело указывать на столь очевидное заблужденіе. Но Жербо уже доказалъ намъ, что великіе люди не были свободны отъ этой слабости. Достаточно прочесть любую изъ произнесенныхъ Гюго на трибунѣ рѣчей, чтобы безъ труда убѣдиться въ томъ, что онъ писалъ замѣчательно.

Лапо.

Мы имѣемъ счастье обладать психологіей Лапо, написанной рукой Гамбетты ²⁾. Вотъ одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ этой статьи, доказывающее, что Гамбетта могъ бы стать столь же хорошимъ писателемъ, какъ и краснорѣчивымъ ораторомъ... если бы у него было время писать.

«Сущность таланта Лапо заключается въ томъ, что онъ сразу проникаетъ въ обстоятельства процесса... Взгляните, вотъ онъ сидитъ на своей скамьѣ. Въ то время, какъ говоритъ прокуроръ, онъ съ напряженнымъ слухомъ и спокойнымъ взглядомъ принимаетъ и считаетъ всѣ удары, только лихорадочнымъ движеніемъ руки изрѣзывая перо-

¹⁾ Actes et Paroles. «Le Droit et la Loi».

²⁾ Journal «La Cour d'assises», 10 mai 1862. Cité par Sangnier, éditeur des «Oeuvres de Lachaud», t. II, p. 411.

чиннымъ ножомъ попавшееся ему подъ руку перо; сейчасъ онъ возвратитъ ихъ съ лихвой геніальности. Сейчасъ разразится его величайшая сила: возбужденная пыломъ битвы великолѣпная рѣчь. Здѣсь, во время засѣданія, онъ создаетъ, сочиняетъ, отдѣливаетъ и даетъ жизнь своимъ произведеніямъ. Онъ не стѣсненъ никакимъ воспоминаніемъ; въ его рѣчи нѣтъ ничего приготовленнаго, подтасованнаго—нѣтъ и помину о какихъ-либо запискахъ! Развѣ великая фея вдохновенія не къ его услугамъ? Его умъ нисколько не отягощенъ предварительнымъ творчествомъ,—онъ только *обдумывалъ*, но не *подготавлился*; онъ думалъ,—вотъ и все!

Но не слѣдуетъ воображать, вѣря на слово Гамбеттѣ, что подготовка Лапо совершалась такъ быстро. Въ дѣйствительности знаменитый адвокатъ начиналъ процессъ обдумыванія за нѣсколько дней до засѣданія и никогда не являлся передъ судомъ, не овладѣвъ вполне своимъ предметомъ ¹⁾. Можно лишь утверждать, что ни въ какомъ случаѣ онъ не прибѣгалъ ни къ малѣйшей письменной подготовкѣ. Онъ ограничивался нѣсколькими замѣтками, скорѣе припоминавшими ему важные факты, чѣмъ планъ трактуемаго предмета. Онъ настолько пренебрегалъ писаніемъ, что его прекраснѣйшія рѣчи утеряны для насъ.

Гамбетта.

Безспорно, что и Гамбетта тоже никогда не прибѣгалъ къ письменной подготовкѣ ²⁾. Когда вышелъ въ свѣтъ романъ «Нума Руместанъ», возникло убѣжденіе, что Додэ, часто бывавшій у Гамбетты, хотѣлъ его выставить въ каррикатурномъ видѣ, и романистъ долженъ былъ защищаться противъ этого обвиненія. Вѣрно то, что приведенный выше отрывокъ изъ романа Додэ прекрасно можетъ быть примѣненъ къ Гамбеттѣ, какъ онъ примѣнимъ и ко всѣмъ представителямъ словесно-двигательнаго типа. Но если многимъ дано думать и говорить въ одно и то же время, то лишь немногіе привилегированные обладаютъ тѣмъ замѣчательнымъ даромъ усвоенія, которымъ отличался Гамбетта. Къ услугамъ этого образцоваго государственнаго человѣка была чудесная память и въ своихъ рѣчахъ онъ пользовался такимъ запасомъ фактовъ, что въ настоящемъ вѣкѣ лишь громадный мозговой аппаратъ Наполеона I можетъ быть сравниваемъ съ его умомъ. Поэтому, меня очень удивило заявленіе въ одномъ изъ новѣйшихъ трудовъ Arréat ³⁾, противорѣчащее свидѣтельству всѣхъ современниковъ, будто «подъ блескомъ преобладающей способности Гамбетты можно было угадать поверхностную подготовку къ дѣлу». Повидимому, Arréat, подобно многимъ другимъ, находится подъ вліяніемъ мысли, что великій ораторъ можетъ обойтись съ посредственными знаніями,

¹⁾ Jules Jolly, Discours de rentrée, 1894.

²⁾ Сохранился планъ знаменитой рѣчи, произнесенной Гамбеттой въ Греноблѣ, 26 сентября 1872 г., рѣчи, перечисляющей реформы, предстоящія къ выполненію въ различныхъ областяхъ. Въ этомъ планѣ всего на всего *восемь* или *десять* словъ, разбѣянныхъ на листѣ бумаги и соответствующихъ различнымъ порядкамъ трактуемыхъ предметовъ, такъ напр.: война, флотъ, правосудіе и т. д.

³⁾ Mémoire et imagination, p. 95.

разъ онъ обладаетъ внѣшнимъ блескомъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе. Если тѣ изъ знаменитыхъ ораторовъ, которые дѣйствительно оказывали вліяніе на убѣжденіе толпы, и не были никогда «изобрѣтателями», «творцами», то всѣ они нуждались въ огромномъ запасѣ свѣдѣній. Пусть, если угодно, щепетильность ставитъ имъ въ упрекъ (я давно ужъ пошелъ на эти уступки) встрѣчающіяся у нихъ банальности, пошлости, общія мѣста и даже тривіальности: пусть будетъ такъ. Я уже сказалъ и не стану больше повторять: это ораторскія качества. Но никогда я не позволю поставить имъ въ упрекъ невѣжество или «неинтеллигентность», употребляя модный варваризмъ! Уже Эггеръ формулировалъ въ другихъ выраженіяхъ отзывъ Arréat ¹⁾. Вѣдь рѣшился же онъ сравнить ораторовъ съ комедіантами и назвать ихъ «мало мыслящими» людьми. Между тѣмъ, великіе ораторы всѣ, по преимуществу, были великими мыслителями. Подобныя замѣчанія лишь доказываютъ несостоятельность старой психологіи «самонаблюденія». Со стороны же Arréat, какъ выдающагося неопсихолога, они, по меньшей мѣрѣ, странны.

Въ концѣ концовъ, Гамбетта, что бы тамъ ни говорили, соединялъ въ себѣ талантъ Тьера, приѣмами котораго онъ пользовался, съ геніемъ Беррье, на котораго онъ походилъ выполненіемъ.

Леонъ Дюваль.

Мюнье-Жолень въ отлично написанной статьѣ изобразилъ ораторскіе приѣмы этого знаменитаго адвоката, по преимуществу принадлежавшаго къ «графическому» типу ²⁾.

Леонъ Дюваль вносилъ столько старанія въ составленіе своихъ рѣчей, что онъ, безъ сомнѣнія, не могъ ихъ часто говорить. Сначала онъ отправлялся въ бібліотеку. «Онъ работалъ тамъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, вынулъ изъ снабженныхъ надписями бумагъ требуемую рѣчь, старательно завернутую въ пергаментную обертку. Онъ оставался съ нею вполнѣ наединѣ, вычеркивая, отмѣчая, приписывая... Часто можно было наблюдать также, какъ онъ останавливался, поспѣшно подходилъ къ столу публичнаго писца (тогда еще таковыя существовали въ судѣ) и, не говоря ни слова, завладевалъ перомъ, которое затѣмъ, не благодаря, клалъ на мѣсто... Въ результатѣ этихъ долгихъ приготовленій являлась рѣдка и, если не считать недостатка теплоты, превосходная рѣчь. Всѣ слова въ ней были опредѣленны и каждое было на своемъ мѣстѣ. Онъ никогда не училъ наизусть, — этотъ низшаго сорта приѣмъ былъ бы недостойнъ его таланта. Но онъ такъ сживался съ каждой изъ своихъ фразъ, онъ такъ долго ее лелѣлъ, что мысленно *видѣлъ* *всѣ ея мелкія черты, до знаковъ препинанія включительно, указывающихъ распределение паузъ*». Леонъ Дюваль въ психологическомъ отношеніи имѣлъ много общаго съ Геро де-Сешелемъ. Вѣроятно, если бы ему было извѣстно это обстоятельство, онъ имъ бы былъ не особенно польщенъ, такъ какъ недолюбливалъ революціонеровъ и считалъ Дюфора и Жюля Фавра экзальтированными политиками.

¹⁾ Egger. Op. cit., p. 82.

²⁾ La Revue polit. et litt., 1889, 1 sem., p. 342.

ПРОФЕССОРА И ДОКЛАДЧИКИ.

Огюсть Контъ.

Литтра, которого ортодоксальные позитивисты съ настойчивостью презрительно называютъ «лексикографомъ», несмотря на то, что онъ, быть можетъ, обладалъ не меньшимъ философскимъ гениемъ, чѣмъ Пьеръ Лафиттъ, оставилъ намъ интересныя подробности о мыслительномъ процессѣ Огюста Конта. «Онъ обдумывалъ свой предметъ, никогда ничего не записывая... По окончаніи этого труда, онъ говорилъ, что его книга готова. Его памяти хватало на все,—никогда ни одно слово не было занесено на бумагу. Такимъ образомъ, въ 1826 году онъ, въ умѣ, не написавъ ни строчки, составилъ предполагаемый курсъ лекцій, обнимающій всю позитивную философію, въ ея первой разработкѣ, въ то время, какъ она требовала больше всего труда. Когда разработка достигала степени зрѣлости, должна была начинаться композиція. Его произведеніе должно было явиться на свѣтъ; оно отягощало его мозгъ; оно стремилось вырваться оттуда, и онъ больше не владѣлъ охватившимъ его вдохновеніемъ»¹⁾.

Лакассанъ.

Отъ мертвыхъ перейдемъ къ живымъ. Лучше всего начать эту новую краткую серію съ знаменитаго профессора медицинскаго факультета въ Лионѣ. Я извлекаю слѣдующія строки изъ одного его самонаблюдения, опубликованнаго докторомъ Сень-Полемъ²⁾. «Читая лекцію, я становлюсь иногда жертвой весьма тягостнаго раздвоенія личности. Я говорю и въ то же время чувствую въ себѣ критика, который осуждаетъ, провѣряетъ всѣ мои слова и не позволяетъ мнѣ подвигаться, вполне отдаться рѣчи, какъ бы мнѣ того хотѣлось... Я всегда въ достаточной точности подготавливаю вступленія и заключенія моихъ лекцій. Въ срединѣ рѣчи разсужденія слѣдуютъ сами собой, и опасность не такъ велика: одно слово влечетъ за собой другое, одна мысль вызываетъ другую,—въ эти минуты, мнѣ кажется, я становлюсь немного «Руместаномъ». Мнѣ достаточно мѣстами нѣсколькихъ отмѣтокъ, занесенныхъ на бумагѣ. Напротивъ того, словеснымъ упражненіемъ я запоминаю съ точностью; благодаря артикуляціоннымъ воспоминаніямъ, я сохраняю въ памяти начало и конецъ моихъ рѣчей». Въ другомъ мѣстѣ Лакассанъ заявляетъ, что онъ хорошо запоминаетъ лишь то, что обдумалъ, а готовясь къ курсу, онъ произноситъ лекцію сначала вполголоса или даже совсѣмъ громко. «Къ концу недѣли», говоритъ онъ—«она вполне мной усвоена, и я могу выступить передъ публикой».

Ученый профессоръ былъ однимъ изъ психологовъ, наиболѣе удачно анализировавшихъ раздвоеніе личности, такъ часто встрѣчающееся у

публичныхъ ораторовъ. Однако, уже Каро указалъ на эту особенность. «Есть что-то странное», писалъ онъ въ 1882 г., «въ ораторѣ, безустанно подготовляющемъ продолженіе своей рѣчи, въ то время, какъ кажется, что онъ всецѣло занятъ своей настоящей рѣчью. Двѣ рѣчи одновременно, — вотъ одна изъ тайнъ импровизаціи»¹⁾. Я долженъ признаться, что внутренняя личность, обнаруживающаяся въ Лакассанѣ, не только не облегчаетъ для него импровизаціи, но, на мой взглядъ, является очень неудобной помѣхой.

Жильберъ Баллэ.

«Мнѣ», пишетъ Баллэ, «нѣтъ никакой надобности готовить лекцію въ подробностяхъ; лучше всего составить ее въ общихъ чертахъ и главныхъ подраздѣленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу (развѣ только, разумѣется, путемъ долгаго упражненія) мысленно читать мою лекцію въ то время, когда я ее произношу. Но, принадлежа къ двигательному типу (словесному), я достаточно ясно припоминаю ее, послѣ того, какъ произнесу. Мои артикуляціонныя представленія повторяютъ ее мнѣ, и я легко могъ бы ее воспроизвести, съ большей даже непринужденностью, чѣмъ когда говорилъ въ первый разъ»²⁾.

Дюга.

«Относительно себя я замѣтилъ, что мнѣ всегда не удается лекція, которую я только что подготовилъ; меня стѣсняетъ самое обиліе воспоминаній; по удачному латинскому выраженію, я ихъ не удерживаю (*teneo memoria*), мнѣ не удается ихъ распредѣлить, у меня являются частыя повторенія и странная забывчивость, моя рѣчь многословна, но неисчерпывающа. Напротивъ того, чѣмъ болѣе я довѣряю своей памяти, тѣмъ болѣе она къ моимъ услугамъ: если мнѣ случается касаться вопроса, который я знаю, но о которомъ думать у меня не было времени въ теченіе года или больше, я съ удовольствіемъ вижу, что мои воспоминанія неприкосновенны, вѣрны, точны и даже обильны. Я никогда такъ не подвергаюсь опасности запнуться, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалъ полученъ моей памятью недавно и еще плохо переработанъ (слѣдовательно, у меня не адвокатская память). Я болѣе всего увѣренъ въ своихъ воспоминаніяхъ тогда, когда они какъ будто отделились отъ меня, но въ сущности усвоились (см. о Лакассанѣ) и упорядочились... Такимъ образомъ, отъ степени организованности памяти зависятъ дѣйствительныя ея качества»³⁾. Пытаться перефразировать этотъ столь точный анализъ было бы несправедливостью по отношенію къ нему.

Легувэ.

Это—одинъ изъ наиболѣе выраженныхъ представителей графическаго типа. Францискъ Сарсэ открылъ поклонникамъ Легувэ то не-

¹⁾ *Litté, Auguste Comte et la Philosophie positive*, pp. 251 et 252.

²⁾ *Op. cit.* p. 116, 117.

¹⁾ *La Revue polit. et litt.*, 1882, II, 107.

²⁾ *Op. cit.*, p. 53.

³⁾ *La Revue philosophique*, nov. 1894.

обыкновенное обстоятельство, что этот докладчик академич своей непогрешимостью был обязан памяти.

«Эрнесту Легувэ ничего не предоставляло импровизации. Онъ съ необыкновеннымъ стараніемъ писалъ свой докладъ съ начала до конца и, по окончаніи этого перваго труда, просилъ свою жену, дѣтей, кого-нибудь изъ своихъ друзей прослушать его. Онъ образовывалъ себѣ публику и слѣдилъ за впечатлѣніемъ, производимымъ на его благосклонныхъ слушателей по выраженію ихъ лицъ. Всякая подробность, которая, казалось, ихъ утомляла, всякая острота, не вызвавшая ихъ улыбки, — была немилосердно вычеркиваема. «То, что выпускается, никогда не бываетъ освистано», говорилъ Скрибъ... Разъ составивъ, съ одобрения своей семьи, докладъ, и обладая текстомъ, написаннымъ *ne varietur*, онъ брался за другую работу, не менѣе копогтивную: упражнялся въ произношеніи его. Учасъ произносить текстъ, онъ укрѣплялъ его въ своей памяти. Легувэ оставилъ небольшое количество докладовъ; всѣ они — образцовыя произведенія. Я припоминаю, какъ однажды, встрѣтивъ меня за кулисами, передъ своимъ выходомъ на сцену, онъ сказалъ мнѣ, полусмѣясь, полусерьезно:

— Чего вы пришли? Вы уже слышали это два раза.

— Да, отвѣтилъ я ему, — но я пошелъ бы десять разъ слушать «Венеціанскій карнавалъ» въ исполненіи Паганини»¹⁾.

Если бы Легувэ снабдить въ десять разъ большимъ талантомъ, изъ него все же никогда не вышелъ бы ораторъ.

Это самый плачевный примѣръ изъ всѣхъ, какіе можно представить начинающему оратору. Значитъ ли это, что такой типъ не встрѣчается въ средѣ лицъ, привыкшихъ говорить публично? Нѣтъ, къ несчастью — прежде всего для нихъ, а затѣмъ и для публики. Я читалъ недавно статью Тиссье²⁾, который говоритъ объ «одномъ изъ своихъ друзей, выдающемся ораторѣ, заучивающемъ свои рѣчи слово въ слово». Онъ прибавляетъ, и это для меня нисколько не удивительно, что его другъ такъ утомляется этой работой памяти, что бьетъ ею положительно разбитъ.

Францискъ Сарсэ.

Я оставилъ Сарсэ, наконецъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ далъ намъ относительно психологіи рѣчи одинъ изъ самыхъ точныхъ анализовъ, а во-вторыхъ, потому, что приемы, которыми онъ насъ учитъ, кажутся мнѣ наиболѣе разумными, легкими и вѣрными. Я не излагаю здѣсь своего наблюденія, а представляю модель.

Подобно Монтэню, Сарсэ съ самаго начала заявляетъ намъ попросту, что у него *нѣтъ памяти*³⁾. Но пусть это васъ не вводитъ въ заблужденіе. Это значитъ только, что онъ не можетъ учить наизусть. Въ сущности же каждому извѣстно, что онъ пользуется са-

мымъ невѣроятнымъ запасомъ воспоминаній, какой только можетъ удержаться въ человѣческомъ мозгу. Не ждите также услышать отъ него какую-нибудь нелѣпость по поводу ораторскаго вдохновенія. Ораторское вдохновеніе! Онъ не вѣритъ больше этой шуткѣ, послѣ одной непріятности, случившейся съ нимъ въ зимнемъ циркѣ, въ несчастный день, когда добрая богиня безцеремонно бросила его на произволъ судьбы. И вотъ, со своимъ тонкимъ добродушіемъ, Сарсэ заявляетъ¹⁾, что изъ фонтана бьетъ лишь та вода, которая въ него влита, и что, какъ ни поворачиваешь кранъ импровизации, «если фонтанъ пустъ, изъ него, кромѣ воздуха, ничего не выйдетъ».

Ознакомьтесь теперь со способомъ подготовки:

«*Не пишите никогда рѣчей*; я прибавлю даже: не приносите съ собою замѣтокъ. Помните, что публика это — тысячеглавое чудовище, которое вы можете укротить, только все время глядя ему прямо въ глаза. *Не цитируйте никогда или же дѣлайте это на память*: если вы исказите автора, то тѣмъ хуже для него. Владѣя, хотя бы въ общихъ чертахъ, всѣми идеями, изъ которыхъ будетъ состоять ваша рѣчь, никогда не имѣйте неосторожности сѣсть къ письменному столу съ перомъ въ рукахъ! Отправьтесь въ садъ, или на какую-нибудь уединенную улицу, или въ какую-нибудь комнату въ вашемъ домѣ, болѣе обширную, чѣмъ другая. Хорошо подготовиться можно только гуляя. Всѣ темы вашего разсужденія хранятся въ вашей памяти: возьмите одну изъ нихъ. Постарайтесь импровизировать на нее. Не смущайтесь плохо составленными фразами или несоотвѣствующими словами, идите своимъ путемъ; развивайте до конца вашу тему и потомъ снова возобновляйте упражненіе, возобновляйте его безъ усталости, три, четыре и десять разъ. Сначала вамъ будетъ нѣсколько трудно, разсужденіе будетъ кратко и художнично, мало по малу вокругъ главной темы сгруппируются или побочныя темы, или доказательства. Не нужно никогда ничего знать наизусть. Къ чему ведетъ предлагаемое мною вамъ упражненіе? Чтобы подготовить себѣ просторную и обильную почву оборотовъ и словъ относительно вопроса, о которомъ вы должны говорить».

Вотъ драгоценныя совѣты! Каждый изъ нихъ является прямымъ подтвержденіемъ тѣхъ теорій о рѣчи и памяти, которыя я изложилъ въ самомъ началѣ этого сочиненія. Я могу лишь сдѣлать оговорку касательно формулы: «не смущайтесь плохо составленными фразами». Я сказалъ, напротивъ, и представилъ къ тому основанія, что не слѣдуетъ ни къ чему относиться небрежно, при первыхъ же попыткахъ рѣчи. Нужно избѣгать въ мысленной подготовкѣ шаткости выраженій, проникаясь убѣжденіемъ, что разъ допущенное неточное слово укрѣпится въ памяти, вытѣсняя собой болѣе точное. Я признаю, разумѣется, что съ одного разу нельзя отыскать всѣ изгибы рѣчи. Тѣмъ не менѣе, полезно постоянно слѣдить за грамматическимъ построениемъ думаемыхъ фразъ и свойствомъ выраженій.

¹⁾ *Francisque Sarcey. Souvenirs d'âge mûr*, p. 106.

²⁾ *Revue Scientifique*, 20 octobre, 1894.

³⁾ *Op. cit.*, p. 79.

¹⁾ *Ibid.*, p. 89.

ГЛАВА VII.

Результаты личных исследований.

I.

Съ того дня, какъ я поставилъ себя задачей изученіе психологій ораторовъ, я силился собрать для своей темы подлинныя свидѣтельства. Рибо, Лакассанъ и Бинэ ввели въ моду психологическія изслѣдованія. Я вдохновился ихъ примѣромъ и старался «интервьюировать» многихъ адвокатовъ, политиковъ, профессоровъ и докладчиковъ, чтобы ознакомиться съ употребляемыми ими приемами. Увы, мнѣ приходится не безъ грусти сознаться, что я не добился того результата, котораго считалъ себя въ правѣ ожидать! Бинэ, не помню въ которомъ изъ своихъ трудовъ, весьма основательно предостерегалъ любителей психологій отъ излишней самонадѣянности. Тогда какъ въ Англіи, Германіи и Италіи психологическіе допросы пользуются большимъ успѣхомъ, если они производятся добросовѣстнымъ изыскателемъ, какъ бы онъ скромнѣе ни былъ, во Франціи самымъ извѣстнымъ ученымъ съ большимъ трудомъ удается сорвать, отъ времени до времени, нѣсколько жалкихъ отвѣтовъ.

Какъ могъ бы скромный любитель успѣть въ предпріятіи, не всегда удававшемся заслуженнымъ авторитетамъ?

Я, тѣмъ не менѣе, не палъ духомъ. Благодаря драгоценнымъ дружескимъ отношеніямъ, которыя я имѣлъ счастье приобрести во время моего пребыванія въ парижской адвокатурѣ, я могъ собрать данныя, хотя и не столь многочисленныя, какъ бы мнѣ того хотѣлось, но по качеству весьма замѣчательныя. Я выражаю искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ, кому угодно было заинтересоваться моими скромными трудами. Что же касается тѣхъ, которые мнѣ не отвѣтили, то, если эти строки случайно попадутся имъ на глаза, я очень прошу ихъ вѣрить, что во мнѣ не сохранилось къ нимъ ни малѣйшаго чувства горечи. Я не оскорблю ихъ мыслью, что причиной ихъ молчанія была недостаточная извѣстность моего имени. Я прекрасно объясняю себя ихъ побужденія. Прежде всего, слѣдуетъ признать, что психологическое наблюденіе не всякому доступно. Люди съ весьма выдающимися умственными способностями пасуютъ передъ этой задачей. Перечитайте большинство психологическихъ изслѣдованій, изданныхъ донинѣ учеными специалистами Ліонской школы: вы увидите, что самые замѣчательные писатели отвѣчали «невыпадать». Одинъ изъ моихъ друзей, человекъ весьма замѣтный въ настоящее время въ политикѣ (это одинъ изъ самыхъ могучихъ ораторовъ, какими обладаетъ французская трибуна), чистосердечно заявилъ мнѣ, что онъ «не довѣряетъ себѣ настолько, чтобы рѣшиться на такое щекотливое изслѣдованіе»; другіе утверждали, что они никогда не думали объ этихъ вещахъ; иные опять же говорили, что это «крайне тягостный трудъ, отъ котораго они умоляютъ меня избавить ихъ». Я слишкомъ хорошо знаю авторовъ этихъ отвѣтовъ, чтобы не быть убѣжденнымъ въ ихъ доброй волѣ и чистосердечіи. Испытываемое

ими ощущеніе я самъ испыталъ, когда меня заставили выдержать первый психологическій допросъ. Задаваемые вамъ вопросы кажутся чрезвычайно важными: вы чувствуете себя, какъ передъ исповѣдью. И кто же исповѣдникъ? Нахаль самого сквернаго пошиба, открыто признающійся въ своемъ намѣреніи разоблачить публикѣ «состояніе вашей души», въ формѣ ли доклада, или же въ формѣ брошюры. Пусть этотъ нахаль сколько угодно общается бытъ нѣмымъ, какъ могла, развѣ не остается еще опасенія невольно стать въ смѣшное положеніе, отвѣтить невпопадъ о малоизвѣстномъ предметѣ, подвергнуться критикѣ изслѣдователя или его друзей?

По моему, все это результатъ нѣкотораго недоразумѣнія: люди, давно интересующіеся психологическими вопросами, напрасно заявляютъ, при всякомъ случаѣ, что новѣйшія открытія въ механизмѣ мысли сдѣлались общезвѣстными и банальными. Въ дѣйствительности, посвященныхъ, даже въ медицинскомъ мірѣ, не такъ много, какъ это говорить, а для наиболѣе тонкихъ ученыхъ изъ числа непосвященныхъ психологія всегда остается «посторонней наукой», областью, отведенной для специалистовъ. Когда у насъ поймутъ, что знаніе новѣйшей психологій необходимо, съ практической точки зрѣнія, что въ ней нѣтъ ничего отталкивающаго, что она представляетъ громадную важность для педагогій, что она постоянно можетъ способствовать открытію, руководству и усовершенствованію «призыванія», не считая ужъ другихъ ея преимуществъ, тогда, быть можетъ, начнутъ устраивать всюду понемногу, какъ это дѣлается въ Германіи, мѣстныя общества для психологическихъ изслѣдованій. Но пока эти понятія не вкоренятся, слѣдуетъ ожидать, что наиболѣе интеллигентные люди будутъ смотрѣть на психологическіе вопросные листы, какъ на нѣчто необыкновенное, нѣсколько глупое и ужъ, безъ сомнѣнія, крайне скучное.

II.

Вотъ приблизительно мысли, руководившія мной при составленіи вопросовъ, отвѣты на которые, по-моему, должны были послужить основаніемъ для моего труда. Я хотѣлъ прежде всего, въ ясныхъ и краткихъ по возможности словахъ, резюмировать то, что относится къ предмету моихъ занятій въ уже извѣстныхъ вопросныхъ листахъ, въ особенности въ составленномъ Лакассанемъ и представляющимъ собой образецъ своего рода. Вотъ этотъ предварительный вопросный листъ.

Мышленіе.

Къ какой категоріи установленныхъ Шарко *типовъ* вы принадлежите?

1) Къ словесно-слуховому? То есть, не слышите ли вы, въ то время какъ думаете, внутренняго голоса, который подсказываетъ вамъ слова «приходящія вамъ на умъ»? (типъ Эгжера).

2) Къ словесно-двигательному? Не сопровождаютъ ли или даже какъ бы не предшествуютъ ли у васъ слова мысли? Можете ли вы думать, не сознавая при этомъ усилія, дѣлаемаго вами для того, чтобы

произнести мыслимые слова? Не всегда ли у вас слова, как говорится, «на концы языка»? (Тип Штрикера).

3) Къ словесно-зрительному типу? Думая, не видите ли слова написанными или печатными? Не читаете ли вы внутренне вашей мысли? (тип Шарма).

4) Быть может, вы соединяете нѣсколько изъ описанныхъ здѣсь приѣмовъ? Не принадлежите ли вы заразъ и къ слуховому и двигательному типамъ, или къ зрительному и двигательному? Принадлежите ли вы къ безразличнымъ? (типъ Тэна).

Моя цѣль очевидна: я хотѣлъ начертить подраздѣленіе классическихъ типовъ такъ, чтобы быть всѣмъ понятнымъ. Я съ намѣреніемъ пропустилъ двигательно-графическій типъ, во-первыхъ, потому, что его довольно трудно опредѣлить, во-вторыхъ, потому, что дальнѣйшее допрашиваніе должно было въ достаточной мѣрѣ привести къ его открытію.

Я назвалъ этотъ предварительный отдѣлъ «мышленія», избѣгая упоминать о внутренней рѣчи, для большого удобства непосвященныхъ.

Затѣмъ нужно было поставить нѣсколько вопросовъ относительно памяти. Легко понять, что еслибъ я съ мѣста въ карьеръ задалъ моимъ «собесѣдникамъ» вопросы, основанные на ученѣмъ подраздѣленіи Дюга, я рисковалъ бы привести ихъ въ замѣшательство. Съ моей стороны, было бы неразумительно спросить ихъ: «какого вы мнѣнія о вашей врожденной памяти?» и «какого вы мнѣнія о вашей организованной памяти»? Я просто старался приблизиться къ общепотребительной рѣчи и такимъ образомъ резюмировалъ этотъ отдѣлъ вопросовъ.

Разсудочная память.

5) Хорошо или плохо вы запоминаете слова? Къ какому особому приѣму прибѣгаете вы, желая заучить на память?

А. Должны-ли вы *громко* читать?

В. Принуждены ли вы шевелить губами, произнося мысленно или шепотомъ заучиваемый урокъ?

С. Или для васъ достаточно, пристально вглядываясь въ слова, какъ бы фотографировать ихъ въ своемъ умѣ?

6) Можете ли вы описать, что происходитъ въ вашемъ умѣ въ то время, какъ вы говорите?

Повторяете ли вы слова, подсказанныя вамъ внутреннимъ голосомъ?

Произносите ли вы ихъ самопроизвольно, не сознавая никакой внутренней, предварительной работы?

Читаете ли вы ихъ мысленно?

Или употребляете другіе приѣмы?

Приступая теперь къ сущности задачи, я счелъ нужнымъ обозначить разницу между обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ и публичной рѣчью. Для того, чтобы провести разницу между ораторами, я опирался на проникательное наблюденіе Монтэня, приведенное въ другомъ мѣстѣ этого труда. Я различалъ между ними «медлительныхъ» и «быстрыхъ».

7) А. Принадлежите ли вы къ категоріи тѣхъ людей, которые съ трудомъ находятъ слова? У которыхъ слово срывается послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго раздумья?

Стараетесь ли вы убѣдиться въ грамматической правильности вашей фразы раньше, чѣмъ произнести ее?

Какая умственная работа предшествуетъ у васъ словесному выраженію? Слуховая или зрительная?

8) В. Принадлежите ли вы къ категоріи тѣхъ, которыхъ Монтэнь такъ прекрасно описалъ, говоря, что ихъ рѣчь походитъ на «воду, которая, благодаря своей быстротѣ, напору и обилію, не можетъ найти выходъ въ открытый узкій каналъ»? Тѣснятся ли у васъ слова къ выходу?

9) Говорите ли вы какъ бы по самопроизвольному вдохновенію?

Доходитъ ли эта самопроизвольность до такой степени, до какой довелъ ее Додэ въ лицѣ Нумы Руместана?

Этотъ послѣдній вопросъ служитъ естественнымъ переходомъ къ публичному краснорѣчію, такъ какъ для «Руместановъ» обыкновенная рѣчь мало чѣмъ отличается отъ публичной.

Теперь наступаетъ существенная часть вопросовъ.

Публичное краснорѣчіе.

10) Какъ вы готовитесь къ рѣчи, лекціи, докладу или зачитѣ?

Причисляете ли вы себя къ такъ называемымъ «импровизаторамъ»? Можете ли вы хорошо говорить о мало извѣстномъ предметѣ, безо всякаго приготовленія?

11) Ограничивается ли ваша подготовка простымъ обдумываніемъ предмета? Если такъ, то какимъ образомъ вы думаете? Громко произнося вашу рѣчь, пополняя въ то же время постепенно мысли, въ началѣ не ясныя? (Типъ Сарса).

Говорите ли вы мысленно (типъ Штрикера) или пишете мысленно?

12) С. Принадлежите ли вы къ категоріи тѣхъ, которые могутъ думать лишь съ *перомъ въ рукѣ*?

Заучиваете ли вы на память то, что написано? (типъ Легува).

Разъ написавъ, произносите ли вы ваше произведеніе, не заучивая его на память?

13) Быть можетъ, вы нѣсколько разъ пишете ваше произведеніе, каждый разъ уничтожая оконченную рукопись? (типъ Жюль Фавра). Какой осадокъ остается при этомъ методѣ въ вашемъ умѣ? Происходитъ ли, во время произнесенія рѣчи, нѣчто вродѣ слитія различныхъ варіантовъ одной и той же фразы, слитія, подобнаго гальтовскимъ приѣмамъ фотографическаго воспроизведенія родового типа?

14) Въ то время какъ вы говорите, читаете ли вы мысленно написанное вами?

15) Полагаете ли вы, что письменная подготовка вамъ облегчила, въ концѣ концовъ, «способность импровизировать»?

16) Пользуетесь ли вы при составленіи рѣчей приѣмами, которые не входятъ въ перечисленные здѣсь категоріи?

17) Какое ваше мнѣніе о безсознательной работѣ въ подготовкѣ къ публичной рѣчи? Случается ли вамъ набросать ее наканунѣ и найти ее вполнѣ готовой въ вашемъ умѣ на слѣдующій день?

Синтетическіе выводы?

Частныя наблюденія?

Всякій интеллигентный человѣкъ можетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, за исключеніемъ № 13, требующаго нѣкоторыхъ психологическихъ знаній. Если кому-либо изъ читателей угодно будетъ заинтересоваться этимъ трудомъ, я буду ему очень благодаренъ за сообщеніе мнѣ, когда ему это заблагоразсудится, отвѣтовъ на выше перечисленные вопросы. Въ какое бы время эти отвѣты ни дошли до меня, они всегда будутъ для меня цѣннымъ приобрѣтеніемъ ¹⁾.

Большинство моихъ корреспондентовъ просило меня, по весьма достойнымъ уваженіямъ основаніямъ, не разглашать ихъ имени. Чтобы избѣгнуть всякаго рода упрековъ въ этомъ отношеніи, я не буду называть даже тѣхъ, которые мнѣ не запретили этого. Я вообще ограничусь тѣмъ, что буду отличать писавшихъ по ихъ инициаламъ, если мнѣ это будетъ позволено, или же, попросту, по ихъ званію или профессіи ²⁾.

III.

Г. А. (докладчикъ).

«Я обдумываю свои доклады, произнося ихъ вполголоса, а иногда мысленно. Я никогда не пишу даже письма, не составивъ его предварительно въ умѣ. Обыкновенно я заучиваю на память первыя четыре фразы, не по причинѣ трудности выраженія, а по причинѣ тревоги, овладѣвающей мной въ присутствіи публики» ³⁾.

А. думаетъ, что письменная подготовка придаетъ увѣренность и что, по этому самому, она увеличиваетъ способность къ импровизаціи, которая, по его мнѣнію, является вопросомъ смѣлости. Въ обыкновенномъ разговорѣ онъ заботится о грамматической правильности фразъ.

Онъ можетъ учить наизусть, лишь прибѣгая къ врожденной памяти: «онъ долженъ произносить слова тихо или громко, но *машинально*».

А... заявляетъ, что не даетъ себѣ вполнѣ отчета, къ какому типу онъ принадлежитъ, но признаетъ, что при сочиненіи стиховъ (онъ выдающійся поэтъ) ему случалось находить ихъ вполнѣ готовыми въ своемъ умѣ такъ, какъ будто кто-нибудь ихъ ему подсказывалъ. Но это рѣдко случается. Помимо этого наблюденія, онъ никогда не замѣчалъ въ себѣ безсознательной работы.

¹⁾ Достаточно, разумеется, обозначить передъ отвѣтомъ номеръ вопроса.

²⁾ Я долженъ былъ сократить десятка два отвѣтовъ, слишкомъ неопредѣленныхъ или слишкомъ выходящихъ за предѣлы вопроса. То, что осталось здѣсь, явилось такимъ образомъ результатомъ выбора. Разумеется, я счелъ своимъ долгомъ помѣстить in-extenso отвѣты, противорѣчащіе моимъ личнымъ взглядамъ.

³⁾ Я лично знаю адвокатовъ, по двадцати лѣтъ выступающихъ въ судѣ и до сихъ поръ испытывающихъ страхъ дебютантовъ. Сарсз говорить, что это неизлѣчимо, и что наиболее опытные артисты (Сарра Бернаръ, между прочимъ) никогда не могли избавиться отъ *боязни публики*.

Докторъ Р... S... (докладчикъ).

Типъ преимущественно зрительный и двигательный, но нисколько не слуховой. Плохая память словъ. Заучивая на память, долженъ громко говорить и, *закрывая глаза, видѣть образы словъ*. Затѣмъ читаетъ то, что запечатлѣлось въ мозгу и произноситъ почти безсознательно.

«Я принадлежу скорѣй къ числу тѣхъ, которымъ слово не легко дается... Самопроизвольными у меня являются не произносимыя, а написанныя слова. Я думаю ихъ, по мѣрѣ того, какъ пишу. Подготовка рѣчей сводится у меня къ простому обдумыванію (приведенію въ порядокъ моихъ мыслей о данномъ предметѣ согласно наиболее логичному плану). Я говорю громко или мысленно. Для другихъ работъ, не для докладовъ, мнѣ необходимо *писать, чтобы ясно выразить свою мысль*. Когда я говорю, я вижу свой планъ написаннымъ. Безсознательная работа у меня тоже играетъ важную роль. Задумавъ какой-нибудь трудъ, я ему предоставляю, такъ сказать, самостоятельно развиваться; моя безсознательная мысль сортируетъ все то, что я вижу, читаю, слышу, относящееся или нѣтъ къ моему труду. Когда я уже не въ состояніи ничего прибавить, работа останавливается, но я еще не способенъ писать. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока, въ одинъ прекрасный день, я не почувствую себя какъ бы принужденнымъ писать. Иногда я по нѣскольку разъ берусь за перо и никогда не упорствую, если работа сразу не подвигается. Это значитъ, что еще не настало время».

Я воспроизвожу полностью анализъ, данный докторомъ Р. S., не только потому, что онъ исходитъ отъ человѣка весьма компетентнаго, выдающагося врача по болѣзнямъ мозга, но еще, и преимущественно, потому, что это наблюденіе особенно подтверждаетъ мои личные взгляды. Вотъ графистъ, по интуиціи понявшій, что первымъ условіемъ краснорѣчія является необходимость избавиться отъ графизма и въ нѣкоторомъ родѣ раздвоить свою личность. Писатель сохраняетъ свойственные ему приемы, но ораторъ ищетъ совершенно иныхъ. Докторъ S. попалъ на истинный путь.

Л. С... (прокуроръ).

Типъ: безразличный. Мысли легче всего приходятъ ему въ голову за письменнымъ столомъ (С.—выдающійся писатель). Онъ часто пишетъ свои рѣчи, остерегаясь учить наизусть (я долженъ прибавить, что онъ одаренъ прекрасной памятью). Говоря, онъ часто мысленно читаетъ написанное. Онъ принужденъ искать слова; онъ не импровизаторъ, но, стараясь развить въ себѣ эту способность, онъ беретъ какую либо идею и развиваетъ ее плохо или хорошо, отдаваясь на волю импровизаціи. Онъ полагаетъ, что письменная подготовка можетъ съ теченіемъ времени облегчить импровизацію, но на собственномъ примѣрѣ еще не могъ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія.

Хотя С... называетъ себя безразличнымъ, я думаю, что послѣ этого самонаблюденія его, не колеблясь, слѣдуетъ причислить къ хорошо

известной словесно-зрительной категории, которая является, вмѣстѣ съ тѣмъ, двигательнo-графической.

В... (совѣтникъ префектуры).

Весьма любопытный образецъ чистаго словесно-зрительнаго типа.

«Когда я думаю или говорю», заявляетъ онъ, «я читаю слова написанными на доскѣ, поставленной, какъ мнѣ кажется, передъ моими глазами. Память фотографируетъ слова въ моемъ умѣ. Я читаю въ немъ, какъ въ книгѣ. Произнося фразу, я обдумываю слѣдующую, которую вижу написанною передъ моими глазами. Подготавливаясь къ рѣчи, я пишу ее мысленно. Въ важныхъ случаяхъ мнѣ случалось бѣгло записывать свои рѣчи, перечитывать ихъ, затѣмъ говорить себѣ главные фразы, вокругъ которыхъ сгруппируются второстепенныя, вызванныя окончаніемъ первыхъ».

Изъ всѣхъ допрошенныхъ ораторовъ В., безъ сомнѣнія, по умственному типу наиболѣе приближается къ Геро де Сешеллю.

С... (докладчикъ).

«Я составляю полный планъ рѣчи раньше, чѣмъ приступить къ словесной подготовкѣ... Я набрасываю на бумагу и распределяю главныя мысли, а затѣмъ пробую импровизировать. Я пытаюсь наединѣ развить мысленно, почти никогда не шевеля губами, ту часть, которая представляется моему уму. Такимъ образомъ, я произвожу одну или двѣ общихъ репетиціи... Я мысленно говорю. Нѣтъ сомнѣнія, что съ перомъ въ рукахъ я *нахожу мысли, которыя раньше не пришли бы мнѣ въ голову*».

Память словъ посредственная. Чтобы ихъ найти, С. долженъ сдѣлать усиліе. Читая громко, онъ легче заучиваетъ на память. Я, не колеблясь, зачисляю его въ среду графистовъ, которые путемъ разумнаго метода стремятся приблизиться къ словесно-двигательному типу.

Л. С... (членъ университета).

«Мнѣ очень часто случалось, говоря съ одушевленіемъ публично, думать въ то же время о чемъ-нибудь постороннемъ (о присутствующихъ лицахъ, освѣщеніи зала, впечатлѣніи, производимомъ моею рѣчью, и т. д.). Я прекрасно запоминаю слова. Лучшимъ средствомъ, чтобы учить на память, для меня является письменное изложеніе. Въ то время, какъ я говорю, слова подсказываются мнѣ въ точности внутреннимъ голосомъ. Въ своемъ планѣ я не забочусь о слогѣ, но никогда не рѣшусь говорить въ нѣсколько торжественномъ случаѣ, не зная въ точности и не представляя себѣ съ ясностью своей рѣчи въ главныхъ чертахъ».

Подготавливаясь къ публичной рѣчи, онъ говоритъ, а также мысленно пишетъ.

«Я мысленно читаю свой планъ, слѣдую ему и, теряя его изъ виду, жду момента, чтобы снова уловить его. Я много писалъ (С...

замѣчательный поэтъ) и этому, безъ сомнѣнія, обязанъ моимъ даромъ рѣчи (правильностью фразъ, разнообразіемъ оборотовъ, связностью словъ, ритмичностью періодовъ и т. д.)».

Я открыто признаю, что это послѣднее мнѣніе нѣсколько противорѣчитъ выведеннымъ мной заключеніямъ; но я продолжаю думать, что С. обязанъ своими достоинствами, какъ оратора, своей системѣ мысленной подготовки, и что онъ заблуждается на счетъ благотельнаго назначенія графизма въ ораторскомъ искусствѣ.

Х... (руководитель конференцій въ Сорбоннѣ).

Этотъ выдающійся ораторъ утверждаетъ, что не принадлежитъ ни къ какому изъ типовъ, что онъ не обладаетъ ни однимъ изъ способовъ мышленія, описанныхъ Шарко; онъ не хочетъ даже называться «безразличнымъ». У него прекрасная организованная память и никакой врожденной. Не будучи импровизаторомъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, онъ, однако же, никогда не пишетъ своихъ лекцій.

«Я подготавливаю слѣдующимъ образомъ: 1) изучаю предметъ; 2) мысленно устанавливаю свои идеи; 3) составляю планъ; 4) обдумываю уже найденныя и распределенныя доказательства».

Я замѣтилъ, что если послѣ того, какъ я уже старательно приготовилъ лекцію, какое-нибудь неожиданное обстоятельство заставляло меня заняться чѣмъ-нибудь другимъ раньше, чѣмъ выступить на кафедрѣ, я читалъ лекцію съ большей легкостью и большимъ жаромъ».

Х. (секретарь префектуры).

Онъ обладаетъ посредственной памятью словъ; чтобы выучить на память, онъ долженъ шевелить губами, мысленно произнося слова. Въ обыкновенномъ разговорѣ, онъ ищетъ слова, заботясь о правильности фразы. Напротивъ того, въ интересномъ разговорѣ, *въ спорѣ о хорошо известномъ предметѣ*, у него слишкомъ много словъ для выраженія мысли, результатомъ чего является нѣчто въ родѣ заиканія.

Для того, чтобы говорить передъ публикой, я долженъ обдумать тему. Я мысленно или даже письменно распределяю главные пункты рѣчи и даже придаю имъ известную форму, не совѣмъ такую, какою она будетъ во время произнесенія рѣчи, но весьма близкую къ ней. Словомъ, я какъ можно меньше прибѣгаю къ памяти словъ, которая у меня достаточно слаба».

Докторъ С.

Мысленно читаетъ свои мысли и видитъ слова написанными. Память словъ плохая.

«Желая припомнить фразу или знаменитое стихотвореніе, я мысленно вижу бѣгло написанную фотографію составляющихъ его словъ. Фраза, какъ бы она длинна и сложна ни была, обыкновенно въ точности запечатлѣвается въ моемъ мозгу, безъ всякихъ стараній съ моей стороны. Готовясь къ рѣчи, я прежде всего составляю остоу, чтобы затѣмъ облачить его: я думаю, но не говорю, а мысленно чи-

таю... Я полагаю, что результатом привычки къ письменной подготовкѣ является большее развитіе мышленія, а это даетъ основаніе большей легкости импровизаціи».

С. (Адвокатъ).

«Я не знаю, къ какой изъ указанныхъ вами категорій причислить себя. Вамъ видно будетъ, къ которой изъ нихъ я принадлежу... Я весьма отчетливо сознаю въ себѣ раздвоеніе личности. Почти всегда и чувствую въ себѣ присутствіе этого двойника, не отдавая себѣ въ точности отчета, которое изъ двухъ лицъ «я». Собственно говоря, я могу сказать, что «другой» диктуетъ въ то время, какъ я вамъ пишу, но я въ этомъ не вполне увѣренъ. Въ простомъ ли разговорѣ или въ публичной рѣчи, я служу мишенью для критическихъ замѣчаній этой личности, которая мнѣ иногда бываетъ полезна, но гораздо чаще вредна. Она, безъ моего вѣдома, приводитъ меня въ спальню въ то время, какъ я обдумываю мою работу,—она же ведетъ меня мимо дверей моего дома такъ, что я этого не замѣчаю. Она обращаетъ мое вниманіе на пожимающаго плечами противника, на невнимательнаго судью,—она выставляетъ на видъ сорвавшуюся съ языка глупость, неправильность произношенія, глубоко смущая такимъ образомъ порядокъ моихъ мыслей. Быть можетъ, она же, въ видѣ вознагражденія, продолжаетъ мою рѣчь въ то время, какъ мой умъ старается придти въ себя отъ волненія, причиненнаго не слишкомъ большой проницательностью. Въ началѣ моей адвокатской дѣятельности я готовился къ рѣчи письменно и часто училъ наизусть. И теперь еще, несмотря на то, что, заручившись мнѣніемъ нѣкоторыхъ моихъ собратьевъ, я призналъ этотъ приемъ крайне грубымъ, неуверенность въ своихъ силахъ заставляетъ меня иногда писать. Я замѣтилъ, что судьи съ большимъ вниманіемъ слушали меня въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ я готовился путемъ простого обдумыванія. Въ общемъ, я дѣлю мои рѣчи на два разряда: къ тѣмъ, которыя касаются текущихъ, безотлагательныхъ дѣлъ, я не готовлюсь письменно; тѣ же, которыя относятся къ важнымъ дѣламъ, всегда или написаны заранее или составлены въ весьма подробныхъ замѣткахъ. Я завидую тѣмъ изъ моихъ собратьевъ, которые не прибѣгаютъ къ письменной подготовкѣ, и замѣчаю съ нѣкоторой грустью (весьма простибельной) ихъ превосходство надъ собой; мнѣ кажется, что я ошибся въ моемъ призваніи, сдѣлавшись адвокатомъ. Иногда, въ отвѣтахъ, я импровизирую, но въ такихъ случаяхъ я не на высотѣ своей задачи. Я обладаю прекрасной, не зрительной памятью. Я могъ бы иногда, мнѣ кажется, похвалиться безсознательной работой, которая, по моему, скорѣй представляетъ собой претвореніе идей, чѣмъ творчество».

Докторъ S.

«Я принадлежу къ зрительному типу, но не къ словесно-зрительному, а къ *образо-зрительному*. Думая о какомъ-либо предметѣ, я не вижу его названіе написаннымъ, я вижу его образъ, а иногда и образъ всего того, что можетъ имѣть къ нему отношеніе». По приемамъ рѣчи, докторъ S. причисляетъ себя къ двигательному типу. У

него прекрасная память, но только врожденная. Онъ не можетъ ею руководить и ему часто не хватаетъ словъ въ нужный моментъ. *Числа и цифры приводятъ его въ отчаяніе.*

«Я болтливъ (мнѣ всегда ставили это въ упрекъ), но только въ извѣстные моменты. Мнѣ нужно какое-нибудь возбужденіе для того, чтобы говорить легко. Подъ влияніемъ волненія, радости, негодованія, гнѣва, рѣчь у меня льется плавно, почти безсознательно. Слова опережаютъ мысль. Въ спокойномъ состояніи я начинаю запинаться, говорю невнятно, никогда не нахожу нужнаго слова и испытываемый мною стыдъ еще увеличиваетъ мое смущеніе до такой степени, что иногда мѣшаетъ мнѣ дѣлать попытки и *говорить публично*. Я всегда боюсь потерпѣть настоящее крушеніе. Какъ я упомянулъ выше, я принадлежу къ «зрительному» типу и, такъ какъ всѣ мои мысли витаютъ предо мной въ видѣ образовъ, то въ случаяхъ, когда мой двигательно-артикуляціонный центръ не возбужденъ, слова съ трудомъ даются мнѣ, чтобы переводить образы. Въ возбужденномъ состояніи я не только съ легкостью говорю, но даже прибѣгаю къ рѣчи для того, чтобы писать, и тогда лучше всего пишу, когда *диктую* своему секретарю.

Я никогда не говорилъ публично и не знаю, что бы со мной было, если бы когда-нибудь мнѣ пришла охота сдѣлать это. Безъ письменной подготовки, я думаю, дѣло пошло бы на ладъ, если-бъ я былъ въ ударѣ. Составивъ же рѣчь и въ особенности выучивъ ее наизусть, я навѣрное-бъ застрѣлъ на пути».

Хотя докторъ S. не ораторъ, я нашелъ нужнымъ помѣстить здѣсь его весьма любопытное изслѣдованіе. Изъ него вытекаетъ, я это думаю безъ всякаго предубѣжденія, что если словесно-зрительному типу трудно дается ораторское искусство, то образо-зрительному встрѣчается еще больше препятствій на этомъ пути.

Вотъ, впрочемъ, наблюденіе одного адвоката и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательнаго поэта. Онъ не знакомъ съ докторомъ S. и, слѣдовательно, не обмѣнялся съ нимъ взглядами. Вы увидите, тѣмъ не менѣе, до какой степени сходны ихъ психологическіе анализы.

Е. Z. (Адвокатъ).

«Въ обыкновенномъ разговорѣ я отличаюсь словесно-двигательными качествами. Думая о прочитанныхъ или написанныхъ мной вещахъ, я вижу мою мысль написанною... *Но чаще всего я думаю образами* (не словесными). Эти образы порой имѣютъ отдаленную связь съ моей мыслью и, желая ихъ объяснить, я долженъ возстановить цѣлую цѣпь часто странныхъ ассоціацій идей. Память словъ у меня изъ рукъ вонъ плоха. Мнѣ крайне трудно учить наизусть; я достигаю этого лишь путемъ цѣлой массы смѣшныхъ мнемоническихъ приемовъ. *Я не запоминаю ни чиселъ, ни цифръ.*

Въ обыкновенномъ разговорѣ у меня имѣется запасъ употребительныхъ словъ, которыми я владѣю безъ труда. Но какъ только я выхожу изъ предѣловъ простого разговора, какъ только я хочу съ точностью выразить мои мысли,—все измѣняется. Я принужденъ до-

вольствоваться приблизительными выражениями, которые меня не удовлетворяют, и мои неточные, полные странностей фразы слѣдуютъ одна за другой, походя съ виду на тѣхъ стыдливыхъ нищихъ, на которыхъ навьючены развѣвающиеся панталоны и широчайшіе сюртуки ихъ отцовъ. Сознаніе этого еще больше связываетъ меня по рукамъ и по ногамъ. Я всегда стараюсь удостовѣриться въ грамматической правильности слога».

Готовясь къ публичной рѣчи, Z. пишетъ всю ее. «Даже съ перомъ въ рукѣ, я часто не могу овладѣть словами. Когда я наскоро набрасываю мысль, образъ, планъ, не заботясь о литературной формѣ, часто случается, что мнѣ недостаетъ нѣкоторыхъ словъ. Я пишу съ глазами, устремленными на мое видѣніе, и тогда, чтобы не остаться позади, я принужденъ испещрять бумагу рисунками, пробѣлами, звуко-подражательными словами, иностранными выражениями, символическими эскизами, смыслъ которыхъ иногда, когда я долго не перечитываю своей работы, мнѣ трудно возстановить. Я не испытываю, по правдѣ сказать, этихъ затрудненій, когда пишу свои рѣчи, въ которыхъ примѣняемые слова не выходятъ изъ числа общеупотребительныхъ. Я выучиваю наизусть (а для меня это трудъ не легкій) то, что написалъ. Говоря, я мысленно читаю и съ трудомъ возстановляю всѣ мнемотехнические приемы, которые я принужденъ употребить. Сверхъ того, возлѣ меня всегда находится большой листъ бумаги, на которомъ я составилъ, въ видѣ таблицы, самый ясный планъ моей рѣчи, занося въ него лишь самыя выдающіяся и трудныя слова каждой идеи. Я прекрасно понимаю, что эта система, горячо рекомендованная мнѣ моими прежними собратьями,—изъ рукъ вонъ плоха. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, какъ я ее употребляю, я не сдѣлалъ никакого успѣха и не сдѣлаю его,—вслѣдствіе этого, я твердо постановилъ отказаться отъ нея (и вы прекрасно сдѣлаете, г. Z!..).

Желая что-нибудь написать, если матеріалы уже собраны, я оставляю ихъ «перерабатываться»; работа композиціи совершается такимъ образомъ почти сама собой: главные подробности выдѣляются, менѣе интересныя остаются въ тѣни. Я никогда не упускаю случая воспользоваться этой безсознательной разработкой».

Снабжать комментаріями это тонкое изслѣдованіе значило бы обезобразить его.

С. F. (литераторъ и докладчикъ).

Типъ почти чисто словесно-зрительный. Для того, чтобы выучить наизусть, онъ фотографируетъ слова въ своей памяти, пристально вглядываясь въ нихъ; когда же говорить,—мысленно читаетъ ихъ. Даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ онъ мысленно читаетъ произносимыя фразы. *Онъ сознаетъ, что легко мыслить лишь съ перомъ въ рукахъ.* Само собой разумѣется, онъ пишетъ свои доклады, но избѣгаетъ влѣчивать ихъ на память. F. принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что письменная подготовка можетъ, въ концѣ концовъ, способствовать импровизаціи.

Примѣчаніе. Этотъ анализъ лишній разъ подтверждаетъ связь, существующую между словесно-зрительностью и графизмомъ.

L. G. (профессоръ парижск. университета).

Типъ скорѣй словесно-зрительный. Память острая, но быстро забывающая. Съ большимъ трудомъ запоминаетъ имена собственные даже близкихъ особъ. Для того, чтобы учить наизусть, пользуется въ равной степени тремя указанными въ вопросномъ листѣ способами. Говоря,—мысленно читаетъ. Легкость рѣчи зависитъ у него отъ момента: порой весьма значительная, она, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, затрудняется. Она зависитъ отъ случая, волненія, расположенія.

«Обыкновенно я выучиваю на память вступленіе и заключеніе, а иногда еще и наиболѣе существенную часть. Остальное я предоставляю случаю. Часто въ разговорахъ я возбуждаю трактующій мной вопросъ. Я не предаюсь никакому предварительному обдумыванію. Мое сужденіе составляется послѣ чтенія или вслѣдствіе продолжительной безсознательной работы».

L. G. принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, которые, *желая сочинить романъ, «разсказъ, служащій лишь изложеніемъ зрительной мысли»,* могутъ думать лишь съ перомъ въ рукахъ.

Когда онъ говоритъ, фраза весьма быстро вырисовывается въ его умѣ.

D... (бывшій адвокатъ, журналистъ и докладчикъ).

«Я не могу сказать, чтобы у меня слова предшествовали, въ собственномъ значеніи слова, мысли. Они ее вызываютъ, побуждаютъ преимущественно въ разговорѣ или, лучше сказать, въ спорѣ. Я тогда ясно сознаю, что слова порождаютъ у меня мысли, открываютъ предо мной новые горизонты... Память у меня хорошая, но не устойчивая. За недостаткомъ упражненія, она разлѣнилась. Чтобы выучить наизусть, я читаю слова и затѣмъ вижу ихъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, которое они занимаютъ. Не будучи слишкомъ увлеченъ споромъ, я слѣжу за грамматическою правильностью фразъ и точностью выражений... У меня никогда почти слова не вызываютъ матеріальныхъ образовъ и, въ свою очередь, матеріальные образы не пробуждаютъ ни идей, ни словъ. Съ точки зрѣнія рѣчи, я безусловно *идеалистъ*. Я рѣшительно не способенъ сколько-нибудь развить въ рѣчи вопросъ, къ которому я специально не подготовился. Но это относится лишь къ настоящей, публичной рѣчи. Въ ограниченномъ же кругу лицъ я могу безъ подготовки принять участіе въ преніяхъ съ такой же легкостью и непринужденностью, какъ и въ подготовленной рѣчи; опроверженіе, столкновенія мнѣній другихъ пробуждаютъ въ такихъ случаяхъ мою мысль. Готовлюсь я тремя способами: 1) изучаю въ общемъ предметъ; 2) обдумываю его болѣе или менѣе продолжительно, но не говорю и не пишу мысленно; 3) пишу или, по крайней мѣрѣ, начинаю писать, такъ какъ рѣдко случается, чтобы лѣнь не остановила меня на серединѣ этой работы. Я не могу положительно сказать, что я въ состояніи думать лишь съ перомъ въ рукахъ. Но этотъ приемъ чаще всего облегчаетъ развитіе моей мысли. Иногда же происходитъ нѣчто совершенно противное и бываетъ, что съ перомъ въ рукахъ я

чувствую себя парализованным и не нахожу болѣе тѣхъ мыслей, развитіе и почти даже выраженіе которыхъ до того уже сложились въ моей головѣ. Иногда я училъ наизусть,—это мнѣ никогда не удавалось. Изрѣдка мнѣ случалось писать по нѣскольку разъ нѣкоторыя части своей рѣчи. Это, по моему мнѣнію, самый лучший методъ, какъ съ точки зрѣнія усвоенія предмета, такъ и со стороны легкости и точности выраженій. Я полагаю, что письменная подготовка должна облегчать импровизацію, но только съ условіемъ не продолжать ея сверхъ мѣры и какъ можно скорѣй и чаще пробовать свои силы въ импровизаціи. Безъ этого, способность импровизаціи, за недостаткомъ упражненія, въ концѣ концовъ притупляется и исчезаетъ. Я никогда не могъ приступить къ публичной рѣчи, — я имѣю въ виду многочисленную публику, — безъ чувства настоящаго физическаго недомоганія: сухости во рту, сжатія горла, похолодѣвшихъ рукъ. Когда я открываю ротъ, чтобы произнести первое слово, мнѣ кажется, что въ головѣ у меня пусто, и я удивляюсь звуку собственного голоса, совершенно такъ, какъ еслибъ я слушалъ кого-нибудь посторонняго. Это продолжается болѣе или менѣе долго, обыкновенно все время, пока длится вступленіе. Разъ дойдя до сущности предмета, я овладѣваю собой; неприятное чувство сглаживается, и я чувствую себя такъ же непринужденно, какъ въ простомъ разговорѣ. Я начинаю тогда слѣдить мысленно за вещами, совершенно чуждыми моему предмету. Я анализирую впечатлѣнія слушателей; я замѣчаю особенности въ наружности или въ костюмѣ кого-нибудь изъ публики. А между тѣмъ, до самаго конца я произвожу на себя впечатлѣнія человека, который грезить, который—*самъ не свой*.

Г. D. сопровождаетъ этотъ образцовый анализъ такими любопытными замѣчаніями, что я не могу обойти ихъ молчаніемъ: «Позвольте», говоритъ онъ, «указать вамъ одинъ цѣнный документъ, на случай, если онъ ускользнулъ отъ вашего вниманія. Я имѣю въ виду рядъ статей, появившихся въ «Temps» за подписью Lintilhac¹⁾, и озаглавленных, насколько помнится, «Искусство краснорѣчія». Въ нихъ разсматривались самые замѣчательные ораторы и докладчики нынѣшняго времени».

Въ заключеніе нѣсколько воспоминаній:

«Я слышалъ, какъ г. Леонъ Клери, предсѣдательствуя на одной адвокатской конференціи, выразился, что: «импровизація опасная муза, которой слѣдуетъ обрѣзывать крылья». Вамъ извѣстно, что Клери, даже въ настоящее время, въ полномъ расцвѣтѣ, пишетъ свои рѣчи (охотно вѣрю: Лашо упрекалъ его въ томъ, что онъ затягиваетъ свое краснорѣчіе въ корсетъ). Барбу всегда готовилъ наиболѣе яркія мѣста своихъ рѣчей, прогуливаясь не у себя въ кабинетѣ, но на воздухѣ. Вальдекъ-Руссо въ судѣ, какъ и на каедрѣ, почти никогда не пользуется замѣтками (онъ же представляетъ типъ современнаго оратора,—онъ обладаетъ свойствами греческихъ ораторовъ и, притомъ, безъ графизма)».

¹⁾ Къ сожалѣнію, мнѣ было неизвѣстно сочиненіе Лентилака и я не могъ воспользоваться имъ въ свое время.

Х. (журналистъ и политикъ).

Вообще, онъ видитъ образы предметовъ. По исключенію, приобретаеетъ словесно-зрительныя свойства, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда произносить недавно выученную вещь. Когда дѣло касается прежнихъ воспоминаній (вещей, выученныхъ во время классныхъ занятій), онъ вспоминаетъ посредствомъ образовъ. Обыкновенно онъ заботится о грамматической правильности фразы раньше, чѣмъ ее произнести. «Я говорилъ публично, въ качествѣ кандидата или представителя партіи, безъ всякой специальной подготовки; общая подготовка, однако, была, такъ какъ рѣчь необходимо касалась вопросовъ, бывшихъ обыкновеннымъ предметомъ моихъ занятій. Я никогда не училъ на память. То, что написано мной, я устно развиваю съ большей легкостью въ какой-нибудь другой формѣ».

Х. (адъюнктъ-профессоръ юридическаго факультета).

Онъ причисляетъ себя къ «безразличному типу». Память причудливая: въ ней легче запечатлѣвается ходъ, общее впечатлѣніе фразы, чѣмъ самыя употребляемыя слова. «Когда я декламирую, мнѣ кажется, что слова сами собой наворачиваются мнѣ на языкъ. Тѣмъ не менѣе, я ясно помню, что если мнѣ случалось ребенкомъ учить грамматику, латинскіе тексты, таблицу умноженія или какой-нибудь другой предметъ, не возбуждающій нисколько моего воображенія, я отвѣчалъ его, мысленно *читая* уроки. Извѣстное мѣсто на страницѣ, какое-нибудь пятно на бумагѣ—служили точками опоры для моей памяти. Я думаю, что мнѣ не часто приходится искать слова въ разговорѣ. У всѣхъ моихъ родственниковъ съ материнской стороны почти одинаковый характеръ разговора. Лѣтъ десять тому назадъ кто-то при мнѣ сказалъ моей матери: «Неприятная черта вашего разговора это то, что вы какъ бы читаете фразы». Мнѣ кажется, что я разговариваю скорѣй по самопроизвольному вдохновенію, чѣмъ какъ-нибудь иначе. Но... если дѣло касается пункта, требующаго подробнаго развитія, мнѣ трудно, если не невозможно, говорить (публично) безъ подготовки. Мысли являются въ то время, какъ я обдумываю данный вопросъ, но замѣтки, указывающія главные пункты развитія ихъ, много способствуютъ ихъ ясности и порядку. Чтобы исполнѣ владѣть собой, мнѣ необходимо заранѣе въ точности отмѣтить точки отправленія. Мнѣ нуженъ, словомъ, подробный планъ. Даже форму фразъ я довѣряю вдохновенію. Въ то время, какъ я произношу извѣстную фразу, я уже думаю о слѣдующей. Я замѣтилъ, что когда мнѣ случается повторить уже сдѣланный докладъ, моя рѣчь далеко не такъ легка и свободна, и форма ея гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ первый разъ. Безсознательной работы у меня никогда не бываетъ».

Докторъ Н. (докладчикъ).

«Я скорѣй всего принадлежу къ словесно-двигательному типу. Я никогда не учу на память, но если бы мнѣ пришлось это сдѣлать, я

былъ бы, мнѣ кажется, принужденъ шевелить губами, произнося вполголоса слова... Я могу говорить лишь о предметѣ, хорошо мнѣ знакомомъ, который я обдумалъ и о которомъ составилъ замѣтки. Изучивъ трактуемую мной тему, я составляю планъ (для меня въ этомъ все), ясное, методическое подраздѣленіе на нѣсколько частей, которыя послѣдовательно пополняютъ другъ друга; что касается выражений, требуемыхъ для развитія каждаго пункта, то я о нихъ въ настоящее время особенно не забочусь (вначалѣ это было иначе), а быстро ихъ нахожу въ то время, когда говорю»... Докторъ Н. вначалѣ писалъ свои доклады, не выучивая ихъ на память, но потомъ онъ былъ принужденъ отказаться отъ этого приема, требующаго много труда и времени. Онъ убѣжденъ, что этотъ способъ можетъ облегчить импровизацию (мое мнѣніе на этотъ счетъ извѣстно). Не отрицая безсознательной работы, онъ не думаетъ, чтобы до сихъ поръ извлекъ хоть малѣйшую выгоду изъ нея. Что бы ни говорилъ г. Н. о достоинствахъ графизма, я прихожу къ слѣдующему заключенію относительно него: это представитель врожденнаго словесно-двигательнаго типа, отвѣдавшій графизма, слѣдующаго дурнымъ указаніямъ, но смутно сознавшій свою ошибку и теперь, возвратясь къ настоящему методу, сдѣлавшійся корректнымъ и очень пріятнымъ ораторомъ.

Докторъ В.

«Я принадлежу къ словесно-двигательному типу. Думая, я говорю свою мысль. Я прекрасно сознаю, что мнѣ достаточно только открыть ротъ, чтобы слова посыпались оттуда. Память у меня плохая. Желая выучить что-нибудь наизусть, я шепотомъ или хотя бы мысленно произношу слова... Я мало забочусь о правильности фразы передъ тѣмъ, какъ говорить. Но я часто замѣчаю (слишкомъ поздно) погрѣшность какой-нибудь слишкомъ растянутой фразы, и эта неправильность является настоящимъ гнетомъ для моего ума. Въ то время, какъ я говорю, я, разумеется, думаю, и мнѣ часто случается, что какое-нибудь произносимое слово возбуждаетъ мысль, которой раньше не было; но если я не развиваю сейчасъ же этой вызванной словомъ мысли—я ее теряю».

Прежде г. В. казалось нужнымъ письменно готовить то, что онъ долженъ былъ говорить публично. Онъ какъ-то не довѣрялъ себѣ. Теперь онъ попробовалъ ограничиться простымъ предварительнымъ обдумываніемъ, и дѣло пошло на ладъ.

Нотис

Г. А. Х. (адвокатъ).

Вотъ ораторъ, котораго я безъ колебанія зачисляю, нѣсколько противъ его воли (такъ какъ онъ самъ не хочетъ зачислить себя куда-либо) въ словесно-двигательную категорию. Это одинъ изъ самыхъ совершенныхъ ораторовъ, которыхъ мнѣ случалось слышать. Его отвѣты представляютъ для меня тѣмъ большую цѣнность, что у него нѣтъ никакой предвзятой теоріи о внутренней рѣчи. Онъ попросту заявляетъ, что «ничего не смыслить въ тарабарщинѣ Шарко».

«Я думаю», говоритъ онъ, «когда мнѣ это нужно думать, и мои слова выражаютъ мысль какъ только могутъ лучше». Дознано опытомъ, что многимъ представителямъ словесно-двигательнаго типа трудно отдать себѣ отчетъ въ механизмѣ ихъ мысли, разъ у нихъ мысль почти смѣшивается со словомъ. Г. Х. никогда ничего не учитъ на память. Это признаніе исходитъ изъ подъ пера почти всѣхъ профессиональныхъ ораторовъ. Другіе, какъ, наприкладъ, Сарсэ, открыто заявляютъ, что у нихъ нѣтъ памяти, тогда какъ у нихъ удивительная память. Онъ никогда не старается провѣрить грамматическую правильность своей фразы и, причисляя себя къ категоріи людей съ хорошо привѣреннымъ языкомъ (весьма скромно), ставитъ себѣ въ упрекъ излишнюю быстроту рѣчи. Онъ сознаетъ даже, быть можетъ, что говоритъ «какъ бы по вдохновенію» (противное меня бы удивило). Г. Х. признался, что онъ писалъ свои первыя защитительныя рѣчи. Въ этомъ онъ слѣдовалъ лишь системѣ, распространенной и въ настоящее время, системѣ, противъ которой столько опроверженій и примѣровъ я представилъ. Мой высокочтимый собесѣдникъ резюмируетъ свои личныя мнѣнія на этотъ счетъ, заявляя, что онъ считаетъ графическую подготовку «неизбѣжной для начинающихъ». Я бы возразилъ ему на это, что онъ введенъ въ заблужденіе чтеніемъ классиковъ. И я сошлюсь на его собственный примѣръ въ опроверженіе его слишкомъ догматическаго мнѣнія. Признавъ необходимость письменной подготовки для начинающихъ, г. Х. прибавляетъ: «Я уже давно совсѣмъ не пишу. Я импровизирую, сперва вполнѣ освоившись съ трактуемымъ предметомъ. Моя подготовка сводится къ простому обдумыванію, во время котораго я часто мысленно говорю» (типъ Штрикера). Если къ этимъ указаніямъ я прибавлю фактъ, что г. Х. считаетъ трудной всякую письменную работу, и что онъ часто замѣчалъ дѣйствіе безсознательной работы, совершаемой мозгомъ во время сна, то этого будетъ достаточно для обнаруженія въ немъ признаковъ, свойственныхъ чистому словесно-двигательному типу. Теперь, если графическая подготовка такъ благотворна, какъ это утверждаетъ г. Х., не удивительно ли, что онъ съ такой готовностью и безповоротно распространился со столь превосходнымъ приемомъ? Если бы результаты ея оказались блестящими, можетъ быть, онъ до сихъ поръ пользовался бы ею, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ случаяхъ? Между тѣмъ онъ никогда не примѣняетъ ея. Еще разъ, не правдоподобно ли, что этотъ превосходный ораторъ потому отрекся отъ такого способа подготовки, что безсознательно почувствовалъ, насколько онъ утомленъ и противенъ его натурѣ?

Н. Р. (адвокатъ).

«Размышляя, я не могу вполнѣ ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ во мнѣ. Мнѣ кажется, все же, что я вообще долженъ *услышать* фразу раньше, чѣмъ ее выговорить; затѣмъ, когда я желаю ее высказать, въ моемъ умѣ происходитъ подготовительная работа, совершающаяся лишь постепенно... Я одѣваю мысль и прекрасно сознаю, что раньше, чѣмъ ее представить, я забочусь объ ея

нарядѣ... Я прикрашиваю выраженіе и выпускаю ненужныя слова, чтобы сдѣлать ее болѣе яркой. Я мало учу на память. Когда же это мнѣ случается дѣлать, я внимательно читаю и затѣмъ произношу слова про себя. Я никогда не ищу словъ; они большею частью непосредственно являлись на мой первый призывъ. Иногда, однако, у меня бывають абсолютныя пробѣлы... слово ускользаетъ отъ меня, какъ я ни зову его,—но это случается чрезвычайно рѣдко. Недѣлю тому назадъ, въ рѣчи, длившейся четыре часа, по одному изъ наиболѣе важныхъ дѣлъ, со мной ни разу не приключилось такого рода слабости. У меня рѣчь является лишь внѣшнимъ выраженіемъ вполнѣ установившихся мыслей. Я никогда не готовлюсь къ своимъ рѣчамъ путемъ ихъ произнесенія; я przygotowляю лишь планъ, въ которомъ указываются заранѣе общія идеи... Я всегда импровизирую въ рѣчи. Часто въ очень тонкихъ процессахъ мнѣ случалось дѣлать гораздо болѣе полныя замѣтки съ готовыми уже фразами. Двадцатитрехлѣтній опытъ доказалъ мнѣ, что въ рѣчи я никогда не пользовался этими замѣтками. *Я даже отказался отъ этой привычки, такъ какъ онѣ больше мешали, чѣмъ помогали мнѣ.* Каждый разъ, какъ я говорю, я чувствую, какъ, внезапно и безъ подготовки, во мнѣ являются мысли, которыхъ не породило глубокое изученіе предмета, но которыя представляются, однако, ясно раньше, чѣмъ быть выраженными, и я довольно быстро отдаю себѣ отчетъ въ ихъ значеніи даже если немедленно пускаю ихъ въ ходъ... *У меня громадная память.* (Г. Р. почти слово въ слово можетъ запомнить цѣлую сотню свидѣтельскихъ показаній. Напротивъ того, числа и собственныя имена онъ съ трудомъ запоминаетъ). Мнѣ очень часто случалось лечь спать, послѣ того, какъ я, ознакомившись съ дѣломъ, не только не составилъ плана рѣчи, но даже не нашелъ серьезныхъ защитительныхъ аргументовъ, и проснуться на другой день съ весьма ясно начерченными и богатыми превосходными аргументами планомъ въ головѣ).

Мнѣ кажется, что г. Р. слѣдуетъ причислить къ слухо-словесно-двигательному типу. Въ этой категоріи встрѣчаются первоклассные ораторы.

Г. Z. (адвокатъ).

«Мысль у меня предшествуетъ рѣчи, но слова почти немедленно появляются въ моемъ умѣ».

Память у него хорошая. Заучиваетъ наизусть легче всего путемъ громкаго чтенія; декламируя, онъ видитъ произносимыя слова написанными на бумагѣ. *Проговоривъ полчаса или болѣе,* онъ чувствуетъ, что начинаетъ говорить какъ бы по вдохновенію. Онъ измѣняетъ способы подготовки, сообразно съ трактуемымъ предметомъ: очень простыя темы только обдумываетъ вслухъ. Въ трудныхъ же дѣлахъ ему много помогаетъ графическая подготовка, и онъ полагаетъ, что этотъ методъ, въ концѣ концовъ, облегчаетъ импровизацію. «Результатомъ этой работы является правильное распредѣленіе мыслей у меня въ умѣ... Въ обыкновенномъ разговорѣ я ограничиваюсь тѣмъ, что думаю, и слова приходятъ сами собой».

Н. (чиновникъ администраціи).

«Я принадлежу скорѣй всего къ словесно-зрительной категоріи. Мысленно видимыя слова мнѣ представляются то напечатанными, то написанными. Чтобы заучить слова, я пристально вглядываюсь въ нихъ. Подготавливаясь, я обдумываю тему, на которую долженъ говорить. Въ началѣ моей адвокатской карьеры я предварительно писалъ рѣчи и держалъ рукопись подлѣ себя. Потомъ, разъ написавъ, я ее уничтожалъ».

Теперь Н. цѣликомъ пишетъ рѣчи, «опасаясь всегда», говорить онъ, «чтобъ смѣшная, но почти непреодолимая робость не помѣшала ему произнести ни одного звука».

Р. (адвокатъ).

Онъ относится вообще къ слуховому типу, а зрительнымъ становится въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается выученныхъ наизусть вещей. Память устойчивая. Ясно сознаетъ присутствіе внутренней личности. Громко говорить, готовясь къ рѣчи. «Я говорю по запискамъ, которыя долго обдумывалъ и раньше читалъ вслухъ. Я стараюсь, по возможности, сократить замѣтки такъ, чтобъ каждое слово выражало главную идею. Я считаю необходимой своего рода «генеральную репетицію» передъ докладомъ или судебной рѣчью. Безсознательная работа мнѣ кажется исключеніемъ... Состояніе духа, обстановка предстоящаго дня, время и т. п., по моему, оказываетъ большое вліяніе на ораторское искусство и рѣчь».

Х. (профессоръ).

«Мнѣ кажется, что я не принадлежу ни къ одному изъ типовъ, указанныхъ Шарко, и что, для того, чтобы думать, не примѣняю ни одного изъ обозначенныхъ вами приемовъ. Я могу лишь сказать, что такъ какъ моя мысль крайне сложна, то я долженъ сдѣлать извѣстное усиліе, чтобъ распредѣлить свои идеи и выстроить ихъ въ боевомъ порядкѣ. Впрочемъ, у меня нѣтъ никакого предвзятаго приема. Короткія фразы и длинные періоды одинаково служатъ моей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы въ немногихъ словахъ сказать многое. Я вѣдь прежде всего писатель; я совсѣмъ не умѣю говорить, но не потому, чтобы у меня не хватало словъ, а потому, что рѣчь вовлекла бы меня въ отступленія, не совмѣстимыя съ характеромъ моего преподаванія. Каждый годъ я излагаю въ двадцати лекціяхъ новый предметъ. Мой курсъ, такимъ образомъ, совсѣмъ не то же, что бѣглая бесѣда профессора лица или даже университета. Это книга изъ двадцати главъ. Каждая изъ этихъ главъ написана заранѣе и писалась очень медленно, безъ замѣтокъ и безъ помарокъ. Я читаю ихъ безъ измѣненія, присовокупляя къ тексту нѣсколько устныхъ объясненій, нѣсколько рисунковъ на доскѣ. Я читаю, нисколько не скрывая этого, но, какъ кажется, дѣлаю это совершенно естественнымъ тономъ разговорной рѣчи. Я не могу довѣрять своей памяти, болѣе обширной,

чѣмъ точной; впрочемъ, если дѣло касается стиховъ, то ритмъ и рифмы служатъ мнѣ точкой опоры. Вотъ небольшая подробность, нисколько не касающаяся моей личности, но болѣе подходящая для вашего изслѣдованія: восемь или десять лѣтъ тому назадъ, когда счетчикъ Иноди, почти ребенокъ, былъ представленъ въ антропологическое общество, Брока изучалъ его въблизи и убѣдился, что онъ ясно видѣлъ выстроенными въ рядъ цифры, сумму которыхъ онъ долженъ былъ назвать... Итакъ, Иноди былъ цифро-зрительнымъ типомъ».

Очень интересный фактъ, сообщаемый почтеннымъ профессоромъ относительно Иноди, обнаруживаетъ, что Брока, очевидно, впалъ въ заблужденіе, помѣщая этого поразительнаго счетчика въ зрительную категорію. Бинэ и профессоръ Лакассанъ ¹⁾, не колеблясь, зачислили Иноди въ слуховую категорію, являющуюся въ то же время словесно-двигательной. Дѣйствительно, то, что Иноди мысленно произносить, онъ всегда *слышитъ* и *никогда не видитъ написаннымъ*. Онъ, впрочемъ, лично мнѣ это подтвердилъ.

Доктора А. Х. и С. Г.

Докторъ Х. весьма любезно доставилъ мнѣ, вмѣстѣ со своими личными отвѣтами, отвѣты двухъ врачей-интерновъ при его больницѣ. Вотъ общій выводъ изъ этого совокупнаго наблюденія.

Докторъ Х. является чисто словесно-слуховымъ типомъ, С. — словесно-зрительнымъ и Г. — словесно-двигательнымъ.

У доктора Х. плохая память. Говоря наизусть, онъ мысленно читаетъ. Ему нѣсколько трудно находить слова и, раньше чѣмъ произнести фразу, онъ старается убѣдиться въ ея грамматической правильности. Слухъ играетъ у него главную роль лишь во французскомъ языкѣ, въ иностранныхъ же языкахъ зрѣніе замѣняетъ слухъ. (Это наблюденіе не ново, — Штрикеръ сдѣлалъ его на самомъ себѣ. Нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго въ томъ, что родной языкъ, воспринятый прежде всего слухомъ, сохраняется въ слуховой памяти, тогда какъ иностранные языки, воспринятые обыкновенно глазомъ, сохраняются въ зрительной памяти).

С. Г. оба видятъ мысленно фразу раньше, чѣмъ ее произнести.

Докторъ Х. и Г. не пишутъ, когда готовятъ лекцію или докладъ. Они составляютъ схему съ главными отдѣлами и подраздѣленіями, чтобы обезпечить порядокъ и ясность. Затѣмъ, они мысленно говорятъ.

С. (словесно-зрительный типъ) долженъ писать, по меньшей мѣрѣ, первыя и послѣднія фразы своего доклада, а то даже и главнѣйшія промежуточныя.

Докторъ Х. никогда не замѣчалъ въ себѣ безсознательной работы (совсѣмъ напротивъ, его интерны часто испытывали ея дѣйствіе). Онъ полагаетъ, что эта автоматическая работа можетъ попросту зависѣть отъ того, что умъ, послѣ ночного отдыха, обладаетъ болѣею остротой, легкостью и быстротой.

З. (ПРОКУРОРЪ).

«Я въ точности не подхожу ни къ одному изъ типовъ... Мнѣ кажется, что во мнѣ соединяются словесно-слуховой и словесно-двигательный типы, но ни въ какомъ случаѣ не словесно-зрительный. Я никогда не пишу своихъ рѣчей. Я составляю замѣтки и импровизирую, обдумавъ предварительно, по мѣрѣ возможности, тему. Иногда я пишу первую фразу, чтобы облегчить начало; остальное приходитъ само собой.

В... (ПРОФЕССОРЪ).

«Я въ одно и то же время читаю и слышу свою мысль, но въ особенности я ее слышу и произношу до такой степени, что послѣ размышленія у меня горло сохнетъ и утомляется совершенно такъ, какъ еслибъ я говорилъ». Это наблюденіе подтверждаетъ и дополняетъ заявленіе Штрикера, встрѣчавшаго лицъ словесно-двигательнаго типа, начинавшихъ хрипѣть отъ размышленія. В. заявляетъ, что у него память скорѣй слуховая, подобно его способу мышленія: онъ слышитъ слова, не произнося ихъ и скорѣй запоминаетъ звуки, чѣмъ буквы. Ему не нужно стараться отыскивать слова, которыя сами являются къ нему, и онъ говоритъ, что «всегда можно закончить фразу, каково бы ни было ея начало», — мнѣніе, которое мнѣ кажется нѣсколько преувеличеннымъ. Словомъ, почтенный профессоръ рѣшительно причисляетъ себя къ категоріи импровизаторовъ. «Вотъ мой методъ: я нахожу сначала три или четыре общихъ идей; затѣмъ, я *письменно формулирую ихъ съ возможно болѣею точностью*. Потомъ я отыскиваю второстепенныя идеи и *письменно формулирую*, по мѣрѣ того, какъ онѣ представляются моему уму; я *письменно устанавливаю ихъ*, сообразно съ ихъ логическимъ порядкомъ и взаимной зависимостью. У меня получается такимъ образомъ рядъ сухихъ, но ясныхъ и точныхъ формулъ. Въ публичной рѣчи мнѣ остается только найти переходы и развитіе этихъ формулъ. Каждая изъ этихъ формулъ даетъ матеріалъ для разсужденія, для параграфа. Итакъ, я не пишу и не учу на память того, что долженъ говорить, а составляю извѣстное число формулъ. Я спокойно распредѣляю, сокращаю или пополняю ихъ на бумагѣ. Вооружившись этими формулами, я говорю безъ труда. Однако, въ случаяхъ, когда я забочусь о совершенной правильности моей рѣчи и когда, съ другой стороны, мои идеи ведутъ къ слишкомъ общимъ, слишкомъ возвышеннымъ или слишкомъ страстнымъ разсужденіямъ, я стараюсь редактировать (*вотъ гдѣ ошибка!*) развитіе этихъ нѣсколькихъ идей. Когда затѣмъ я говорю, я не повторяю этихъ разсужденій такъ, какъ они написаны, но слова приходятъ мнѣ на умъ, безъ всякаго старанія съ моей стороны. Когда мнѣ предстоитъ говорить передъ избранной аудиторіей или произнести демонстративную рѣчь, я стараюсь наканунѣ громко прорепетировать ее. На другой день, слова и мысли являются сами собой. Очевидно, здѣсь происходитъ безсознательная работа».

Прим.: В. принадлежитъ къ не разъ уже описанному и столь свойственному ораторамъ слуховому двигательно-артикулятивному типу.

¹⁾ См. Archives d'Antropologie criminelle (15 mars. 1893, p. 194).

Ему, какъ ученику высшей нормальной школы, получившему чисто зрительное, графическое воспитаніе и, по профессіи, принужденному много писать, было трудно отречься отъ графизма съ такой же легкостью, какъ это сдѣлалъ Сарсз. Словомъ, если судить по его, какъ кажется, весьма искреннему изслѣдованію, онъ придерживается письменной подготовки лишь въ самой необходимой мѣрѣ. В... одинъ изъ наиболѣе пріятныхъ ораторовъ; обладая такимъ строемъ ума, онъ достигнетъ совершенства въ тотъ день, когда окончательно выброситъ всякій «графизмъ» за бортъ.

Ковалева
З. (ПРОФЕССОРЪ).

«Я принадлежу преимущественно къ словесно-слуховому типу, въ значительной степени къ словесно-двигательному и немного къ словесно-зрительному. Я слышу слова, подсказываемыя мнѣ внутреннимъ голосомъ, и, послѣ быстрой провѣрки, я ихъ повторяю. Будучи импровизаторомъ болѣе по необходимости и по привычкѣ, чѣмъ по природѣ, я въ повседневныхъ лекціяхъ ограничиваюсь простымъ предварительнымъ обдумываніемъ; но для публичной рѣчи перо мнѣ кажется необходимымъ не для того, чтобы находить идеи, но чтобы съ точностью опредѣлять ихъ, когда онѣ не совсѣмъ ясны. (Вотъ результатъ воспитанія, совершенно не отводящаго мѣста обученію ораторскому искусству). Я на скорую руку набрасываю сюжетъ, стараюсь однимъ словомъ обозначить простыя идеи и подыскивая болѣе точныя выраженія для тонкихъ идей. Затѣмъ я мысленно говорю такъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, выраженій, изъ которыхъ я въ свое время буду выбирать подходящее, или которыя оставлю въ сторонѣ, если мнѣ подвернутся другія. Часто усиліе заставляетъ меня громко произносить. Я учу наизусть, и то, приблизительно, ту фразу, на которой останавлиюсь. Писаніе... сообщаетъ мысли точность, а слѣдовательно даетъ и увѣренность въ себѣ,—условіе, необходимое въ импровизаціи. Я очень вѣрю въ бессознательную работу, но не замѣчалъ ея вліянія на себя сколько-нибудь явственнымъ образомъ. Мнѣ случалось утромъ съ большей ясностью разбираться въ моихъ мысляхъ, чѣмъ вечеромъ. Было ли это бессознательной работой мозга? Я скорѣй думаю, что онъ въ это время отдыхалъ».

Докторъ Н. (хирургъ).

Словесно-слуховой типъ. Не совсѣмъ, но въ нѣкоторой степени и словесно-двигательный, такъ какъ онъ одновременно думаетъ и произноситъ думаемое слово.

«Память именъ собственныхъ совершенно отсутствуетъ, что очевидно связано съ отравленіемъ табакомъ, такъ какъ стоитъ мнѣ не курить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, чтобы эта память снова появилась. (Вниманію многочисленныхъ ораторовъ, которые не въ состояніи запоминать собственные имена). Весь ходъ болѣзни пациента я прекрасно вспоминаю при взглядѣ на больное мѣсто, тогда какъ видъ или имя больного не вызываютъ его въ моей памяти. Заучивая на память, я

не шевелю губами, но у меня есть влеченіе дѣлать это. Мнѣ кажется, что такое движеніе происходитъ умственно такъ, какъ еслибъ я руководилъ имъ. Я произношу слова произвольно, не сознавая внутренней предварительной работы. Слова являются немедленно. Если же они не являются, то сколько бы я ни старался, я не нахожу ихъ. Готовясь къ лекціи, я ограничиваюсь простымъ обдумываніемъ, причемъ составляю письменный планъ и развиваю его въ рѣчи, которую произношу какъ бы по вдохновенію».

М. (ПРОФЕССОРЪ).

Словесно-двигательный типъ, одаренный недурной зрительной памятью. Если онъ и не видитъ при воспоминаніи графическихъ знаковъ, то все же видитъ мѣсто, занимаемое ими на печатной или писанной страницѣ, и это облегчаетъ ему воспоминаніе идей и формулъ. Хорошая память словъ. Учить наизусть, мысленно говоря, причемъ произносить слова, не шевеля губами.

«Я никогда не училъ наизусть и не говорилъ на память ни лекцій, ни докладовъ,—я употребляю два другихъ приема: я, въ одинъ присѣсть и не заботясь о слогѣ, пишу всю рѣчь, чтобы лучше уяснить себѣ мысль, затѣмъ перечитываю и обдумываю ее; или же просто составляю методическій планъ и обдумываю его, мысленно говоря. Во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ только моихъ лекцій, въ собственномъ смыслѣ слова, я пишу и держу передъ собой требуемый планъ. Бессознательная работа мнѣ всегда казалась незначительной, въ особенности тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ открытіи формулъ, выраженіи, но она оказываетъ мнѣ помощь въ построеніи и развитіи мысли».

Къ моему величайшему сожалѣнію, я долженъ былъ, въ большей части этихъ психологическихъ наблюдений, оставить въ сторонѣ много оригинальныхъ и весьма интересныхъ соображеній. Многие изъ моихъ корреспондентовъ касались вопросовъ, выходящихъ за предѣлы этого труда. Я могъ отмѣтить себѣ любопытныя подробности о механизмѣ мысли, о снахъ, о рефлексивныхъ актахъ, о волѣ, отношеніяхъ нравственной стороны къ физической и даже гигиенѣ оратора. Нѣкоторые брались за весьма трудную проблему психологіи публики. Когда я приступилъ къ своей работѣ, у меня было намѣреніе написать отдѣльную главу объ отношеніи оратора къ его аудиторіи, разсмотрѣть, при свѣтѣ современной науки, ту сторону краснорѣчія, которую древніе называли «ораторскими нравами». Я собралъ даже на этотъ счетъ значительное число матеріаловъ, но замѣтилъ, что этотъ вопросъ гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ мнѣ казалось раньше. Онъ требуетъ глубокаго изученія, и я могу лишь въ послѣдствіи приступить къ нему.

Чтобы наиболѣе поучительныя замѣчанія моихъ знаменитыхъ собесѣдниковъ не были утеряны, я постараюсь, въ заключеніи, соединить на нѣсколькихъ страницахъ практическіе совѣты, разсѣянные

въ ихъ отвѣтахъ или, какъ мнѣ кажется, вытекающіе изъ ихъ само-наблюденій.

Я совсѣмъ не такъ смѣшно самоувѣренъ, чтобы думать, что написалъ «психологію оратора». Я былъ бы очень счастливъ, еслибъ мой скромный опытъ могъ натолкнуть какого-нибудь психолога написать ее. Существуетъ весьма основательное мнѣніе, что нѣтъ такой посредственной книги, изъ которой интеллигентный человѣкъ не могъ бы вынести пользы. Я желалъ бы, чтобы моей книгѣ удалось обратить на себя вниманіе какого-нибудь мыслителя, убѣдить его въ дѣйствительной важности вопроса, касающагося публичной рѣчи, и склонить его сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ вполне научнаго и основательнаго изученія...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нѣсколько практическихъ совѣтовъ.

- Старательно избѣгайте всякой письменной подготовки къ рѣчи.
- Приучайтесь каждое утро хотя бы въ продолженіе десяти минутъ импровизировать на какую-нибудь тему.
- Никогда не пишите писемъ раньше, чѣмъ не расскажете себѣ содержаніе ихъ мысленно или вслухъ. Обдумывайте и говорите прежде, чѣмъ писать что бы то ни было.
- Старайтесь не готовиться въ послѣднюю минуту. Оставляйте, по крайней мѣрѣ, одну ночь свободной между публичной рѣчью и подготовкой къ ней. Позвольте вашему мозгу отдохнуть въ послѣдніе часы, предшествующіе произнесенію рѣчи.
- Не злоупотребляйте замѣтками: онѣ должны обозначать лишь главные подраздѣленія и числа.
- Крѣпко запечатлѣвайте въ памяти, съ помощью ассоціаціи мыслей, нужныя для вашей рѣчи *собственные имена*. Самымъ замѣчательнымъ ораторамъ случается смѣшивать, въ продолженіе своей рѣчи, имя защищаемой ими стороны съ тою, на которую они нападаютъ, чѣмъ возбуждается въ слушателяхъ чувство непріятной неловкости. Иногда достаточно, для запоминанія имени какого-нибудь лица, связать его съ какимъ-либо характеристическимъ признакомъ этого лица (цвѣтомъ платья, звукомъ голоса и т. д.).
- Чтобы излѣчиться отъ невнятности или слишкомъ большой бѣгло-сти рѣчи, необходимо слушать себя даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ. Нужно приучить себя никогда не произносить фразы, не убѣдившись раньше въ ея грамматической правильности.
- Легувэ и Дюпонъ-Вернонъ рекомендуютъ прекрасный способъ избавиться отъ бормотанья: слѣдуетъ какъ можно чаще упражняться въ произношеніи, прогрессивно ускоряя, самыхъ трудныхъ буквъ азбуки, однихъ вслѣдъ за другими. Такимъ образомъ, начните съ ф, т, д, затѣмъ пустите въ ходъ букву е, затѣмъ букву р, и произносите до тѣхъ поръ эти ф, т, д, е, р, пока мускулы языка и рта не приобретутъ гибкости. Этотъ способъ грубъ? Ничего, попробуйте его.

Старайтесь по возможности избѣгать всякихъ чисто зрительныхъ мнемотехническихъ способовъ, какъ напримѣръ запоминать красныя строки.

Повторенія ораторскихъ соединительныхъ формулъ становятся утомительными, если производятся слишкомъ часто. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «такъ сказать»; «если можно такъ выразиться»; «позвольте сказать вамъ»; «повторяю»; «внѣ всякаго сомнѣнія»; «еслибъ я смѣлъ»... и т. д. Ихъ изгнать невозможно. Нужно лишь помѣшать одной и той же формулѣ повторяться безпрестанно въ рѣчи. Чтобы избавиться отъ этого недостатка, слѣдуетъ приобрести какъ можно большее количество этихъ оборотовъ, съ цѣлью больше разнообразить ихъ. Для указанія оратору на эти шероховатости рѣчи необходимо присутствіе друга, среди слушателей.

- Начинайте рѣчь всегда медленно, внятно, но скорѣй негромко. ✓
- Всякій ораторъ, слишкомъ громко начинающій вступленіе, рискуетъ очень быстро охрипнуть и закончить рѣчь тусклымъ голосомъ.
- Никогда не горячитесь въ спорѣ. Для того, чтобы внушить довѣріе къ своему мнѣнію, нужно его высказать холодно и безстрастно. Гнѣвъ прежде всего не гигиениченъ: онъ содѣйствуетъ хрипотѣ. Кромѣ того, слишкомъ пылкій ораторъ часто предубѣждаетъ противъ себя, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ слушателей.
- Не спускайте глазъ съ тѣхъ, кто васъ слушаетъ. ✓
- Не читайте никогда цитатъ или, по крайней мѣрѣ, избѣгайте этого, насколько возможно.
- Жестъ имѣетъ свое значеніе, но излишняя жестикуляція невыносима въ ораторѣ. Достаточно вообще отдаваться своему естественному побужденію.
- Если кто-либо васъ прерветъ, дайте ему кончить. Больше старайтесь запомнить нить его рѣчи, чѣмъ немедленно найти возраженіе. Удачное возраженіе почти всегда зависитъ отъ хорошей памяти.
- Если вамъ недостаетъ слова, никогда не теряйте времени на то, чтобы найти его. Лучше барбаризмъ, неточность или даже грамматическая неправильность, чѣмъ остановка среди рѣчи.
- Никогда не упускайте случая послушать виртуоза слова; избѣгайте, какъ чумы, тѣхъ, кто плохо говоритъ.
- Безъ сомнѣнія, правила, которыя я только что формулировалъ, покажутся слишкомъ сжатыми и краткими; однако, я полагаю, что бесполезно было намѣтить ихъ.

Оглавленіе.

	стр.
Изъ предисловія автора	3
Глава I. Психо-физиологія рѣчи	5
Глава II. Внутренняя рѣчь, разсматриваемая въ ея связи съ внѣш- нимъ словомъ	11
Глава III. Рѣчь и память	19
Глава IV. Исторія ораторскихъ приемовъ	25
Глава V. Очеркъ раціональнаго метода	33
Глава VI. Изслѣдованіе приемовъ нѣкоторыхъ ораторовъ	40
Боссюэтъ	—
Кошанъ	—
Жербье	41
Таржэ	—
Мирабо	—
Вернйо	42
Гюадэ	43
Инаръ	—
Дантонъ	—
Геро де Сешелль	44
Робеспьеръ	—
Бенжаманъ Констанъ	45
Манюэль	—
Де Мартиньякъ	—
Ленэ	46
Ферреръ	—
Геннекэвъ	—
Беррье	—
Дюпэны	47
Тьеръ	48
Викторъ Гюго	—
Лашо	49
Гамбетта	50
Леонъ Дюваль	51
Профессора и докладчики:	
Огюстъ Контъ	52
Лакассанъ	—
Жильберъ Баллэ	53
Дюга	—
Легува	—
Францискъ Сарсэ	54
Глава VII. Результаты личныхъ изслѣдованій	56
Мышленіе	57
Разсудочная память	58
Публичное краснорѣчіе	59
Заключеніе. Нѣсколько практическихъ совѣтовъ	78

Правила объ испрошеніи высочайш. наградъ.

1905 г. 30 к.

Виндшейдъ и Іерингъ.

Сравнительная характеристика, проф. Э. Энка. 1900 г. 30 к.

Открытыя тайны ораторскаго искусства.

Проф. К. Гильти. Перев. съ нѣмец. 1901 г. 25 к.

Защита въ вен. судѣ.

Н. Родіонова. 1902 г. 1 р.

Сводъ узакон. о государствен. преступн. дѣяніяхъ

дом. гражд. воен. и воен.-морск. судовъ, съ разъяснен. Составилъ Г. Блосфельдтъ 1907 г. 70 к.

психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ правѣ.

Соч. Проф. Л. Е. Владимірова. 1901 г., ц. 2 р.

Преступленіе (LE CRIME), соч. П. Ломброзо

І. Этиологія преступленія. Перев. д-ра Г. Гордона. 1900 г., ц. 80 к.

Государство и пріобрѣтенныя права.

Георга Мейера. Изд. 1909 г. 25 к.

Что такое справедливость

въ точки зрѣнія угол. права. Сост. проф. Геймбергеръ. 1904 г. 50 к.

СОЦІОЛОГІЯ И ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Р. Вормса. Перев. съ франц. 1900 г., ц. 30 к.

Искусство творить судъ.

проф. Ф. Штейна. Перев. съ нѣмецкаго А. Бугаевского. 1901 г., ц. 25 к.

ВИЛЛЬЯМЪ ЭНСОНЪ.

Англійскій парламентъ.

Его конституціонные законы и обычаи.

Сводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями И. А. Захарова. 1908 г. 2 р. 25 к.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ой литературы по гражданскому праву. А. Ф. Поворинскій. Изд. 2, переработ. и значительно дополненное. 1904 г., ц. 4 р. 50 к.

ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦІЯ

бъясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Аридта. Перевелъ бар. А. Мейендорфъ. 1905 г. 75 к.

Юридическая сдѣлка и экономическое неравенство.

адательная охрана экономически болѣе слабыхъ. Herman Isay, перев. съ нѣмец. Ю. В. съ примѣч. по русскому праву. Изд. 1909 г. 30 к.

Соціальное Право. Индивидуальное Право.

бразованія государства. Леона Дюги. Лекціи, читанныя въ „Ecole des hautes études sociales“. 1909 г. 50 к.

М. Кондорсэ. Прогрессъ человѣческаго разума.

Сводъ съ французскаго Г. А. Шапиро, подъ редакціей приватъ-доцента Сперанскаго, съ вступительнымъ очеркомъ профессора М. М. Ковалевскаго. XV+252 стр. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1909 г.

Отечественное законовѣдѣніе.

ментарныя понятія о правѣ и государствѣ. Введеніе къ изученію отечественныхъ законовъ (въ объемѣ VII кл. гимназій). Составилъ И. Демкинъ, преподаватель законовѣдѣнія Ревельскихъ гимназій Императора Николая І и Петровскаго реальнаго училища. Изд. 1908 г., ц. 40 к.

54
Труды профессора Л. И. Петражицкого:
Введение въ изученіе права и нравственности.

Основы эмоциональной психологии, изд. 3. 1908 г. 2 р.

Теорія права и государства

въ связи съ теоріей нравственности. Т. I. Изд. 2. 1909 г. 2 р. Т. II, изд. 2, 1910 г. 2 р. 25 к.

Университетъ и наука.

Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія, т. II. Практич. выводы. 1907 г. 2 р. 25 к. Т. I изд. 2-е печатается.

Bona Fides въ гражд. правѣ.

Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы съ точки зрѣнія догмы и политики гражд. права. Изд. 2. 1902. 2 р. 75 к.

Акціонерная компанія.

Акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерн. компаніи въ народномъ хозяйствѣ. Изд. 2. п. 3 р. Печатается.

Баронъ Ю. Система римскаго гражданскаго права

в. I, кн. I. Общая часть. Изд. 3. 1909 г. п. 1 р. 60 к. В. II. кн. II. Владѣніе. Кн. III. Вещныя права, изд. 3. 1908 г., п. 1 р.; в. III, кн. IV. Обязательственное право. Изд. 2. 1899 г., п. 1 р. 50 к.; в. IV. кн. V. Семейственное право. Кн. VI. Наслѣдственное право. Предметный указатель. 1908 г. 1 р. 50 к.
Переводъ проф. Л. И. Петражицкого.

Русское гражданское право.

Чтенія Д. И. Мейера, изданныя по запискамъ слушателей подъ редакціей А. И. Вицына. Изданіе 3-е съ исправленіями и дополненіями А. Х. Гольмстена. 1910 г. 3 р.

Общее ученіе о государствѣ

(право современнаго государства). Д-ръ Георгъ Еллинекъ, проф. Гейдельбергскаго университета. Изд. 2-ое, исправлен. и дополненное по 2-му нѣмец. изд. С. I. Гессеномъ. 1908 г. п. 3 р.

Исторія источниковъ римскаго права.

Теодора Киппа (перев. со втораго переработаннаго изданія). А. М-ра. Изд. 1908 г., п. 1 р.

Пандекты,

т. II (т. I. ч. 2 нѣмец. изд.) Вещное право. Генриха Дернбурга, перевод. бар. А. Ф. Мейендорфа. 1905 г. 2 р. 25 к.

УЧЕБНИКЪ

Русскаго Гражданскаго судопроизводства

А. Х. Гольмстена, заслуженнаго профессора. Изд. 4-ое, переработанное. 1907 г., п. 2 р. 50 к.

Программа по гр. судопроизводству.

Его-же. п. 10 к.

Институціи Учебникъ исторіи и системы римскаго гражданскаго права.

Рудольфа Зомы, перев. съ 12-го нѣмецкаго изданія Г. А. Барковскаго, в. I. 1908 г. 1 р., в. II (система). 1910 г. 3 р., перев. съ 13-го нѣмец. изданія.

Лекціи по общей теоріи права.

Н. М. Коркунова, проф. С.П.Б. университета. Изд. 9-ое. 1909 г. 2 р.

Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ.

Т. I. Государство и его элементы.

Его-же. 1906 г. п. 1 р.

Типографія М. Черкушева. Невскій пр., № 8.